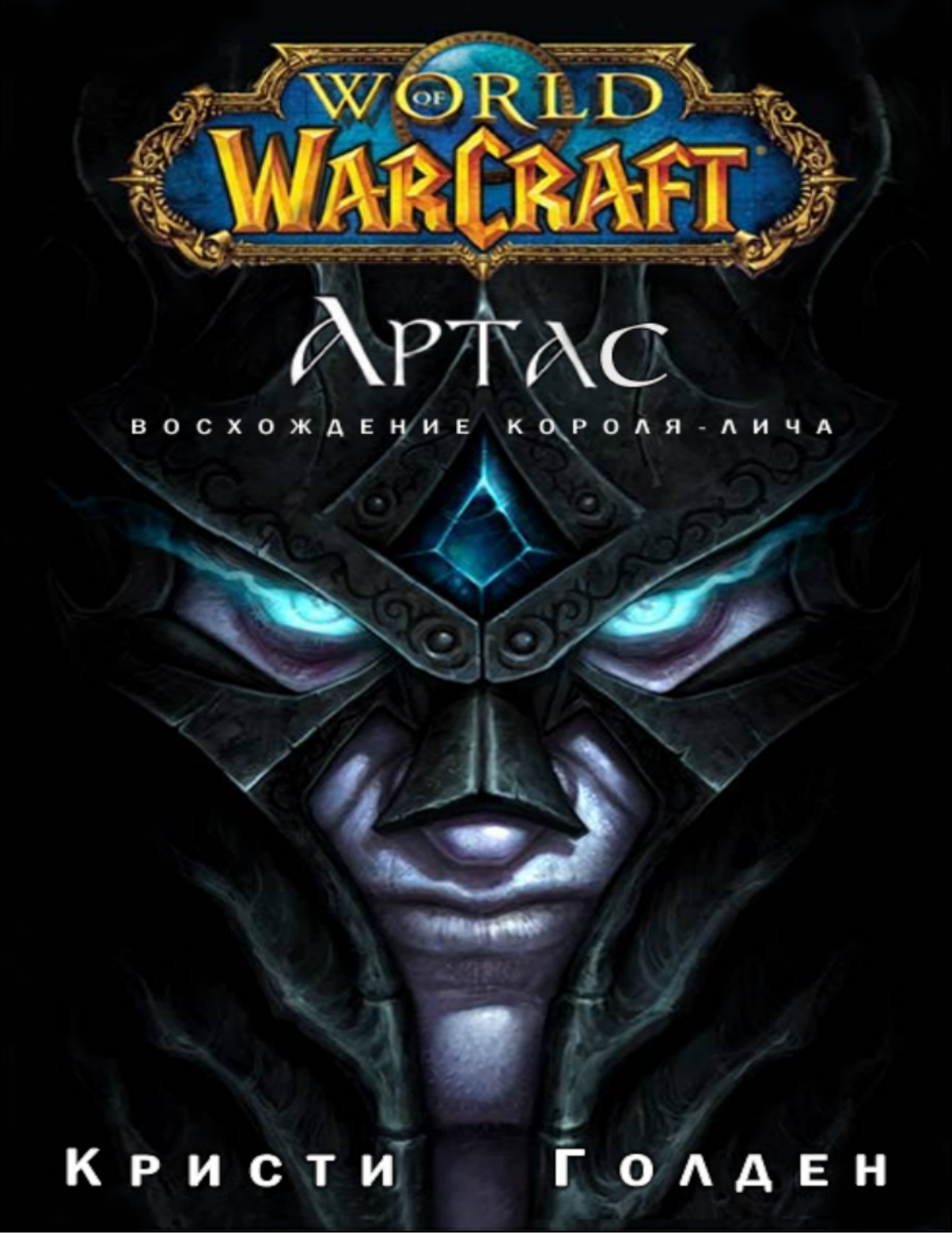
WORLD OF WARCRAFT
АРТАС
ВОСХОЖДЕНИЕ КОРОЛЯ-ЛИЧА
КРИСТИ ГОЛДЕН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его злость стала легендой. Повелитель армии Нежити Плети, обладатель рунического клинка Ледяной Скорби и враг каждого свободного существа в Азероте. Король-лич - существо с невообразимой мощью и безграничной подлостью, его холодная душа практически затухла, пока он составлял планы по уничтожению всякой жизни в мире Warcraft- а.

Но так было не всегда. До того, как его душа была объединена с духом шамана Нер'зула из расы Орков, Король-лич был Артасом Менетилом, наследным принцем Лордерона и преданным Паладином Серебряной Длани.

Когда чума Нежити стала угрожать всему, чем он дорожил, Артас отправился в злополучные поиски рунического клинка, способного спасти его родину. Но объект его изысканий потребовал слишком тяжкую плату от своего нового владельца, прокляв его на ужасный спуск во мглу. Артас выбрал путь, который привел его через арктические северные пустоши к Ледяному Трону, где он, в конце концов, оказался перед самой темной судьбой из возможных.

- Артас: Возвышение Короля-Лича
  - ПРОЛОГ: ВИДЯЩИЙ СОН
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ЗОЛОТОЙ МАЛЬЧИК
    - ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - ГЛАВА ВТОРАЯ
    - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
    - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
    - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ: СВЕТЛАЯ ГОСПОЖА
    - Интерлюдия
    - ГЛАВА ШЕСТАЯ
    - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
    - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
    - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
    - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
    - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
    - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
    - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
    - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
    - ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
    - ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ТЕМНАЯ ГОСПОЖА

- Интерлюдия
- ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАЯ
- ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

○ ЭПИЛОГ: КОРОЛЬ-ЛИЧ

Артас: Возвышение Короля-Лича

ПРОЛОГ: ВИДЯЩИЙ СОН

Буря плакала, как дитя.

Черепороги тесно прижались друг к другу, чтобы согреться – толстые косматые шкуры могли защитить их от непогоды и пострашней. Они встали вокруг своих продрогших и жалобно блеющих телят. Их огромные рога, венчавшие голову, припали к промерзшей земле, глаза были закрыты, чтобы их не запорошил яростно хлеставший снег. Им было холодно даже от собственного дыхания, но они стояли и терпели.

…В своих берлогах волки, в уютной стае, и медведи, в гордом одиночестве, пережидали буран. Как бы ни был силен их голод, они не решались выйти наружу, пока рыдающий ветер не прекратит свой стон, а слепящий снег не утихнет.

Шторм, ревущий с океана, решил испытать деревушку Камагуа, стараясь сорвать шкуры, растянутые на домах, сколоченных из костей гигантских морских животных. Когда ненастье пройдет, клыкарры, которые называли это место своим домом уже много-много лет, заменят и подошьют сети. Каждый раз после *такой* бури их жилье, крепкое, как и они сами, надо было подлатать. Они все собрались в большом доме, вырытом глубоко под землей, а значит и защищенном от ветра. Тьму прогонял свет от дымных масляных ламп.

Старейшина Атуик ждал в кромешной тишине. За последние семь лет он повидал много таких бурь. Он прожил долгую жизнь: клыки его были длинными и желтыми, а коричневую кожу бороздили глубокие морщины. Но эти бури были больше, чем просто бури, о нет, они не были от природы. Он поглядел на молодежь, дрожащую не от холода, а от страха.

– Ему снится сон, – прошептал один из них, ощетинив усы, глаза его вспыхнули.

– Тихо, – Атиук оборвал его грубее, чем хотелось. Малыш, еще больше испугавшись, затих, и теперь они снова слышали только переполненный болью плач ветра и снега.

Он разрастался, как туман, – глубокий рев, хоть и без слов, но полный смысла; песня множества голосов. Бой барабанов, грохот и топот сливались в дикий бессловесный зов. Гнев ветра обходил стороной деревушку таунка благодаря столбам, обтянутым мехом. Кривые крыши гнулись вовнутрь, как будто не повинуясь этой суровой земле, но дома стояли крепко.

Сквозь шум древнего ритуала был слышен вой ветра. Танцор, шаман по имени Камику, сделал неловкий шаг и ударился копытом. Он оправился и продолжил. Концентрация. Все дело

было в ней. Она была упряжкой для стихий, ею они подчиняли их; только благодаря концентрации его народ выживал в этой жестокой и беспощадной земле.

Пока он танцевал, его шерсть намокла и потемнела от пота. Он закрыл свои большие карие глаза и начал снова отстукивать копытами сложный ритм. Голова откинулась назад, короткие рожки рассекли воздух, хвост дернулся. Рядом с ним танцевали остальные, их тела пылали жаром. Невзирая на снег и ветер, дующий из отдушины на крыше, ярко горел костер, и от него с этим жаром в доме было тепло и уютно.

Они прекрасно понимали, что творится снаружи. Они не могли повелевать этими ветрами и снегом, как раньше. Нет, это было *его* рук дело. Но они могли танцевать, пировать и смеяться вопреки всему. Они таунка; они все переживут.

Сине-белый мир разразился всей своей яростью, но воздух в Великом Зале был теплым и спокойным. Камин высотой с человека был забит поленьями, все, что было слышно в зале – их треск. На его богатой облицовке, на которой были вырезаны невероятные создания, висели гигантские рога черепорога. Канделябры, вырезанные как головы драконов, держали ярко горящие факелы. Широкие балки поддерживали зал, в котором могли бы разместиться десятки гостей, теплый свет от костра разгонял тени, которые разбегались по темным углам. На холодном каменном полу были расстелены мягкие и теплые шкуры белых медведей и черепорогов.

Почти весь зал занимал длинный резной стол. За ним легко могли рассесться и три дюжины гостей, но сидело за ним лишь трое: мужчина,орк и мальчик.

Никого из них на самом деле не было. Мужчина, величаво сидевший за хозяйским местом, немного возвышался над остальными – его стул, вырезанный из мамонтовой кости, походил скорее на трон. Он видел сон; и его сон длился уже очень долго. Зал, трофеи, огонь, стол, вместе с орком и мальчиком – все это было лишь частью его сна.

Орк по левую руку от него был стар, но все еще силен. Яркий огонь камина и свет факелов мерцали на страшном черепе, нарисованном на его каменном лице. Он был шаманом, которому подчинялись великие силы, и даже сейчас, хоть он был всего лишь плодом воображения человека, выглядел пугающе.

Мальчик был совсем на него не похож. Возможно, раньше он был красивым ребенком, с большими глазами цвета морской волны, благородными чертами лица и золотистыми волосами. Но то было в прошлом, а теперь...

Мальчик был болен.

Он был худым и настолько изнуренным, что кости, казалось, могли прорвать кожу и вылезти наружу. Некогда яркие глаза иссохли и опустели, их покрывала тонкая пелена. Кожу покрыли гнойники, лопаясь и выделяя зеленую жижу. Ребенок дышал очень тяжело, его легкие хватались за каждый вздох, даже в удушье. Мужчине показалось, что он чувствовал, что тяжело бьется сердце, которое должно было остановиться давным-давно, но все еще трепетало.

– Он до сих пор здесь, – сказал орк, указав пальцем на мальчугана.

– Ненадолго, – ответил мужчина.

Как будто в ответ на его слова, мальчик закашлял. На стол брызнули кровь и желчь, он вытер бледный рот гноящейся тощей рукой. Он набрал воздуха, чтобы возразить. Его голос дрожал, это далось ему нелегко.

– Ты… еще не победил его. И я… докажу тебе.

– Ты столь же глуп, как и упрям, – прорычал орк. – Битва выиграна уже давным-давно.

Мужчина сжал ручки стула, слушая их. Этот сон повторялся снова и снова уже несколько лет, и теперь его это уже не развлекало, а утомляло.

– Мне надоела эта борьба. Покончим с ней раз и навсегда.

Орк искоса посмотрел на мальчишку, и нарисованный череп кошмарно оскалился. Мальчик снова закашлял, но он не испугался орка. Медленно, с достоинством он выпрямился, а его молочные глаза от орка повернулись к человеку.

– Да, – сказал орк, – оно тебе ни к чему. Скоро пробуждение. Так очнись же, и снова явись в этот мир.

Он тоже повернулся к человеку, его глаза сверкнули.

– Пройди снова тот путь, что ты избрал.

Нарисованный череп, казалось, слетел с головы, словно живя своей жизнью, и комната стала меняться с каждым его движением. Узорные канделябры, что раньше были из простой древесины, вдруг ожили, вздрогнули и колыхнулись, факелы в их пастях заполыхали и откинули невообразимый танец теней в такт раскачивающим головы истуканам. Снаружи завыл ветер, и двери в зал распахнулись. Вокруг них закружил снег. Человек протянул руки и позволил ледяному ветру обдуть его. Орк засмеялся, и череп, плывущий над его лицом, испустил безумный раскат смеха.

– Позволь мне показать тебе, что твоя судьба переплетена с моей. И ты познаешь истинную силу, лишь уничтожив *его*.

Мальчик, маленький и хрупкий, от сильных порывов

холодного ветра слетел со стула. Дрожа, он с усилием пополз, его дыхание почти прекратилось, когда он изо всех сил попытался забраться назад. Он бросил на человека взгляд надежды, страха и непонятно откуда взявшейся решимости.

– Еще не все кончено, – прошептал он, и, несмотря на орка и смеющийся череп, несмотря на вопль ветра, человек услышал его.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ЗОЛОТОЙ МАЛЬЧИК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Так, поддержи-ка ее голову; да-да, вот!

Белая кобылка, хотя ее шкура уже посерела от пота, закатила глаза и заржала. Принц Артас Менетил, единственный сын Короля Теренаса Менетила II, которому было суждено в один прекрасный день взять бразды правления над всем королевством Лордерон, быстро потянул уздечку и начал успокаивать животное.

Лошадь яростно дернула головой, чуть не сбив с ног девятилетнего мальчика.

– Тише, Светлогривая, тише, – шептал ей Артас. – Полегче, девочка, все будет хорошо. Не волнуйся.

Джорум Бальнир хмыкнул от удовольствия:

– Поди, и не думаешь даже, что когда-нибудь этот жеребенок перерастет тебя, а, парень?

Его сын Джарим, присев возле отца и принца, засмеялся, и Артас, недолго думая, весело захохотал вместе с ним, пока горячая и мокрая пена изо рта Светлогривой с чавкающим звуком не шлепнулась ему на ногу.

– Тужься, милая, тужься, – сказал Бальнир, медленно подходя к уже наполовину выбравшемуся жеребенку, всему в блестящей плеве.

На самом деле Артас не должен был здесь находиться. Но когда уроков не было, он частенько тайком от отца забегал в усадьбу Бальнира, с восхищением наблюдал за лошадьми, которыми так славилось его ранчо, и играл со своим другом Джаримом. Оба мальчика прекрасно понимали, что сын конюха, даже если у него и королевский двор покупал скакунов, был не пара принцу. Но их обоих это не особо-то заботило, к тому же, никто пока не был против их дружбы. Так Артас и приходил сюда, строя крепости, кидаясь снежками и играя в рыцарей-разбойников с Джаримом. А сегодня Джорум позвал мальчишек посмотреть на чудо рождения.

На самом деле, "чудо рождения" выглядело довольно мерзко, подумал Артас. Он и не предполагал, что будет так много… *липкой гадости*. Светлогривая заржала и напряглась, и, с пронзительным плачем, жеребенок увидел этот мир.

Тяжелая голова лошади упала на колени Артаса. Она закрыла глаза, стараясь отдышаться. Мальчик, улыбаясь, поглаживал влажную шею и густую косматую гриву, а потом посмотрел на Джарима и Джорума, занятых жеребенком. Сейчас в конюшнях

было холодно, и с горячего влажного тела малютки валил пар. Отец с сыном насухо вытирали полотенцами и сеном жеребенка, и Артас почувствовал, как губы сами собой расплываются в улыбке.

Влажный, серый, с еще неокрепшими ногами и большими глазами, жеребенок озирался вокруг, щурясь от света тусклого фонаря. Большие карие глаза заметили Артаса. *Ты прекрасен*, подумал Артас, затаив дыхание. Тут он понял, что пресловутое "чудо рождения" и в самом деле *было* чудом.

Светлогривая начала переворачиваться. Артас подпрыгнул и прижался к деревянным стенам конюшни, чтобы животное не задело его. Мать и новорожденный сначала обнюхали друг друга, и Светлогривая принялась вылизывать свое чадо длинным языком.

– А, парень, да тебя как-никак потрепали? – заметил Джорум.

Артас посмотрел на себя, и сердце екнуло. Он был весь в соломе и лошадиной слюне. Но он просто пожал плечами.

– Похоже, придется по пути во дворец окунуться в сугроб, – смеясь, ответил он. Немного успокоившись, он сказал:

– Не волнуйтесь. Мне же уже девять лет. Я не ребенок. Я могу идти, куда за...

Вдруг послышались тревожное кудахтанье кур и ворчливый мужской голос. Лицо Артаса тут же помрачнело. Он распрямил свои маленькие плечи, предпринял неплохую, но, по большому счету, бесполезную попытку отряхнуть солому и вышел из сарая.

– Сэр Утер, – прочеканил он, будто бы говорил: *"Я принц, и вам лучше не забывать об этом"*. – Эти люди были добры ко мне. Потому прошу вас, будьте аккуратнее и не топчите их птицу.

Или клумбу львиного зева, промелькнуло у него в голове, когда он взглянул на заснеженные кучки земли, где весной должны были расцвести прекрасные цветы – гордость Вары Бальнир. Он услышал, как Джоран и Джарим вышли за ним из конюшни, но не оглянулся на них, уставившись на рыцаря, закованного в...

– Доспехи! – выдохнул Артас. – Что случилось?

– Расскажу по дороге, – мрачно ответил Утер. – Я пошлю кого-нибудь за вашей лошадью, принц Артас. Непреклонный быстро довезет во дворец нас обоих, – он наклонился, взял своей огромной рукой Артаса и поднял мальчика в воздух, будто тот был не тяжелее перышка. Вара вышла из дома, услышав ржание лошади, мчащейся на полном скаку. Она вытерла руки о полотенце, а нос все равно был в пятнах от муки. Ее большие синие глаза тревожно посмотрели на мужа. Утер вежливо кивнул ей.

– Мы побеседуем в следующий раз, – сказал Утер. – Мадам, – в приветствии он коснулся лба рукой, закованной в латную перчатку, залез на своего – тоже закованного в броню – Верного, и животное тут же понеслось вперед.

Рука Утера держали Артаса, словно стальные оковы. Хотя мальчику было боязно, он все равно пытался выскользнуть из цепкой хватки.

– Я умею ездить верхом, – раздраженно сказал он, когда уже стало невмоготу. – Лучше скажите, что случилось.

– Прибыл гонец из Южнобережья. Он принес плохие вести. Несколько дней назад сотни небольших судов причалили к нашим берегам с беженцами из Штормграда, – начал рассказывать Утер. Руку свою он не отпускал. Артас признал поражение в этой бессмысленной борьбе и вытянул шею, как губка впитывая слова рыцаря – его большие глаза цвета морской волны не отрывались от мрачного лица Утера. – Штормград пал.

– Что? *Штормград*? Как? Кто? Что...

– Мы скоро это узнаем. Выживших, включая принца Вариана, ведет Защитник Штормграда, Андуин Лотар. Он, принц Вариан и остальные будут в Столице через несколько дней. Лотар предупредил нас, что у него тревожные вести. Раз кто-то уничтожил Штормград, сомневаться в этом не приходится. Мне было приказано найти и вернуть вас. Вы не можете в такой момент играть с простолюдинами.

Ошеломленный Артас отвернулся от рыцаря и схватился руками за гриву Непреклонного. Штормград! Он никогда не был там, но слышал о нем истории. Это был могущественный город, с высокими каменными стенами и красивыми домами. В то же время это была крепость, которая могла устоять под сильными ветрами, отчего и получила свое название. Невозможно было даже подумать, что бы он мог пасть – кто или что могло быть таким сильным, чтобы захватить этот город?

– Сколько людей с ним? – спросил он как можно громче, чтобы перекричать стук копыт.

– Неизвестно. Но немало, уж точно. Гонец сообщил, что придут все, кому удалось выжить.

Выжить после чего?

– А принц Вариан? – Он знал Вариана так же, как знал имена всех соседних королей, королев, принцев и принцесс. Внезапно его пронзил холод. Утер упомянул Вариана, но отца принца, Короля Ллейна, нет...

– Он скоро станет Королем Варианом. Король Ллейн пал вместе с Штормградом.

Весть о потере одного человека поразила Артаса сильнее, чем

мысль о тысяче людей, лишившихся крова. Артасу была дорога его семья: сестра Калия, мать, Королева Лиана, и, конечно же, Король Теренас. Он знал, как некоторые правители относятся к своей родне, и понимал, что уж в его-то семье все было прекрасно. Потерять свой город, свой уклад, своего отца...

– Бедный Вариан, – сказал он, на глазах у него навернулись слезы.

Утер неловко потрепал его по плечу.

– Да, – сказал он. – У парня наступили тяжелые дни.

Артас внезапно задрожал, но не от холода яркого зимнего дня. Солнечный полдень, голубое небо и холмистый край, укрытый снегом, в его глазах внезапно потемнели.

Несколько дней спустя Артас пришел на крепостные валы замка, принеся Фалрику, одному из охранников, дымящую на холоде кружку горячего чая. Подобные визиты Артаса, как и вылазки к семье Бальмира или к посудомойкам в замке, камердинерам, кузнецам, или вообще к любому слуге королевского двора, были обычным делом. Теренас лишь вздыхал, но Артас знал, что никто никогда не накажет его за то, что он общался со своими подданными. Иногда он даже задумывался, а не одобряет ли его отец.

Фалрик благодарно улыбнулся и низко поклонился, стянул свои рукавицы и начал греть замерзшие руки о кружку. Бледно-серые небеса, казалось, должны были разразиться снегопадом, но погода была пока что ясная. Артас прислонился к стене, уткнувшись подбородком в руку. Он смотрел на белые холмы Тирисфаля, которые шли через Серебряный Бор до самого Южнобережья. Дорога, по которой шли Андуин Лотар, маг Кхадгард и принц Вариан.

– Есть хоть что-то о них?

– Нет, Ваше Высочество, – ответил Фалрик, хлюпая чаем. – Они могут явиться сегодня, завтра, а может через день. Если вы желаете, хоть мельком, увидеть их, сэр, вам придется подождать.

Артас с усмешкой бросил на него взгляд, его глаза радостно сверкнули.

– Всяко лучше, чем уроки, – заявил он.

– Что ж, сэр, вам лучше знать, – мудро ответил Фалрик, чуть не засмеявшись в ответ.

Пока охранник пил из кружки, Артас вздыхал и всматривался вдаль дороги, будто у него была куча свободного времени. Поначалу ему это казалось захватывающим, но теперь ему стало скучно. Ему захотелось пойти и узнать, как поживает жеребенок Светлогривой, и он уже было подумывал, как лучше всего на

несколько часов незаметно сбежать из замка. Фалрик был прав. Лотар и Вариан могли быть еще в нескольких днях пути, если не...

Артас моргнул. Он медленно поднял свой подбородок и прищурил глаза.

– Они идут! – вскрикнул он, указывая вдаль.

Фалрик немедля бросился в сторону, куда указывал принц, совсем забыв о кружке. Он кивнул.

– У вас зоркие глаза, принц Артас! Марвин! – закричал он. Другой солдат посмотрел на него. – Иди, доложи королю, что Лотар и Вариан на подходе в город. Они будут здесь через час.

– Да, капитан, – отсалютовал тот.

– Я это сделаю! Я пойду к отцу! – сказал Артас, тут же сорвавшись с места. Марвин замялся, глядя на своего капитана, но Артас был настроен решительно. Он помчался вниз, перепрыгивая ступени, заскользил по льду в конце лестницы и вбежал во внутренний двор, притормозив лишь у тронного зала, пытаясь отдышаться. В этот день Теренас принимал народ, выслушивал его жалобы и старался помочь.

Артас откинул назад капюшон своего богато расшитого красного плаща из рунной ткани. Он глубоко вздохнул, отчего легкий пар сорвался с губ, и кивнул двум охранникам, которые тут же отдали ему честь и открыли перед ним ворота.

В тронном зале было куда теплее, чем во внутреннем дворе, несмотря на то, что это была большая мраморная палата с высоким купольным потолком. Даже в такие пасмурные дни как этот, сквозь восьмиугольное окно в вершине купола проникал солнечный свет. На стенах горели факелы, отчего комната становилась и теплее, и краснее. Сложный набор кругов, окружавших печать Лордерона, украшал пол, но сейчас узор было не видно из-за собравшихся людей, терпеливо ожидавших своей очереди для аудиенции с монархом.

На троне, украшенном драгоценными камнями, сидел Король Теренас II. Его светлые волосы уже начали седеть на висках, а лицо слегка покрывали морщины: складок от улыбки было гораздо больше, чем борозд хмурого взгляда, что, в общем-то, было характерно не только для его внешности, но и для души. Он был одет в искусно вышитые одеяния синих и фиолетовых цветов, украшенные мерцающей золотой вышивкой, сверкающей от пламени факелов и блеска короны. Теренас немного наклонился вперед, внимательно вслушиваясь в рассказ человека, стоящего перед ним – мелкий дворянин, имя которого Артас теперь и не мог припомнить. Его глаза, сине-зеленные и полные решимости, всматривались в подданного.

Несколько секунд Артас просто стоял, смотря на своего отца и думая о том человеке, прибытие которого он собирался огласить. Он, как и Вариан, был сыном короля, принцем по крови. Но у Вариана теперь не было отца, и Артас чувствовал комок в горле от мысли, что и этот трон когда-нибудь опустеет, и в его честь послышится древняя песня коронации.

Во имя Света, пусть этот день настанет не скоро.

Почувствовав пристальный взгляд своего сына, Теренас посмотрел на вход в зал. Он на мгновение улыбнулся, но тут же вернул все свое внимание просителю.

Артас откашлялся и вышел вперед.

– Простите, что прерываю. Отец, они прибыли. Я видел их! Через час они уже должны быть здесь.

Теренас стал суровее. Он знал, кто эти "они". Он кивнул:

– Спасибо, сын мой.

Собравшиеся посмотрели друг на друга; почти все знали про этих "они", и потому направились к выходу. Теренас жестом остановил их.

– Нет. Погода ясная, а дорога чистая. Они придут, как смогут, и ни секундой раньше. А до тех пор, давайте продолжим нашу беседу, – он с сожалением улыбнулся. – У меня предчувствие, что, с их появлением, встречи, такие как эта, снова начнут проводиться еще не скоро. Так давайте, прежде чем это случится, постараемся разобраться со всеми делами.

Артас с гордостью смотрел на своего отца. Именно за это люди так любили Теренаса – и именно потому король закрывал глаза на "походы" сына в народ. Теренас искренне заботился о людях, которыми правил, и старался привить это чувство и своему сыну.

– Могу я пойти и встретить их, отец?

Теренас внимательно посмотрел на своего сына и покачал светлой головой.

– Нет. Думаю, будет лучше, если тебя на встрече не будет.

Артас почувствовал себя оскорбленным. Не будет на встрече? Ему же уже девять лет! С их союзниками случилось что-то страшное, и мальчик едва старше его будет на этой встрече, да еще и без родителей. Его внезапно охватила вспышка гнева. Почему отец пытается спрятать его? Почему ему не разрешают быть на такой важной встрече?

Хотя несогласие так и вырывалось наружу, он ничего не сказал. Перед людьми он не стал бы спорить с отцом, будь он хоть трижды неправ. Он глубоко вздохнул, поклонился и ушел.

Через час Артас Менетил благополучно устроился на одном из многих балконов, что вели в тронный зал. Он усмехался про

себя; пока что он мог спрятаться, если кто-нибудь сунет сюда свой нос, осматривая помещение. Но был повод для беспокойств – еще год или два, и он будет уже слишком большим.

Но через год или два, отец, наконец,поймет, что я имею право присутствоватьна таких встречах, и прятаться мне больше не придется.

Эта мысль ему понравилась. Он свернул плащ и, подложив его под голову как подушку, стал терпеливо ждать. В комнате было тепло от жаровен, факелов и накала между людьми, собравшимися в такой тесноте. От жара и убаюкивающего ропота голосов он начал клевать носом и чуть не уснул.

– Ваше Величество.

От мощного и сильного голоса Артас чуть не подскочил.

– Я Андуин Лотар, рыцарь города Штормград.

Они здесь! Лорд Андуин Лотар, Защитник Штормграда... Артас медленно встал и выпрямился, не забываясь и не вылезая из-за синей занавески, подвешенной над входом на балкон, и выглянул наружу.

В каждой пяди Лотара был виден воин, думал Артас, глядя на человека перед собой. Высокий, крепкий, одетый в тяжелые латы, хотя казалось, он к их весу был привыкши. Притом что на лице у него были густые усы и короткая бородка, макушка у него была лысая; то, что осталось на затылке, было связано в маленький "конский хвостик". Возле него стоял старик в фиолетовых одеждах.

Затем взгляд Артаса остановился на мальчике, который мог быть только принцем Варианом Ринном. Высокий, худой, но с широкими плечами, он казался слишком бледным и даже опустошенным. Артас вздрогнул, разглядывая его. Тот был всего на несколько лет старше, а выглядел потерянным, одиноким, напуганным. Когда к нему обращались, Вариан оживлялся и давал вежливый ответ. Теренас как никто другой знал, как заставить людей почувствовать себя уютно. Он быстро отозвал всех, оставив лишь несколько придворных и охранников, и поднялся со своего трона, приветствуя гостей.

– Пожалуйста, садитесь, – предложил он, а сам сел на верхнюю ступеньку у трона. С отеческой заботой он подозвал Вариана. Артас улыбнулся. Никем незамеченный, молодой принц Лордерона наблюдал и слушал, и голоса, доносившиеся до него, казались ему невероятными. Но видя воина Штормграда и бледного будущего короля великого царства – Артас, скрепя сердце, признал, что это никакая не шутка и не выдумка; все это было ужасной правдой.

Собравшиеся люди говорили о каких-то тварях, "орках",

которые смогли захватить уже весь Азерот. Огромная, зеленокожая, клыкастая и кровожадная "Орда" текла по земле неудержимым потоком.

– Их хватит, чтобы покрыть всю землю с самого юга до самого севера, – зловеще рассказывал Лотар.

Именно эти чудовища напали на Штормград и обратили его жителей в бегство – или убили, как догадался Артас. Ситуация накалилась, когда кто-то из придворных, а может и не из них, в общем, неважно кто, посмел усомниться в словах Лотара. Воин вспылил, но Теренас разрядил обстановку и окончил встречу.

– Я созову королей соседних государств, – сообщил он. – Это касается всех нас. Ваше Величество, я предлагаю вам свой дом и защиту, пока вы в них нуждаетесь.

Артас опять улыбнулся. Вариан останется с ним, во дворце. Было бы неплохо подружиться с мальчиком голубой крови. Он хорошо общался с Калией, на два года старше его, но она же была девчонкой, и, хотя ему было весело с Джаримом, он понимал, что не всегда сможет приходить к нему. Вариан же был принцем, как и Артас, и они могли хоть драться, хоть ездить верхом...

– Вы предлагаете нам готовиться к войне, – голос отца резко оборвал все его мечты, и настроение у Артаса вновь стало скверным.

– Да, – ответил Лотар. – К войне не на жизнь, а на смерть всей нашей расы.

Артас с трудом сглотнул и выскользнул с балкона также тихо, как и пробрался туда.

Как Артас и ожидал, немного позже принц Вариан показался в комнате для гостей. Мальчика сопровождал сам Теренас, мягко держась рукой за его плечо. Может, он и не ожидал увидеть здесь сына, но виду не подал.

– Артас. Это принц Вариан Ринн, будущий король Штормграда.

Артас поклонился ему как равному по статусу.

– Ваше Высочество, – сказал он, соблюдая нормы этики, – добро пожаловать в Лордерон. Мне жаль, что обстоятельства вашего приезда не были более радужными.

Вариан не менее изящно поклонился ему.

– Как я уже говорил королю Теренасу, я благодарен за ваше дружелюбие и поддержку в столь сложное время.

Голос у него был напряженным, усталым и даже жестоким. Артас взял у него накидку, тунику и штаны, сотканные из рунной и магической тканей. Они были красиво сшиты, но выглядели так, будто Вариан проносил их всю свою жизнь, такими они были грязными. Лицо у него было чистым, но у висков и под ногтями

была грязь.

– Я отправлю слуг, чтобы принесли еду и полотенца, горячую воду и бадью, и вы сможете привести себя в порядок, принц Вариан.

Теренас все еще обращался к мальчику на “Вы”; со временем это должно было пройти, но Артас понимал, почему король делал акцент на титуле. Вариан должен был понять, что он все еще уважаем, все еще из королевской семьи, даже если потерял все. Вариан сжал губы и кивнул.

– Спасибо, – выдавил он из себя.

– Артас, я оставляю его тебе. – Теренас успокаивающе сжал плечо Вариана и удалился, закрыв за собой дверь.

Два мальчика уставились друг на друга. Артас не мог подобрать слов, в голове было совсем пусто. Неловкая пауза затянулась. Наконец, Артас пролепетал:

– Я сожалею о твоем отце.

Вариан вздрогнул и отвернулся, подойдя к огромным окнам, открывавшимся на озеро Лордамер. Снег, который все утро грозил хлынуть настоящим снегопадом, наконец-то пошел, мягкими хлопьями падая вниз, тихо покрывая землю белым одеялом. Плохо, в ясный день отсюда можно было увидеть всю дорогу, до самой крепости Фенриса на другом берегу озера.

– Спасибо.

– Полагаю, он благородно погиб в битве, изо всех сил защищая свой народ.

– Он был убит, – голос Вариана был груб и бесчувственен. Потрясенный, Артас развернулся, чтобы взглянуть на него. На его лицо, которое теперь Артас видел в профиль, падал холодный свет зимнего дня – оно было до ужаса невозмутимым. Но в его глазах, налитых кровью и переполненных болью, все равно горела жизнь. – Близким другом. Она уговорила поговорить с ней наедине. И тогда она убила его. Нанесла удар прямо в сердце. Предательница.

Артас замолк. Сложно было принять даже смерть в бою, а уж это...

Инстинктивно он схватился за руку принца.

– Я вчера видел, как родился жеребенок, – сказал он. Это казалось глупым, но это все, что сейчас пришло ему в голову. – Когда погода прояснится, я возьму тебя с собой, посмотришь на него. Он просто чудо.

Вариан долго смотрел на него. По его лицу проскальзывали то недоверие, то благодарность, то тоска, то понимание. Тут карие глаза залили слезы, и Вариан отвел взгляд. Он обхватил себя руками и согнулся, плечи задрожали, и он зарыдал, едва

сдерживая стон. Горючие слезы, как мучительная дань отцу, королевству, да и всей прошлой и теперь потерянной жизни, лились по его щекам. Артас сжал его руку – она была как камень.

– Ненавижу зиму, – всхлипнул Вариан, и в этих двух словах была вся его боль, ее глубина поразила Артаса. Он не мог не то что помочь, но даже смотреть на его страдания. Он опустил руку, отошел и посмотрел в окно. А за ним все еще падал снег.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Артас был разочарован.

Он был уверен, что после известий об орках, он, наконец, начнет серьезную военную подготовку. И неплохо было бы, если бы вместе со своим новым другом – Вариаком. Но все было совсем не так. На войну против Орды ушли все, кто мог держать в руках меч, даже кузнецы. Вариану было жаль своего юного друга, и он решил ему помочь. В конце концов, он вздохнул и сочувственно посмотрел на Артаса.

– Артас, я не хочу, чтобы это прозвучало грубо, но…

– Но я просто ужасен.

Вариан поморщился. Оба были в оружейном зале, устроив тренировочный бой, надев шлема, кожаные доспехи и держа в руках деревянные мечи. Вариан подошел к стойке, поставил меч и, сняв шлем, заговорил:

– Я просто удивился, ты же ведь такой сильный и быстрый.

Артас погрустнел; зная Вариана, он понимал, что принц просто-напросто пытался смягчить удар. Он угрюмо последовал его примеру, повесив меч и расстегнув снаряжение.

– В Штормграде мы начинаем тренироваться еще совсем маленькими. В твоем возрасте у меня уже была своя собственная броня.

– Не сыпь соль на рану, – проворчал Артас.

– Извини, – Вариан ухмыльнулся ему, и Артас неохотно улыбнулся в ответ. Хотя их первое знакомство было не очень радостным, Артас заметил, что Вариан был крепок духом и старался смотреть на вещи позитивно. – Я лишь удивляюсь, почему твой отец не сделал так же.

Артас знал.

– Он пытается защитить меня.

Вариан притих, снимая свою броню.

– Мой отец тоже пытался защитить меня. Не вышло. Жизнь распорядилась по-другому.

Он взглянул на Артаса.

– Меня учили сражаться, а не *учить* сражаться. Я могу и покалечить тебя.

Артас покраснел. То, что он покалечит *Вариана*, было из ряда фантастики. А тот, видя, что он только еще больше расстраивает мальчика, похлопал его по плечу.

– Вот что я тебе скажу. Когда с войны вернется тот, кто сможет заняться тобой, я пойду и поговорю с королем Теренасом.

Уверен, ты когда-нибудь надерешь мне задницу.

Война, наконец, закончилась, и Альянс вышел из нее победителем. Лидер Орды, могучий Оргрим Молот Рока, был в цепях привезен в Столицу. На Артаса и Вариана, следивших за процессией, он произвел сильное впечатление. Туралион, молодой паладин, одолевший Молота Рока, который убил доблестного Андуина Лотара, проявил милосердие; Теренас, добрый в душе человек, поддержал его и запретил избивать тварь. Глумиться, освистывать – пожалуйста. Они видели орка, так долго угрожавшего их землям, а теперь беспомощного, осмеянного и оскорбленного, и это поднимало дух народа. Но пока что Оргрим Молот Рока был под защитой короля.

Впервые Артас увидел Вариана в гневе, и подумал, что не может винить мальчика. Если бы орки убили Теренаса или Утера, он не меньше его желал бы смерти этим уродливым зеленым тварям.

– Его надо убить, – прорычал Вариан, его глаза налились яростью, когда из-за парапета он смотрел, как Молота Рока вели ко дворцу. – И я хочу привести приговор в жизнь.

– Он идет в Подгород, – сказал Артас. Древние королевские гробницы, темницы, коллекторы и переплетающиеся переходы под дворцом получили свое собственное название, будто они не были частью дворца. В темном, сыром и грязном Подгороде жить могли только заключенные да мертвецы, но почему-то нищих как будто тянуло сюда. В общем-то, если нет дома, то лучше переночевать там, чем отморозить себе ноги и руки; или если нужно что-то… не совсем законное, то найти это можно было именно здесь – даже Артас это прекрасно понимал. Сейчас стража спустится вниз, в безнадежной и абсолютно напрасной попытке вычистить темницы.

– Никто никогда не сбегал из Подгорода, – заверял своего друга Артас. – Он умрет в неволе.

– Слишком милосердно, – ответил Вариан. – Туралиону надо было убить его, пока была такая возможность.

Слова Вариана оказались пророческими. Полководец орков только казался сломленным презрением и ненавистью. Но это было далеко не так. Как слышал Артас, обманутые его подавленным состоянием, тюремщики слишком расслабились. Никто не знал, как сбежал Оргрим Молот Рока, может потому, что все свидетели были мертвы – он свернул шеи даже случайным прохожим. Правда, из тел стражников, нищих и воров – Молот Рока не делал различий – вел след, из широко распахнутой решетки к единственному безопасному пути – зловонной

канализационной трубе. Вскоре Молот Рока снова был пойман, и посажен в лагерь для интернированных. А когда он сбежал и оттуда, весь Альянс затаил дыхание, ожидая нового нападения. Но его не было. Либо Молот Рока, наконец, сдох, либо все это сломило его боевой дух.

С тех пор минуло два года, и теперь Портал Тьмы, через который в Азерот пришла Орда – портал, который Альянс запер в конце Второй Войны – мог снова открыться. Или уже был открыт. Артас не знал наверняка, потому что никто не озаботился тем, чтобы снабжать его *свежими* вестями. Несмотря на то, что он будущий король.

Был солнечный и теплый денек. Ему хотелось быть со своим новым конем, которого он назвал Непобедимым – жеребенком, рождения которого он был свидетелем в тот горький зимний день два года назад. Возможно, попозже он к нему сходит. А сейчас ноги сами несли его в оружейную, где он тренировался с Вариан. Перед Вариан ему было стыдно. Конечно, то, как он пренебрегал им, было ненарочно, но все равно это было больно.

Два года.

Артас подошел к стойке с деревянными мечами и взял один из них. В одиннадцать лет он резко вытянулся – по крайней мере, так говорила гувернантка, когда рыдая, обнимала его и уверяла, что он “уже настоящий мужчина” и больше в ней не нуждается. Маленький меч, которым он тренировался в девять лет, теперь выглядел совсем по-детски. Он и правда был уже почти мужчиной, вымахав на полтора метра, и, скорее всего, вырастет еще больше, если пойдет в отца. Он поднял меч, раскачивая его из стороны в сторону, и внезапно ухмыльнулся.

Он двинулся на один из старых комплектов брони, крепко сжимая меч.

– Эй! – окликнул он его, представляя, что это одна из мерзких зеленокожих тварей, которые так долго были как бельмо на глазу для его отца. Он выпрямился во весь рост и приставил конец меча “к горлу” пустых доспехов.

– Думаешь пройти здесь, подлый орк? Ты на земле Альянса! Но на этот раз я проявлю к тебе милосердие. Уходи и никогда не возвращайся!

Ах, но орки не знали ни капитуляции, ни чести. Они были просто животными. Потому он отказался склонить перед ними колени и проявить уважение.

– Что? Не уйдешь? Я дал тебе шанс, но теперь – готовься к бою!

И он повторил выпад, прямо как Вариан. Не прямо на броню, нет, она была очень старая и ценная. Просто рядом с ней. Нанося

удары, блокируя, уклоняясь, вертя меч вокруг себя, он закрутил его и…

Он открыл рот, когда меч, будто ожив, пролетел через весь зал. Громко упав на мраморный пол, он со скрежетом проехался по нему.

Проклятие! Он посмотрел на дверь – прямо в лицо Мурадина Бронзобороды.

Мурадин был послом дворфов в Лордероне, братом короля Магни Бронзобороды и большим любимцем двора за его бодрый и серьезный подход ко всему: от отличного эля и выпечки до важных государственных дел. Вместе с тем, он заслужил репутацию великолепного, хитрого и свирепого воина.

И вот только что он наблюдал за тем, как у будущего короля Лордерона не на шутку разыгралось воображение, и, сражаясь с орком, он швырнул меч через весь зал. Артас вспотел и раскраснелся. Он попытался придти в чувство.

– Ммм… Посол… Я только…

Дворф кашлянул и посмотрел в сторону.

– Я ищу твоего отца, парень. Может, покажешь дорогу? В этом чертовом дворце одни сплошные закоулки.

Артас, молча, указал на лестницу слева. Он проследил, как ушел дворф. Больше они не обменялись ни единым словом.

Артасу никогда еще не было так стыдно. У него на глазах выступили слезы, и, стараясь стереть их, он поморгал. Не заботясь о валявшемся на полу деревянном мече, он вышел из комнаты.

Через десять минут он выскочил из конюшен и направился на восток, к холмам Тирисфальских Лесов. С ним были две лошади: знатный, пожилой серый в яблоках мерин по кличке Верное Сердце, который нес принца, и двухлетний жеребенок Непобедимый, для которого это была тренировочная прогулка.

Он почувствовал между ними связь с того самого момента, как встретился с ним взглядом, когда родился жеребенок. Тогда Артас понял, что это его лошадь, его друг, великий конь с великим сердцем, часть его самого, подобно – нет, даже больше – броне и оружию. При должном уходе лошадь такой породы могла прожить двадцать лет, а то и больше; он станет тем скакуном, что элегантно пройдет с Артасом на церемонии и верно пронесет на дневной прогулке. Это не боевой конь. Для битв брали других коней. У него будет и такой, когда придет пора вступить в схватку. Но Непобедимый станет, а точнее уже стал, частью его жизни.

На свет он появился серым, но теперь он стал белым как снег, покрывший сегодня землю. Такой окрас был редкостью даже

среди лошадей Бальнира, белые шкуры которых, по правде сказать, были просто светло-серыми. Артас перебирал клички, типа "Снегопад" или "Свет Звезд", но, в конце концов, последовал традиции рыцарей Лордерона давать кличку как черту характера. Конь Утера звался "Верным", а Теренаса "Бесстрашным".

Его же был "Непобедимым".

Артасу очень хотелось объездить Непобедимого, но конюх предупредил, что двухгодовалая лошадь была еще слишком маленькой, надо подождать хотя бы год.

– В два года он как ребенок, – сказал он. – Он все еще растет, кости пока не сформировались. Будьте терпеливы, Ваше Высочество. Подождите годик – не так уж и долго, тем более ради такого коня, который верно прослужит вам не один десяток лет.

Но это *было* долго. Слишком долго. По сравнению со старым мерином, жеребенок не скакал, а почти что летел. Когда он учуял запахи луга, его уши сразу подались вперед, а ноздри расширились. Его глаза загорелись, и он как будто пытался сказать: "*Ну давай же, Артас… Для этого я и появился на свет*".

Определенно, одна-единственная прогулка не принесет никакого вреда. Просто пройтись легким галопом, а потом вернуться обратно в конюшню, будто ничего и не было.

Он остановил Верное Сердце и привязал поводья к низко склонившейся ветке дерева. Артас подошел к нему, и Непобедимый заржал. Принц улыбнулся, когда мягкая бархатная морда животного коснулась ладони, чтобы съесть кусок яблока. Непобедимого уже учили носить седло; начало долгого и тяжелого пути, и все ради того, чтобы лошадь привыкла носить человека. Но пустое седло сильно отличалось от того же пустого седла, в котором сидел человек. Но он провел много времени с этим животным. Артас прочел краткую молитву и, прежде чем Непобедимый смог отойти в сторону, быстро запрыгнул на лошадь. Яростно заржав, Непобедимый встал на дыбы. Артас намотал руку гривой и вцепился, словно колючка, длинными ногами. Конь прыгал и брыкался, но Артас держался. Он завизжал, когда Непобедимый, пытаясь сорвать его, проскакал под одной из веток, но не выпустил рук.

И тогда Непобедимый понесся галопом.

Или нет, *полетел*. Или, во всяком случае, так казалось принцу, которой низко пригнулся к шее лошади и смеялся во весь голос. Он никогда не ездил на более быстром животном, сердце билось в эйфории. Он даже не пытался взнуздать Непобедимого; все, что он мог, это просто держаться. Это было великолепно, дико, прекрасно, в общем, всем, о чем он только мечтал. Они бы…

Прежде чем он понял, что произошло, Артас пролетел в воздухе и тяжело плюхнулся на траву. Сначала от удара об землю он даже не мог вздохнуть. Он медленно поднялся на ноги. Тело безумно болело, но, кажется, ничего не сломано.

А Непобедимый уже был маленькой точкой вдали. Артас сильно выругался, сжал кулаки и пнул холмик. Тот подвернулся как никогда кстати.

Сэр Утер Светоносный ждал его возвращения. Артас нахмурился, соскользнул с Верного Сердца и передал поводья конюху.

– Непобедимый только что вернулся сам. У него на ноге неприятная рана, но я уверен, вы будете рады знать – конюх уверяет, что с ним все будет в порядке.

Артас солгал Утеру, что их кто-то напугал, и Непобедимый ускакал. Но по травяным разводам на одежде было видно, что он упал, а Утер никогда бы не поверил, что принц не смог удержаться на смирном старом Верном Сердце, без разницы, напуган тот или нет.

– Ты же знаешь, что тебе еще не разрешали на нем ездить, – жестко продолжил Утер.

Артас вздохнул:

– Знаю.

– Артас, неужели ты не понимаешь? Если ты будешь подвергать его нагрузкам в таком возрасте, он…

– Я понял, понял. Я мог навредить ему. Но это всего лишь один-единственный раз.

– И этого больше не повторится, не так ли?

– Да, сэр, – угрюмо сказал Артас.

– Ты пропустил свои уроки. Опять.

Артас промолчал и не поднял глаз на Утера. Он был сердит, смущен, да и тело ныло, поэтому все, что ему сейчас было нужно – горячая ванна и остротерновый чай. Его правое колено начало опухать.

– По крайней мере, ты соизволил прийти как раз к дневной молитве, – Утер оглядел его сверху донизу. – Хотя прежде тебе не помешает помыться.

Артас действительно был весь потный и знал, что воняет как лошадь. Он подумал, что это хороший запах. Настоящий.

– Поторопись. Мы собираемся в часовне.

Артас даже не знал, о чем сегодня будет молитва. От этого ему было немного неспокойно; Свет был важен как для его отца, так и для Утера, и он знал, что они хотели вырастить его таким же набожным. Конечно, он не мог отрицать то, что видел своими

глазами – Свет был реален; он видел священников и не так давно появившийся орден паладинов, творящих настоящие чудеса, исцеляя и защищая. Но он никогда не испытывал особого желания сидеть и часами медитировать, как Утер, или частенько в смирении говорить о Свете, как отец. Свет был… где-то там.

Час спустя, вымывшись и переодевшись, Артас поторопился в маленькую семейную часовенку в королевском крыле.

Это был небольшой, но красивый зал. Похожа на обычную часовню, которую можно увидеть в любом людском городе, может, немного пышней и чуток поменьше. Чаша причащения, тонко выделанная из золота и инкрустированная драгоценными камнями; стол, на котором она стояла, был очень старинным. Даже скамьи имели мягкую обивку, в то время как обычные люди довольствовались без всяких излишеств деревянными досками.

Когда он тихо вошел, то понял, что был последним – и поморщился, вспомнив, что сегодня к отцу прибыли важные персоны. Вместе с постоянными прихожанами – его семьей, Утером и Мурадином – был Король Троллебой, хотя от присутствия здесь тот испытывал еще меньше удовольствия, чем Артас. И… кто-то еще. К нему спиной сидела девочка, стройная, с прямыми светлыми волосами. Артас, с любопытством разглядывая ее, налетел на одну из скамеек.

А еще умудрился уронить доспехи. Королева Лианна, все еще прекрасная в свои пятьдесят с хвостиком, обернулась на шум и нежно улыбнулась сыну. Платье на ней сидело отлично, волосы были уложены в золотистый чепец, из которого не торчал ни один волосок. Калия сердито посмотрела на него, ей было четырнадцать, а выглядела она такой же неуклюжей и забавной, как только-только родившийся Непобедимый. Видимо, весть о его проступке дошла и до нее, а может она просто на него дулась за опоздание. Теренас покосился на него, затем перевел взгляд на уже начавшего службу епископа. Артасу стало неловко, когда он увидел в том взгляде тихий укор. Ни Троллебой, ни Мурадин не обратили на него никакого внимания.

Артас сел на скамейку у задней стены. Епископ начал говорить и возвел свои руки, окутавшиеся мягким, белым сиянием. Артас хотел, чтобы девочка немного повернулась, чтобы он смог мельком посмотреть на ее лицо. Кто же она такая? Ясно, что дочь какого-то дворянина, иначе ее бы не пригласили посетить королевскую службу. Он гадал, кем бы она могла быть, она была куда интереснее, чем служба.

– …и Его Королевское Высочество, Артас Менетил, – произнес нараспев епископ. Артас весь обратился в слух, надеясь, что не пропустил ничего важного. – Да прибудет благословение Света с

каждой его мыслью, словом и делом, чтобы он мог благоденствовать под ним и вырасти для служения ему паладином, – от благословения Артас почувствовал по телу умиротворенное тепло. Усталость и боль исчезли, ему стало спокойно. Епископ повернулся к королеве и принцессе. – Да снизойдет сияние света на Ее Королевское Величество, Лианну Менетил, дабы она…

Артас ухмыльнулся и подождал, пока епископ закончит благословения. Тогда он назовет девочку. Артас прислонился к стене.

– И мы покорно просим Свет благословить Леди Джайну Праудмур. Да будет одарена она его исцелением и мудростью, дабы она…

Ага! Таинственная девочка больше такой не была. Джайна Праудмур, на год моложе его, дочь Адмирала Даелина Праудмура, героя войны и правителя Кул Тираса. Что интриговало его сейчас, так это почему она была здесь и…

– …и дабы ее занятия в Даларане шли хорошо. Мы просим, чтобы она стала образцом Света, и даже как маг служила своим людям верой и правдой.

Довольно логично. Она была на пути в Даларан, прекрасный город магов, раскинувшийся недалеко от Столицы. Зная жесткие правила этикета и гостеприимства, распространенные в кругах интеллигенции, ей придется задержаться здесь на несколько дней, прежде чем продолжить свой путь.

Это, – подумал он, – *будет весело*.

В конце службы Артас, уже ждавший у двери, вышел первым. Мурадин и Троллебой вышли сразу за ним, радуясь, что служба, наконец, закончилась. Теренас, Утер, Лианна, Калия и Джайна проследовали за ними.

Его сестра и Джайна были стройными, у обеих были шикарные волосы. На этом сходство кончалось. Калия была утонченной до мозга костей, а лицо как будто вырезали из старой картины, такая бледная и нежная у нее была кожа. У Джайны же были яркие глаза и живая улыбка, и по походке было видно, что ей было не привыкать к долгим переправам. Она подолгу бывала на свежем воздухе, оттого ее лицо покрывал красивый загар, а на носу были рассыпаны маленькие веснушки.

Вот, решил Артас, девочка, которая не расплачется, получив в лицо снежком, или которая не откажется пойти искупаться в жаркий денек. То есть, в отличие от его сестры, с ней можно поиграть.

– Артас, на пару слов, – произнес грубый голос. Артас повернулся и увидел посла, поравнявшегося с ним.

– Конечно, сэр, – ответил Артас, его сердце ухнуло в пятки. Ему сейчас хотелось поболтать со своим новым другом – он был уже уверен, что они отлично поладят – а Мурадин, наверное, хотел отчитать его за спектакль, который он устроил в оружейной. По крайней мере, дворф был достаточно сдержан, чтобы пройти несколько шагов.

Он повернулся лицом к принцу, засунул большие пальцы за пояс, грубое лицо в раздумье сморщилось.

– Парень, – сказал он, – пойми меня правильно. Сражаешься ты ужасно.

Артас почувствовал, как кровь прилила к лицу.

– Я знаю, – ответил он. – Но отец…

– У твоего отца много забот. Не стоит тебе ничего о нем говорить.

Хорошо, что же тогда ему говорить?

– Ну да, у меня не выходит научиться *самому*. Вы видели, что случилось, когда я попытался.

– Я могу. Я научу тебя, если хочешь.

– Вы… вы, правда, научите? – Артас сперва не поверил, а потом обрадовался. Кроме прочего, дворфы славились боевым мастерством. Артасу было интересно, а не научит ли его Мурадин знаменитой дворфийской выдержке эля, но решил не спрашивать.

– Да, так о чем это я? Я разговаривал с твоим отцом, и он полностью “за”. А то слишком долго все это откладывалось. Но позволь прояснить кое-что. Я не принимаю извинений. Я буду суров. И если мне вдруг в голову придет мысль: “Мурадин, ты тратишь свое время”, я все брошу. Согласен, мальчик?

Артас удержался от неуместной шутки о том, что карлик намного ниже его ростом называет его “мальчик”.

– Да, сэр, – горячо произнес он. Мурадин кивнул и протянул большую мозолистую руку. Артас пожал ее. Улыбаясь, он бросил взгляд на своего отца, который был поглощен разговором с Утером. Они как один повернулись, чтобы поприветствовать его, две пары глаз сузились, и Артас про себя вздохнул. Он знал этот взгляд. Что же до игр с Джайной – скорее всего даже ему даже не удастся увидеть ее до отъезда.

Он обернулся посмотреть, как Калия, положив руку на плечо девушки, вывела Джайну из зала. Но прежде чем исчезнуть за дверьми, дочь Адмирала Праудмура повернула золотистую головку, встретилась взглядом с Артасом и улыбнулась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– **Я** горжусь тобой, Артас, – сказал отец. – Твоим отношением к ответственности.

Всю неделю, что Джайна прогостила в доме Менетилов, слово “ответственность” было нечто вроде девиза. Не только из-за занятий с Мурадином – а он оказался строгим и требовательным, как и предупреждал, и во время занятий Артасу приходилось терпеть и боль в мышцах, и синяки, а то и подзатыльники, когда дворф считал, что парень уделяет занятиям слишком мало внимания. Как Артас и боялся, Утер и Теренас рассудили, что пора бы принцу выучиться наукам. Артас вставал на рассвете, хватал скорый завтрак из хлеба с сыром и ехал на раннюю прогулку с Мурадином. Конная прогулка заканчивалась пешим походом, и двенадцатилетний юноша возвращался домой озябшим и продрогшим. Артас задавался вопросом, неужто у дворфов такая с камнями крепкая связь, что сама земля давала им силы идти по ней. Домой, принять ванную, дальше – уроки истории, математики и каллиграфии. Полдник, после чего они с Утером сидели в часовне и рассуждали о сути паладинов и их строгой дисциплине. А после ужина Артас падал без сил на кровать и засыпал крепким сном без сновидений.

Джайну он увидел всего несколько раз, и то за ужином. Наконец, он решил, что с него достаточно, и, вооружившись тем, чему его учили на уроках истории и политики, подошел к отцу и Утеру и попросил позволить ему лично проводить гостью, Джайну Праудмур, до самого Даларана.

Он умолчал, что хочет просто на время улизнуть от своих обязанностей при дворе. Теренасу нравилось думать о сыне как об очень ответственном юноше, Джайна улыбнулась от мысли о том, чем это может обернуться, а Артас получил то, что хотел. Все счастливы.

Вот так и случилось, что в начале лета, когда только распустились цветы, в лесах заплескалась жизнь, а солнце плясало над головой в ярко-синем небе, принц Артас Менетил сопровождал в удивительный город магов юную леди с красивой улыбкой и золотыми волосами.

В начале поездки случилась небольшая заминка – так Артас узнал о милой привычке Джайны Праудмур опаздывать – но он не имел ничего против. Спешить было некуда. Конечно, они шли не одни. Правила приличия предписывали придворной даме путешествовать в сопровождении стражника и слуг. Но они держались где-то позади, позволив двум молодым людям

сдружиться. После недолгой поездки они остановились на привал. Пока они ели хлеб с сыром и пробовали вино, к Артасу подошел один из его людей.

– Сэр, с вашего позволения, мы начнем готовиться к ночевке в Янтарной Мельнице. А уже завтра мы двинемся к Даларану. Мы прибудем туда к сумеркам.

Артас отрицательно махнул головою.

– Нет, продолжаем путь. А остановимся на привал где-нибудь в предгорьях Хиллсбрада. Так Джайна сможет добраться к Даларану уже утром.

Он повернулся к Джайне и улыбнулся ей. Она улыбнулась в ответ, хотя ему показалось, что в ее глазах он заметил разочарование.

– Вы уверены, сэр? Мы хотели воспользоваться гостеприимством местных жителей, чтобы не заставлять леди ночевать под открытым небом.

– Все в порядке, Кайван, – сказала Джайна. – Я не из фарфора сделана.

Артас хмыкнул. Он был уверен, что скоро она убедится в обратном.

Пока слуги разбивали лагерь, Артас и Джайна пошли исследовать местность. Они взобрались на холм, с которого открывался прекрасный вид. На западе виднелись небольшие фермы у Янтарной Мельницы и даже далекие шпили крепости барона Сребролена. На востоке они почти что разглядели черты Даларана, а на юге лежал как на ладони лагерь для интернированных. По окончанию Второй Войны все орки попали в плен, и их разместили в такие вот лагеря. Это милосерднее, чем устраивать массовую казнь, говорил сыну Теренас. К тому же, орков поразил какой-то странный недуг. Почти все орки сдались без боя. Такие лагеря были разбросаны по всей стране.

Они съели пережаренного на вертеле кролика и разошлись вскоре после наступления ночи. Убедившись, что все уснули, Артас накинул поверх штанов тунику и надел сапоги. Он машинально схватил один из кинжалов и прикрепил его к поясу, а затем стал звать Джайну.

– Джайна! – шепнул он. – Проснись!

Она тихо проснулась, даже не испугавшись. Ее глаза блеснули в лунном свете. Он присел на корточки и приложил палец к губам.

– Артас? – прошептала она. – Что-то случилось?

Он усмехнулся.

– Готова к приключениям?

– Каким еще приключениям? – она склонила голову набок.

– Доверься мне.

Джайна посмотрела на него и кивнула.

– Ладно.

Как и все, она легла спать, почти не раздевшись, и ей осталось надеть только сапоги да плащ. Она встала, сделала слабую попытку пальцами расчесать светлые волосы и кивнула.

Джайна шла за ним на тот самый холм, где они были днем. Ночью идти было сложнее, но луна сияла ярко, а они были не такими уж усталыми.

– Мы идем вон туда, – сказал он, указывая вниз.

Джайна сглотнула комок в горле.

– Лагерь для интернированных?

– Видела когда-нибудь его вблизи?

– Нет. И не хочу.

Он разочарованно нахмурился.

– Да ну, Джайна. Когда еще ты увидишь орков так близко? Разве не интересно?

Выражение ее лица было не разглядеть в лунном свете, а глаза скрывала тень.

– Я… Они убили Дэрека, моего старшего брата.

– Одна из них убила и отца Вариана. Они вообще много кого убили. Поэтому их место здесь. Людям не нравится, что отец поднял налоги для содержания орков, но… идем, рассудишь сама. Я потерял хорошую возможность посмотреть на Оргрима Молот Рока в Подгороде. Эту я не упущу.

Она немного помолчала и тяжело вздохнула.

– Ладно уж… Идем назад.

– Нет, – сказала она, чем изрядно его удивила. – Пойдем.

Они спустились вниз в полной тишине.

– Отлично, – прошептал Артас. – Когда мы были здесь днем, я заметил, как стоят их патрули. Не думаю, что ночью посты меняются. Даже наоборот – их меньше. Орки в апатии, и стражники, наверно, уже и не думают, что кто-то из них попытается сбежать.

Он улыбнулся, чтобы успокоить ее.

– Нам же лучше. Кроме патрулей, кто-то всегда сидит на тех дозорных башнях. Их мы должны опасаться больше всего, но надеюсь, что они ждут опасности скорее с фронта, чем с тыла, ведь лучше всего лагерь укреплен на лицевой стене. Так что как только вот тот товарищ закончит свой обход, у нас будет довольно много времени, чтобы добраться до стены и как следует все осмотреть.

Они переждали, пока сонные охранники прошли мимо, и все

равно пока, молча, сидели.

– Надень капюшон, – сказал Артас. У обоих были светлые волосы, и стража могла их легко заметить во тьме. Джайна немного нервничала, но в ней заиграл азарт, и она кивнула. К счастью, они носили темные плащи.

– Готова? – Джайна кивнула в ответ. – Тогда идем.

Они быстро и тихо спустились вниз. Артас задержал ее на мгновение, пока стражники на башне смотрели в их сторону, а затем жестом велел следовать за собой. Они помчались вперед, проверяя на ходу, на месте ли капюшоны и, через несколько шагов, прислонились к стене.

Лагеря были сколочены грубо, но крепко. Своего рода частокол из бревен, заостренных наверху и вбитых глубоко в землю. В “стене” было множество щелей, сквозь которые любопытные дети рассматривали, что творится внутри.

Сначала трудно было разглядеть, но там было несколько громадин. Артас повернул голову, чтобы получше увидеть их. То были орки что надо. Кто-то из них свернулся калачиком на земле и спал, укрывшись одеялом. Кто-то слонялся по площадке, как загнанный в клетку зверь, только без звериной тоски по свободе. Было даже что-то вроде орочьей семьи – орк, орчиха и орченок. Женщина, стройнее и ниже обычного орка, прижимала к груди маленький сверток – Артас понял, что это был младенец.

– Ох… – шепнула Джайна где-то рядом. – Они такие… грустные.

Артас фыркнул, но потом вспомнил, что нужно вести себя тихо. Он посмотрел в сторону башни – охрана ничего не услышала.

– Грустные? Джайна, эти твари разрушили Штормград. Они хотели истребить человеческий род. Твой брат погиб, Свет прости! Не трать на них свою жалость.

– Но… Я и не думала, что у них есть дети, – продолжила Джайна. – Видишь вон ту, с ребенком?

– Хорошо, конечно, но и у крыс есть дети, – сказал Артас. Его раздражали слова Джайны – хотя чего ждать от одиннадцатилетней девочки?

– Они совсем не выглядят опасными. Вы там точно уверены, что им место здесь? – она повернулась и посмотрела ему в лицо, освещенное лунным светом. – Если держать их здесь слишком дорого – почему бы их не освободить?

– Джайна, – сказал он, пытаясь говорить мягко. – Они – убийцы. Даже если сейчас они в таком вот унынии – что станет, если они вернутся на волю?

Она тихонько вздохнула и ничего не ответила. Артас покачал

головой. Он уже насмотрелся, а скоро вернется охрана.

– Пойдем назад?

Она кивнула и, отступив от стены, бросилась за ним к холму. Артас оглянулся через плечо и увидел, что охрана стала возвращаться. Он схватил Джайну за талию и нырнул с ней на землю, больно упав.

– Не шевелись, – сказал он ей. – Стража смотрит прямо сюда.

Несмотря на боль, Джайна сумела застыть на месте. Держа голову как можно ниже, Артас оглянулся на стражника. На таком расстоянии он не смог разглядеть его лицо, но по его позе было видно, как ему было скучно и хотелось спать. Спустя несколько долгих секунд, что Артас слышал в ушах удары сердца, стражник повернулся в другую сторону.

– Прости, – извинился Артас и помог Джайне встать на ноги. – Все хорошо?

– Да, – ответила Джайна и улыбнулась ему.

Они вернулись в свой лагерь уже через несколько минут. Довольный, Артас лег и стал смотреть на звезды.

Хороший был денек.

Поздним утром следующего дня они прибыли в Даларан. Артас никогда раньше не бывал тут, хотя, разумеется, много слышал об этом городе. Маги были независимой и загадочной общностью – крайне могущественные, они предпочитали сами разбираться со своими делами, за исключением крайних случаев. Артас помнил, что когда Кадгар сопровождал Андуина Лотара и принца – нынешнего короля – Вариана Ринна при разговоре с Теренасом, он предупреждал их об опасности, исходящей от орков. Его присутствие прибавило весомости аргументам Андуина, и не просто так. Маги Кирин-Тора не интересовались обычной политикой.

И также они не прибегали к обычной политической вежливости – например, не приглашали членов правящих семей воспользоваться их гостеприимством. Только потому, что Артас и его свита сопровождали прибывшую учиться Джайну, им было разрешено посетить город. Даларан был прекрасен, даже более великолепен, чем Столица. Он казался почти невозможно чистым и ярким, как и полагается городу, столько глубоко пропитанному магией. Здесь было несколько изящных башен, устремленных к небесам, построенных из белого камня и увенчанных фиолетовыми шпилями с золотой отделкой. Многие здания сияли, вокруг них танцевали парящие в воздухе камни. В других были окна из цветного стекла, что ловило солнечный свет. Цвели сады, аромат диких, сказочных цветов создавал столь насыщенное благоухание, что у Артаса чуть не закружилась голова. Или,

может быть, это постоянные напевы магии в воздухе вызывали это чувство.

Он чувствовал себя очень простецким и грязным, когда они въезжали в город, и почти пожалел, что они провели прошлую ночь на свежем воздухе. Если бы они остановились в Янтарной Мельнице, он, по крайней мере, имел бы возможность принять ванну. Но тогда он и Джайна не имели бы шансов пошпионить в резервации.

Он посмотрел на свою спутницу. Ее голубые глаза были широко раскрыты от волнения и благоговения, рот чуть приоткрылся. Она обернулась к Артасу, и ее губы сложились в улыбку.

– Ну разве я не везунчик, что буду учиться здесь?

– Разумеется, – ответил он, радуясь за нее. Она словно впитывала здешнюю атмосферу, как путник, которому дали напиться после недели в пустыне, но сам он чувствовал себя здесь... нежеланным. Несомненно, у него не было такой склонности к магии, как у нее.

– Мне говорили, что к чужакам здесь обычно негостеприимны, – сказала она. – Я думаю, это печально. Буду рада снова увидеть тебя.

Она покраснела, и на мгновение Артас забыл о недружелюбии, которое излучал город, и искренне заверил леди Джайну Праудмур, что тоже будет рад снова встретиться с ней.

Очень, очень рад.

– Опять ты как маленькая гномка! Дай дерну за косич… Уф!

Дворф получил по шлему щитом так, что отшатнулся на пару шагов назад. Артас хлестнул мечом воздух, с застывшей из-под шлема улыбкой. Затем он внезапно упал и тяжело приземлился на спину. Перед его глазами появилась голова с длинной бородой, и он едва успел вовремя поднять клинок, чтобы отразить удар. Ворча что-то про себя, он подтянул ноги к груди и резко разогнул, ударил ступней Мурадина прямо в живот. Теперь уже дворф грохнулся на спину. Артас одним плавным движением подскочил и встал на ноги. Он подбежал к учителю, все еще лежащему на полу, и стал наносить удар за ударом, пока Мурадин не сказал то, чего Артас действительно никогда не ожидал услышать.

– Я сдаюсь…

Артас тут же перестал, встал в полный рост, но оступился. Мурадин лежал, где и раньше, тяжело дыша.

Сердце Артаса сковал страх.

– Мурадин? Мурадин!

Добродушный хохот вырвался из-под густой бронзовой бороды.

– А хорошо ты меня уделал, парень. И в правду, хорошо.

Он изо всех сил попытался присесть, и Артас подал руку, чтобы помочь дворфу подняться на ноги. Мурадин со счастливым видом размял руки.

– Так ты все-таки слушал меня, когда я рассказывал об этом трюке?

Немного смущенный похвалой, Артас улыбнулся. Кое-что из того, чему Мурадин его научил, будет повторено и отточено во время его обучения делу паладина. Но остальное… Ну, вряд ли Утер Светоносный когда-нибудь узнает, как эффективно нанести удар ногами, когда тебя сбили с ног, или насколько полезной в крайних случаях может оказаться разбитая бутылка вина. Драка – это *драка*, и Мурадин Бронзобород был рад, что Артас узнал все ее стороны.

Артасу теперь было четырнадцать, и он бы обучался с Мурадином по несколько раз в неделю, если бы дворфа временами не отправляли в дальние края с дипломатическими поручениями. Сначала, как они оба и ожидали, все было просто ужасно. С первых занятий Артас уходил хромая, весь в крови и ушибах. Он упрямо отмахивался от всех, кто предлагал залечить раны, считая боль одной из сторон обучения. Мурадин одобрял это и давил на Артаса еще сильнее. Артас никогда не жаловался, даже тогда, когда Мурадин нападал на Артаса, хотя тот уже не мог от изнеможения и щит поднять.

И за то, что он никогда не ныл и не пытался улизнуть от тренировок, Артас был вознагражден вдвойне: он хорошо вышколился и завоевал уважение Мурадина Бронзобороду.

– Ну да, сэр, я был весь во внимании.

– Славный малый, славный, – Мурадин похлопал его по плечу. – Теперь иди. Сегодня я получил хорошую трепку. Ты заслужил отдых.

При этих словах его глаза загорелись, и Артас кивнул, соглашаясь. Сегодня именно Мурадин получил хорошую трепку. И, казалось, он был рад этому не меньше Артаса. Сердце принца внезапно вспыхнуло привязанностью к дворфу. Хоть Мурадин и был строгим учителем, но Артас его сильно любил.

Он тихонько присвистнул и пошагал к своей комнате, когда его остановил отчаянный крик.

– Нет, отец! Я не буду!

– Калия, я устал от этого спора. У тебя нет выбора.

– Папочка, прошу, не надо!

Артас подошел немного поближе к комнате Калии. Дверь

была приоткрытой, и с волнением он подслушал разговор. Теренас души не чаял в Калии. Что же он мог попросить такого, что она стала вести себя как маленькая плаксивая девочка?

Калия тихонько плакала. Артас не мог больше этого выносить. Он распахнул дверь.

– Простите, я не мог этого не услышать. Что случилось?

Теренас в последнее время вел себя странно, а теперь он ужасно гневался на шестнадцатилетнюю дочь.

– Не твое дело, Артас! – отрезал Теренас. – Я приказал Калии сделать кое-что для меня. И она сделает.

Калия в слезах упала на кровать. Артас смотрел то на отца, то на сестру, и был чрезмерно удивлен. Теренас что-то пробормотал и ветром вылетел с комнаты. Артас бросил взгляд на Калию и помчался за отцом.

– Отец, стой! Что происходит!

– Не спрашивай! Долг Калии – повиноваться отцу.

Теренас вошел в приемную. Артас узнал сидящего в ней лорда Давала Престора, молодого дворянина, о котором Теренас был очень высокого мнения. Еще там была пара волшебников из Даларана, которых он не знал.

– Вернись к сестре, Артас, и попытайся ее успокоить. Я приду к вам, как только смогу, обещаю.

Окинув взглядом троих гостей, Артас кивнул и вернулся в комнату Калии. Его сестра не сдвинулась с места, хотя рыдания и утихли. В общем, Артас просто стоял возле ее кровати и неловко себя чувствовал.

Калия села на кровать, по ее лицу текли слезы.

– Мне… мне жаль, что ты видел это, Артас, н-но быть может это к лучшему.

– Что отец от тебя хотел?

– Он хочет против воли выдать меня замуж.

Артас моргнул.

– Калия, тебе только шестнадцать, тебе еще даже нельзя выходить замуж.

Она достала платок и вытерла покрасневшие глаза.

– Я так ему и сказала. Но отец говорит, что это пустяк. Мы бы обвенчались, и я вышла бы за лорда Престора в свой день рождения.

Сине-зеленые глаза Артаса расширились, теперь он понял, почему здесь был Престор.

– Ну ладно, – как-то нескладно начал он. – Он хорошо сложен, и… наверное, красив. Так все говорят. По крайней мере, он не старый хрыч.

– Ты не понимаешь, Артас! Мне все равно, красивый он,

щедрый, или добрый. Просто… Просто, у меня даже нет выбора. Я… Я прямо как одна из ваших лошадей. Я не человек, а вещь. И выйду за того, за кого захочет отец… вот такой вот выгодный политический ход.

– Ты… Ты не любишь Престора?

– Люблю? – ее синие, покрасневшие от слез глаза, сузились в гневе. – Да я едва его знаю. Он ни разу даже… Ох, что толку-то? Я ведь знаю, что это – среди знати обычное дело. Мы пешки на шахматной доске. Но от отца я никогда, ну никогда такого не ожидала…

Артас тоже не ожидал. Он еще даже и не задумывался о браке. Его больше увлекали занятия с Мурадином и прогулки на Непобедимом. Но Калия была права. Среди знати это обычное дело, жениться, чтобы укрепить свое положение.

Но он никогда не думал, что отец продаст свою дочь как… чистокровную лошадь.

– Калия, мне, правда, жаль, – искренне сказал он. – Может еще можно что-то сделать? Может, ты сможешь убедить отца, что будет лучше, если ты выйдешь за того, кто сделает тебя счастливой.

Калия горько покачала головой.

– Бесполезно. Ты его слышал. Он и не спрашивал меня, не предлагал выйти за Престора – он приказал мне, – она умоляюще посмотрела на него. – Артас, пообещай, что когда ты станешь королем, со своими детьми такого не сделаешь!

Детьми? Артас совсем не был готов думать о детях. У него даже не было… Нет, *была*, но он не думал он ней, как о…

– И перед тем, как жениться – а папа не прикажет тебе, как мне – убедись, что ты можешь позаботится о той девушке, а она – о тебе. Ну, или хотя бы *спроси* ее, хочет ли она разделить с тобой постель.

Она снова заплакала, но Артас был слишком ошарашен тем, что перед ним открылось. Ему было всего четырнадцать, но спустя всего три года он достигнет совершеннолетия. Он внезапно вспомнил отрывки бесед о будущем рода Менетилов, которые частенько слышал там и тут. Его жена будет матерью короля. Он должен выбирать тщательно, а еще, как просила Калия, слушая сердце. Его родители любили друг друга. Даже после стольких лет брака это было видно в их улыбках и жестах. Артасу хотелось так же. Он хотел спутницу жизни, друга, …

Он нахмурился. А что, если он ее не встретит?

– Прости, Калия, но, быть может, тебе повезло. Могло быть иначе – выбирала бы та сама, но не нашла то, что искала.

– Лучше так, чем быть… к-куском мяса на базаре.

– У каждого свой долг, – спокойно и мрачно заметил Артас. – Твой – выйти за того, кого укажет отец, мой – женится на той, что будет хорошей королевой.

Он резко встал.

– Мне жаль, Калия.

– Артас… Куда ты?

Он не ответил, промчался через дворец к конюшням и, не дожидаясь конюха, сам вскочил на Непобедимого. Артас знал, что это всего лишь отсрочка, но успокоить в четырнадцать лет может и временное решение.

Он откинулся на спину Непобедимому, белая грива хлестала его лицо. А конь скакал все вперед, и в каждом его движении были сила и изящество. Артас от всей души улыбнулся. Никогда он не был так счастлив, как верхом на этом коне, когда они оба сливались в единое прекрасное целое. Он очень долго ждал возможности проехаться на коне, которого знал с самого рождения, но это того стоило. Они были прекрасны. Непобедимому от него ничего не было нужно, разве что вырваться из тесных конюшен, точно так же, как Артас хотел вырваться со двора. И вместе они так и сделали.

Артас любил так скакать. На востоке от Столицы, возле усадьбы Бальнира, было несколько холмов. Непобедимый мчался вперед, разрывая копытами землю, прямо к краю обрыва. Он резко развернулся – несколько камушков полетели вниз – и поскакал вдоль узкой тропы. Его сердце бешено стучало вместе с сердцем Артаса. Тот повел коня налево, вдоль набережной, самым коротким путем к имению Бальнира. Непобедимый не был против, как и не был против прыгнуть через обрыв. Они собрались духом, и в один прекрасный миг всадник, с замеревшим сердцем, полетел вместе с конем. Они мягко приземлились на траву и умчались вдаль.

Непобедимые.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– Как видите, Ваше Высочество, – сказал генерал-лейтенант Аэделас Блэкмур, – налоги расходуются целесообразно. Нами были учтены все меры предосторожности. Фактически, система безопасности здесь настолько сильна, что нам удалось даже устраивать гладиаторские бои.

– Как мне и рассказывали, – ответил Артас, осматривая Дарнхольд вместе с командиром лагерей для военнопленных орков. Крепость сама по себе не была высылочным пунктом, скорее руководящим центром для остальных лагерей, она была огромна, а вокруг нее витала атмосфера праздника. Воздух в этот яркий осенний денек был бодрящим, синие и белые знамена трепетали под бризом над крепостью. Ветер развевал длинные черные, как крылья ворона, волосы Блэкмура и подхватывал плащ Артаса, пока они прогуливались вдоль крепостных валов.

– Вы обязательно должны это увидеть, – настаивал Блэкмур, заискивающе улыбаясь принцу.

Эта неожиданная проверка была идеей Артаса. Теренас похвалил его за инициативу и милосердие.

– Мы должны это сделать, отец, – говорил Артас, хотя не последняя по списку причина его поездки состояла в том, чтобы убедиться в правдивости слухов о домашнем орке, которого содержал генерал-лейтенант. – Мы должны быть уверены, что деньги идут в лагеря, а не в карман Блэкмуру. Мы должны выяснить, действительно ли он заботится о гладиаторах, и не пошел ли Аэделас по стопам своего отца.

На отце Блэкмура, генерале Эделин Блэкмуре, было клеймо предателя, которого осудили и признали виновным в продаже государственных тайн. Хотя эти преступления имели место, когда его сын был совсем ребенком, клеймо пристало за Аэделасом на всю его жизнь. Только многочисленные победы и особая свирепость в войне с орками позволили Блэкмуру пойти на повышение. Однако Артас не мог не почувствовать от дыхания генерал-лейтенанта запаха ликера, и это уже с самого утра. Он подозревал, что такая специфическая информация не будет для Теренаса чем-то новым, но он в любом случае должен был внести это в свое донесение.

Артас посмотрел вниз, притворившись, что ему интересно наблюдать за кучей охранников, стоящих, словно штык. Он подумал, а были ли они также внимательны, когда за ними не наблюдал их принц.

– Я с нетерпением жду сегодняшней встречи, – сказал он. –

Так я увижу вашего Тралла в действии? Я наслышан о нем.

Блэкмур усмехнулся, обнажив белые зубы и поглаживая свою аккуратную козлиную бородку.

– Вообще-то мы не планировали выпускать его сегодня, но для Вас, Ваше Высочество, я подберу ему пару достойных соперников.

Через два часа обход по лагерю был окончен, и Артас согласился разделить вкусный обед с Блэкмуром и молодым лордом по имени Каррамин Лангстон, которого Аэделас представил как “мой протеже”. Артас инстинктивно ощутил неприязнь к Лангстону, заметив его изнеженные руки и вялое поведение. По крайней мере, Блэкмур добился своего титула; а этот мальчишка – Артас думал о нем, как о мальчишке, хотя Лангстон был старше семнадцатилетнего Артаса – получил все на тарелочке с золотой каемочкой.

– *Что ж, хотя мне все досталось точно так же*, – подумал принц, но еще он знал, что королям иногда приходиться приносить жертвы. Было похоже, что Лангстон никогда себе ни в чем не отказывал. И сейчас он не собирался ограничивать себя, заглотив мясо лучшего сорта, кучу выпечки и далеко не одну кружку вина. Блэкмур, напротив, ел скромно, а пил даже больше Лангстона.

Неприязнь Артаса к ним стала еще сильней, когда к столу подошла совсем юная девушка из прислуги, и Блэкмур позволил себе дотронуться до нее самым грубым образом, как будто она была его собственностью. Девочка с золотистыми волосами, одетая по-простому, с красивым лицом, не нуждавшимся в женских уловках, лишь улыбнулась, как будто все было в порядке, но Артас увидел в ее синих глазах несчастье.

– Это Тарета Фокстон, – представил ее Блэкмур, все еще лаская руку девочки, пока она собирала посуду. – Дочь моего слуги, Таммиса, с которым, уверен, вы встретитесь позже.

Артас одарил девушку благожелательной улыбкой. Она напомнила ему Джайну – своими волосами, блестящими как солнце, и загорелой кожей. Она тут же улыбнулась в ответ, а затем скромно отвела взгляд, уже собрав всю кухонную утварь, быстро сделала реверанс и поспешно удалилась.

– Скоро Вам предоставят точно такую же, – заявил Блэкмур, посмеиваясь. Артасу потребовалась секунда, чтобы понять смысл сказанного, после чего он зажмурился от удивления. Те двое лишь сильнее загоготали, и Блэкмур поднял свой кубок.

– За светловолосых дам, – сказал он мурлычущим голосом. Артас оглянулся назад, где была Тарета, подумал о Джайне и, переступив через себя, поддержал тост.

Уже через час Артас уже забыл о Тарете Фокстон и своем негодовании. Его голос охрип от крика, его руки болели от аплодисментов, в общем, он отлично проводил время.

Поначалу он чувствовал себя неуютно. Сначала на арене бились животные, натравленные друг против друга, борясь до смерти безо всяких на то причин, кроме как для удовольствия публики.

– Как вы ухаживаете за ними перед схваткой? – спросил Артас. Он любил животных; ему было неприятно, что над ними так издеваются.

Лангстон открыл было рот, но Блэкмур остановил его быстрым жестом. Он улыбнулся, откинулся назад в своем ложе и взял гроздь винограда.

– Ну, конечно же, мы хотим, чтобы они были перед боем в тонусе, – сказал он. – Так что за ними присматривают и ухаживают очень даже хорошо. Как вы видите, битвы проходят быстро. Если животное выживет, но больше будет не в состоянии продолжать сражаться, мы быстро и милостиво его добьем.

Артас надеялся, что ему не солгали. Колики в груди подсказывали ему, что все на самом деле было совсем не так, но он решил не обращать на это внимания. То чувство исчезло, когда в битву против зверей пошли люди. Пока он был прикован к действию, Блэкмур пояснял:

– Воинам хорошо платят. Можно сказать, они становятся местными знаменитостями.

А орка все не было и не было. Артас понимал почему, и был даже не против. Ведь этого он ждал больше всего – увидеть питомца Блэкмура, орка, найденного еще младенцем и воспитанного, чтобы сражаться на этой арене.

И он не был разочарован. Было очевидно, что все было лишь подогревом. Когда врата заскрипели и открылись и огромная зеленая фигура вышла вперед, все вскочили и закричали. И Артас был среди них.

Тралл был огромен, он был велик даже для орка, ибо был куда здоровее и живее остальных орков, которых показывали Артасу в лагерях. Брони на нем было немного, а шлема не было вовсе, через зеленую кожу проступали шары сильных мускулов. Было заметно, что он неплохо держится на арене, даже лучше, чем другие гладиаторы. Зрители взорвались овациями, Тралл обошел кругом арену, вскидывая к небу кулаки, и позволяя падать на свое уродливое лицо лепесткам роз, которые обычно готовили для празднеств.

– Это я научил его этому, – гордо сказал Блэкмур. – Если

подумать, это довольно странно. Толпа приветствует его, и при этом каждый надеется, что с ним будет покончено.

– Он когда-нибудь проигрывал?

– Никогда, Ваше Высочество. И этого никогда не произойдет. И все же люди продолжают надеяться, а деньги продолжают течь рекой.

Артас оглянулся на него.

– Пока королевская казна получает свой процент от вашего дохода, генерал-лейтенант, вам будут разрешено проводить подобные игры, – он снова посмотрел на орка, наблюдая, как тот заканчивал свой триумфальный обход. – Он же… полностью под контролем, не так ли?

– Абсолютно, – немедленно ответил Блэкмур. – Он был воспитан людьми, его научили бояться и уважать нас.

Как будто услышав эти слова, что было не возможно – ор толпы был просто оглушителен, Тралл посмотрел туда, где сидели Артас, Блэкмур и Лангстон. Он ударил кулаком в грудь в знак приветствия и низко поклонился.

– Видите? Это существо предано мне целиком и полностью, – промурлыкал Блэкмур. Он встал, снял флаг и махнул им, а на другом конце арены крепкий рыжий парень махнул еще одним флагом. Тралл повернулся к вратам, сжимая огромный топор, который ему на этот раз дали.

Охранники начали поднимать решетку, и, прежде чем она полностью открылась, из нее вылетел медведь размером с Непобедимого. Его мех ощетинился, сам он тут же бросился на Тралла, как будто им выстрелили из пушки, а его рев прорывался даже сквозь рев толпы.

Тралл спокойно стоял, отступив в самый последний момент и, легко взмахнув огромным топором, нанес страшный удар в бок медведя. Животное как безумное заревело от боли, кружась и разбрызгивая повсюду кровь. И снова орк выбрал выжидательную позицию, но как только зверь снова набросился на него, он ринулся в лобовую с невероятной быстротой. Оказавшись рядом с мордой медведя, он на прекрасном Всеобщем выкрикнул гортанным голосом насмешку, за которой последовал взмах топора и страшный хруст. Голова медведя почти что отлетела от шеи, но тот еще несколько секунд бежал, прежде чем замертво свалиться наземь.

Тралл отбросил голову зверя в сторону и издал победоносный клич. Толпа словно сошла с ума. Артас внимательно смотрел на триумфатора.

На орке не было ни царапины, и как мог судить Артас, чудовище даже не устало.

– Это только начало, – сказал Блэкмур, улыбнувшись, увидя выражение Артаса. – Сейчас его атакуют сразу три человека. При этом он должен не убить их, а только победить. Тут важна скорее стратегия, нежели грубая сила, но, признаюсь, есть что-то в том, как он обезглавливает медведя одним-единственным ударом; это всегда заставляет меня гордиться им.

Три гладиатора, большие, сильные и натренированные мужчины, вышли на арену и приветствовали противника и толпу. От Артаса не укрылось, как Тралл расценивал их, и принц задумался, а стоило ли Блэкмуру обучать своего питомца так чертовски хорошо сражаться. Если Тралл когда-нибудь сможет бежать, то он научит этому и других орков.

Несмотря на усиленные меры безопасности, это было очень даже возможно. В конце концов, если Оргримму Молоту Рока удалось сбежать из Подгорода в самом центре дворца, то Траллу не составит труда удрать из Дарнхольда.

Визит Артаса продлился еще пять дней. В один из них, поздно вечером, Тарета Фокстон заглянула в заезжий дом к принцу. Это его озадачило, ибо слуги не ответили на ее стук в дверь, еще более он был поражен, увидев, что белокурая девица принесла с собой поднос, полный еды. Судя по глазам, она была крайне удручена, но платье было таким открытым, что Артас поначалу лишился дара речи.

Она поклонилась ему:

– Мой лорд Блэкмур послал меня с тем, чтобы вы хорошо провели время, – передала она. Ее щеки запылали. Артас тоже был смущен.

– Я... передайте своему хозяину благодарность, хотя я и не голоден. Вы случайно не знаете, что он сделал с моими слугами

– Их пригласили на трапезу слуги генерал-лейтенанта, – объяснила Тарета. Она все еще боялась посмотреть принцу в глаза.

– Понятно. Что ж, это в его духе; уверен, здешние мужчины ценят это.

Она не двинулась с места.

– Что-нибудь еще, Тарета?

Ее щеки вспыхнули еще сильнее, и она подняла свою голову. Ее глаза были спокойны, отрешены.

– Лорд Блэкмур послал меня, чтобы вы хорошо провели время, – повторила она. – Чтобы вы наслаждались.

До него медленно начало доходить то, что она имела в виду, и это его ошарашило, смутило, даже разгневало. Он едва сдержался – в конце концов, она была ни в чем не виновата, и даже скорее была жертвой.

– Тарета, – сказал он, – я с благодарностью приму пищу. Ни в чем другом я не нуждаюсь.

– Ваше Высочество, боюсь, он настаивает на обратном.

– Передайте ему, что все просто прекрасно.

– Сэр, вы не понимаете. Если я вернусь вот так, он...

Он мельком взглянул на ее руки, держащие поднос, на которые ниспадали длинные красивые волосы. Артас подошел к ней, поднял ее локоны и нахмурился, увидев коричнево-синие заживающие следы на запястьях и горле.

– Ясно, – сказал он. – Проходи внутрь.

Как только она зашла, он закрыл дверь и обратился к ней.

– Оставайся, сколько посчитаешь нужным, а потом можешь вернуться к нему. А пока что помоги-ка мне все это съесть.

Он жестом попросил ее сесть, сам он взял стул напротив нее, тут же схватив маленькое печенье.

Тарета закрыла глаза. Она прождала целую минуту, прежде чем поняла, что он ей предложил, затем ее лицо озарилось робким облегченьем и искренней благодарностью, она даже попробовала вино. Скоро она перестала открещиваться от его вопросов лишь короткими вежливыми фразами, и они провели следующие несколько часов, что-то обсуждая, пока не поняли, что ей уже надо возвращаться. Забирая поднос, она сказала ему:

– Ваше Высочество... Мне было приятно узнать, что у человека, который будет нашим королем, столь доброе сердце. Леди, которую Вы сделаете Вашей королевой, очень повезло.

Он улыбнулся и закрыл за ней дверь, и на секунду оперся о проем.

Леди, которую бы он хотел сделать своей королевой. Он вспомнил свою беседу с Калией; к счастью для его сестры, у Теренаса зародились подозрения начет Престора – вроде бы ничего нельзя было доказать, но этого оказалось достаточно, чтобы задуматься.

Артас уже старше, чем была Калия, когда отец почти сосватал ее с Престором. Похоже, ему пора задуматься о королеве.

А завтра он уедет отсюда, ни на минуту не задерживаясь.

Воздух потрескивал от зимнего морозца. Чудные осенние деньки прошли, и деревья скинули свои золотые, красные и желтые наряды, превратившись в оголенные скелеты под серым угрюмым небом. Еще через несколько месяцев Артасу должно было исполниться девятнадцать, он вступит в орден Серебряной Длани, и он был к этому готов. Его обучение у Мурадина закончилось несколько месяцев назад, и теперь его учителем стал Утер. Наука оказалась несколько не та, но в чем-то они были

схожи. Мурадин преподавал внимательность и готовность выиграть сражение любой ценой. Паладины проповедовали более религиозный взгляд на битву, сосредотачиваясь больше на настрое в пылу боя, чем на владении мечом. Артасу оба метода показались действенными, хотя временами он задумывался, а будет ли у него возможность использовать то, что он узнал, в настоящем сражении.

Обычно в это время он посещал молитвенное собрание, но его отец ушел на дипломатическую встречу в Стромгард, а Утер сопровождал его. Это значило, что теперь у Артаса появилось несколько свободных дней, которых он не собирался тратить впустую, несмотря на мрачную погоду. Он прижался к Непобедимому, мчащемуся по поляне, снег на земле совсем не мешал могучему животному. Принц видел не только свое дыхание, но и великолепного белого коня, когда Непобедимый качнул головой и фыркнул.

С неба вновь посыпал снег, не мягкие пушистые хлопья, лениво падающие на землю, а маленькие жалящие осколки. Артас нахмурился и прижался к коню. Еще немного, и он повернет назад, уверял он самого себя. Он мог бы даже остановиться в усадьбе Бальнира. Его давненько там не было; Джорум и Джарим наверняка будут рады увидеть того прекрасного коня, в которого превратился неуклюжий маленький жеребенок.

Повинуясь этому желанию, Артас легким ударом левой ноги заставил Непобедимого развернуться. Конь послушно исполнил желание своего господина. Пошел снегопад, крошечные иглы кололи его, и Артас завернулся в плащ, чтобы хоть как-то укрыться от колкого снега. Непобедимый встряхнул головой, тело подергивалось так же, как когда летом его раздражали мухи да слепни. Он галопом скакал вниз по дороге, вытянув вперед шею и, как и Артас, наслаждаясь каждым мгновеньем.

Они приближались к оврагу, перепрыгнув который конь быстро доберется до теплой конюшни, а его наездник – до горячего чая. А уж потом они вернутся во дворец. Лицо Артаса уже цепенело от холода, рукам в изящных кожаных перчатках было не намного лучше. Он натянул замерзшими руками узды, едва заставляя пальцы согнуться, и приготовился к прыжку Непобедимого – нет, *к полету*, так он обычно себе это представлял, лишь за тем исключением, что...

... они не могли летать. В последнее мгновенье Артас к своему ужасу почувствовал, как копыта Непобедимого заскользили по покрытому льдом камню, конь перевернулся в воздухе и заржал, отчаянно пытаясь зацепиться за что-то в разреженном воздухе. У Артаса пересохло в горле, он понимал,

что кричит и ничего не может поделать с тем, что они на всем скаку летят не на укрытую снегом мягкую траву, а на острые камни. Он что есть силы тянул узды, как будто это могло что-то изменить, что-то исправить...

Грохот прервал его оцепенение, он сразу пришел в себя, услышав леденящий душу вопль корчащегося в муках животного. Поначалу он не мог даже пошевелиться, при попытке пойти навстречу страшным крикам его тело охватила судорога. Наконец, ему удалось сесть. По телу прошел болевой спазм и боль от удушья. Он понимал, что сломал, в лучшем случае, ребро.

К тому времени уже разыгралась свирепая метель. Он видел лишь на два метра впереди, не больше. Стараясь забыть о боли, он вытянул шею, пытаясь найти...

Непобедимого. Его взгляд привлекло слабое движение и темно-красное пятно, растекающееся по таящему снегу.

– Нет, – прошептал Артас и вскочил на ноги. Все вокруг потемнело, и он чуть снова не потерял сознание, едва устояв на ногах. Медленно он стал пробираться к перепуганному животному, перетерпевая боль и хлеставший ветер со снегом, изо всех сил пытавшиеся сбить его с ног.

Непобедимый бился на окровавленном снегу, обе его передние ноги были переломаны. Артас чувствовал, как его выворачивает при виде конечностей, не длинных и стройных, а страшно вывернутых. Вскоре то, как Непобедимый безуспешно старался подняться на обезображенные ноги, милостиво застлили снег и горькие слезы, горючим потоком лившиеся по щекам принца.

Он рыдал, бил коня, склонился над переломанными коленями остервенелого зверя, но что он мог сделать? Это ведь не царапина, которую можно просто перевязать и помочь Непобедимому добраться до теплого стойла и горячей похлебки. Артас пытался дотронуться до его головы, чтобы хоть как-то успокоить коня, но Непобедимый словно обезумел от агонии, продолжая *кричать*.

Помощь. Жрецы или сэр Утер, может, могли бы излечить его...

Сердечная боль оказалась страшней, чем телесная. Епископ ушел вместе с отцом и Утером в Стромгард. В деревне должен был быть священник, но мало того, что Артас не знал, где именно, так еще и при такой буре...

Он отошел от животного, закрыв глаза и уши, плача навзрыд так, что тряслось все тело. Из-за бури ему ни за что не удастся найти целителя прежде, чем Непобедимый умрет от ран или лютого холода. Артас не был уверен даже в том, найдет ли он

усадьбу Бальнира, которая была совсем рядом. Весь мир, кроме умирающего коня, стал белым. Конь, который доверял своему хозяину настолько, что прыгнул на ледяной дороге, теперь барахтался в алой дымящейся луже.

Артас знал, что должен был сделать, но он никак не мог решиться.

Он не знал, как долго просидел там, плача, пытаясь не видеть и не слышать своего коня, пока, наконец, Непобедимый не затих. Он лежал на снегу, тяжело дыша, его глаза, полные страдания, бегло метались.

Артас, не чувствуя тела, как-то подошел к животному. Каждый вздох был мукой, но он пересилил эту боль. Это была его ошибка. Его ошибка. Он положил большую голову коня себе на колени, и на счастливый миг ему показалось, что он не на снегу с раненным животным, а в конюшне, в которой кобыла родила Непобедимого. Тогда все только начиналось, и ничто не предвещало такой печальный конец, которого можно было бы *избежать*.Слезы закапали на широкую скулу коня. Непобедимый вздрогнул, тяжелые веки поднялись, обнажив карие глаза, в которых зияла тихая боль. Артас снял перчатки и нежно провел рукой по серой морде, заляпанной багровыми пятнами крови, чувствуя тепло жеребца. Медленно, он снял голову коня с коленей, встал на ноги, и потянулся согревшейся рукой за мечом. Его обувь впитывала красную лужу посреди расстаявшего снега.

– Мне жаль, – сказал он. – Мне очень жаль.

Непобедимый был спокоен, доверчиво смотря на него, как будто понимал, что сейчас произойдет, как будто понимал – так надо. Этого Артас не мог вынести, лицо снова залили слезы, застилая перед ним все. Он с трудом вытер их.

Артас поднял меч и резко опустил его вниз.

По крайней мере, он сделал все правильно; один-единственный сильный и холодный удар прямо в горячее сердце Непобедимого. Он чувствовал, как меч пронзает кожу, плоть, как разрезает кости и даже воткнулся в землю. Непобедимый выгнулся в последний раз и неподвижно замер.

Когда снегопад утих, его нашли Джорум и Джарим. Он согнулся над застывшим телом некогда великого коня, полного жизни и сил. Когда старик наклонился, чтобы поднять его, Артас вскрикнул от боли.

– Мне жаль, парень, – сказал Джорум невыносимо добрым голосом. – И за то, что причинил тебе боль, и за это несчастье.

– Да, – слабо ответил Артас, – несчастье. Он подскользнулся…

– Неудивительно, при такой-то погоде. Уж слишком быстро

началась эта буря. Вам повезло, что остались живы. Пойдемте к нам в дом, мы пошлем кого-нибудь во дворец.

Отдавшись в сильные руки фермера, Артас спросил:

– Вы же похороните его… здесь? Чтобы я мог его навещать?

Бальнир обменялся взглядом со своим сыном, затем кивнул.

– Да, конечно. Он был благородным конем.

Артас в последний раз посмотрел на тело коня, которого он звал Непобедимым. Все верили, что это был лишь несчастный случай, и он не стал их в этом разубеждать, не в силах перенести правду, что все произошло по его вине.

И он дал клятву, что если кто-либо еще когда-либо будет нуждаться в защите – что если нужно будет принести жертву ради благополучия остальных – он сделает это.

– *Чего бы это ни стоило*, – подумал он.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лето было в самом разгаре, и беспощадное солнце пекло голову Его Высочества Принца Артаса Менетила, пока он ехал по улицам Штормграда. Настроение у него было скверным, несмотря на то, что этого дня принц с нетерпением ждал всю свою жизнь. От солнца накалилась броня, и Артас думал, что зажарится до смерти еще до того, как достигнет собора. Он сидел на своем новом коне, который только лишний раз напоминал, что эта сильная, хорошо обученная и воспитанная лошадь не была Непобедимым, погибшим несколько месяцев назад и по которому он горько тосковал. Тут он заметил, что даже не задумывался над тем, что ему придется делать на церемонии.

Отец ехал рядом, и, казалось, не замечал раздражения сына.

– Это долгожданный день, сын мой, – сказал Теренас, поворачиваясь, чтобы улыбнуться Артасу.

Несмотря на зной и немалый вес шлема, Артас был ему рад; он скрывал лицо, а сейчас он вряд ли смог бы убедительно улыбнуться.

– И правда, отец, – спокойно ответил он.

Это было одно из самых больших празднований, которые когда-либо видел Штормград. Помимо Теренаса, сюда целыми парадами по белым городским мостам к Великому Собору Света, разрушенному во время Первой Войны, но теперь стоящему в еще большем великолепии, стекались короли, дворяне и рыцари.

Друг детства Артаса – Вариан, король Штормграда, теперь уже был женат и даже стал отцом. Он распахнул двери дворца всем посетившим его в этот день властителям и их свитам. Вчера он весь вечер просидел с Варианом, попивая мед и разговаривая о том да сем, и это, пожалуй, было для Артаса самым лучшим, что с ним произошло за все путешествие. Болезненный, травматичный юноша за десять лет превратился в уверенного, красивого и мудрого короля. Где-то раним утром, после полуночи, они пошли к складу оружия, достали деревянные мечи, и так и дрались друг с другом до самого рассвета, смеясь и вспоминая прошлое, хотя после выпитой ими медовухи они на мастеров меча как-то не были похожи. Вариан, которого обучали еще с раннего детства, всегда был на высоте, и, позрослев, он стал даже лучше. Но Артас был таков, что выкладывался так хорошо, как только мог.

Теперь же его ждала сплошная формальность, броня до безумия накалилась, а внутренний голос ворчал, что он не заслужил той чести, что намеревались ему оказать.

Иногда Артас делился своими чувствами с Утером. Грозный

паладин, который был олицетворением Света для Артаса, с тех самых пор как он его помнил, ошеломил его своим ответом.

– Парень, никто не чувствует себя к этому готовым. Никто не чувствует, что он заслуживает этого. И знаешь почему? Потому что никто не заслуживает. Его сияние, чистоту и простоту. Мы никогда не достойны, просто потому, что мы человечны, и все люди, да и эльфы, и дворфы, и все остальные расы – грешны. Но, так или иначе, Свет любит нас. Эта любовь дает нам то, что может возвысить нас. Он любит нас за то, на что мы можем решиться, чтобы помочь другим. И он любит нас, потому что мы можем помочь ему разделить его послание, каждый день стремясь быть достойными, даже понимая, что мы никогда не сможем стать таковыми.

Он хлопнул по плечу Артаса, дав ему свою простую улыбку, нечасто играющую на его лице.

– Так стой там сегодня, как стоял я, чувствуя, что ты, возможно, не сможешь заслужить его и никогда не станешь достойным, и знай, что ты находишься на том самом месте, где когда-то стоял каждый паладин.

Это немного успокоило Артаса.

Он распрямил свои плечи, убрал забрало, и, улыбнувшись, помахал толпе, которая весело приветствовала его. На него бросали лепестки роз, и откуда-то проревела труба. Они достигли собора. Артас спешился, и конюх увел его скакуна. Другой слуга взял шлем, который только что снял принц. Его светлые волосы были влажными от пота, и он быстро стянул с себя латные рукавицы.

Артас никогда не был прежде в Штормграде, и он был впечатлен смесью мощи и благоговения, излучаемого собором. Медленно он двинулся по покрытой коврами резной лестнице, радуясь прохладе здания. Аромат ладана успокаивал и был знаком; такой же его семья жгла в маленькой часовне.

Теперь здесь не было толпы, только тихие, почтительные ряды видных персон и духовенства. Артас узнал некоторых: Генн Седогрив, Торас Троллебой, Адмирал Даэлин Праудмур...

Артас моргнул, затем его губы изогнулись в улыбке. Джайна! Она, конечно, выросла за эти годы, с тех пор как он видел ее последний раз. Она не была ошеломительно красива, но довольно умна и жизнерадостна, он тянулся к ней как мальчик, влекомый маяком. Она поймала взгляд Артаса и слегка улыбнулась, склонив голову в знак почтения.

Артас переключил свое внимание на алтарь, к которому он приблизился, но почувствовал, что трепет оставил его сердце. Он надеялся, что у него будет шанс поговорить с нею после

завершения всех формальностей.

Архиепископ Алонсус Фаол ждал его у алтаря. Архиепископ больше напоминал Артасу Дедушку Зиму, чем одного из правителей, которых он встретил. Низенький и крепкий, с длинной гладкой белоснежной бородой и яркими глазами, даже посреди торжественной церемонии Фаол излучал теплоту и доброту. Фаол ждал, пока Артас не приблизится к нему и с уважением не станет перед ним на колени, прежде чем открыть большую книгу и заговорить.

– В Свете мы собираемся, чтобы наделить силой нашего брата. Милостью его он будет возрожден. Властью его он будет обучать народ свой. Силой его он должен сражаться с тьмой. И мудростью его он должен привести своих братьев к вечным наградам рая.

С левой стороны от себя стояли тихо и неподвижно несколько мужчин – и, как заметил Артас, женщин – одетых в пышные белые одеяния. Несколько блюстителей нравов почти гипнотически покачивались. Другие переносили большие свечи. На одном была вышитая синим цветом меховая накидка. Артас еще до этого был представлен большинству из них, но сейчас их имена вылетели у него из головы. На него это было не похоже – он искренне интересовался теми, ктослужил под его началом и всегда старался узнать их имена.

Архиепископ Фаол попросил, чтобы священники даровали Артасу свои благословения. Они повиновались, и тот, на ком была синяя накидка, вышел вперед, чтобы накинуть ее на шею принцу и помазать его лоб миром.

– Милостью Света да будут ваши братья исцелены, – сказал церковник.

Фаол повернулся к мужчинам справа от Артаса.

– Рыцари Серебряной Длани, если вы считаете этого человека достойным, дайте ему ваше благословение.

В отличие от предыдущих, эти стройные мужчины в тяжелых сверкающих доспехах были Артасу хорошо известны. Они были первыми паладинами Серебряной Длани, и впервые спустя много лет они собрались все вместе. Конечно, Утер; Тирион Фордринг, старый, но все еще сильный и красивый, теперь уже губернатор Дольного Очага; двухметровый Саидан Датрохан, и набожный Гавинрад, покрытый густой щетиной. Не было только одного Туралиона, правой руки Андуина Лотара во Второй войне, который пропал с отрядом, прошедшим через Темный Портал, когда Артасу был двенадцать.

Выступил Гавинрад, держа огромный, тяжеловесный молот с серебряным набалдашником, гравированным рунами, и крепкой

рукояткой, обернутой в синюю кожу. Он положил молот перед Артасом, затем отступил, встав рядом с братьями. Затем выступил сам Утер Светоносный, наставник Артаса в ордене. В руках он нес пару церемониальных плечевых пластин. Утер был самым сдержанным человеком, которого знал Артас, и все же глаза его сверкали от непролитых слез, когда он одел броню на широкие плечи Артаса. Его сильный голос дрожал от переполнявших его эмоций.

– Силой Света да падут ваши враги, – его рука на секунду задержалась на плече Артаса, затем он тоже отошел.

Архиепископ Фаол любезно улыбнулся принцу. Артас спокойно встретил пристальный взгляд, уже больше не волнуясь. Теперь он знал, что делать.

– Встаньте и поклянитесь, – сказал ему Фаол. Артас встал. – Артас Менетил, клянетесь ли Вы поддерживать честь и устав Ордена Серебряной Длани?

Артас моргнул, удивившись, что тот не упомянул его титул.

Конечно, – рассуждал он, – *меня посвящают как простого человека, а не принца*.

– Клянусь.

– Клянетесь ли вы идти в Свете и распространять его мудрость вашим соратникам?

– Клянусь.

– Клянетесь ли вы изгонять зло везде, где бы оно не было найдено, и защищать невинных, даже ценой вашей жизни?

– Кл… кровью и честью, клянусь, – почти, он почти оплошал.

Фаол быстро подмигнул, давая передышку, затем обратился к священникам и к паладинам.

– Братья и сестры – вы все, кто собрался здесь, чтобы встретить собрата – поднимите руки и позвольте Свету наполнить этого человека.

Церковники и паладины подняли правые руки, которые теперь были залиты мягким золотым сиянием. Они указали на Артаса, направляя сияние к нему. От удивления у Артаса широко распахнулись глаза, и он ждал, когда великолепное сияние окутает его.

Но ничего не произошло.

Мгновение застыло.

На лбу Артаса выступил пот. Что пошло не так? Почему Свет не обернулся вокруг него в благословении и даровании?

И тогда солнечный свет, струящийся через окна, медленно начал течь к одиноко стоящему принцу. Артас вздохнул с облегчением. Должно быть, об этом и говорил Утер. Чтобы он почувствовал себя недостойным, все паладины оттягивали этот

момент. Он вспомнил слова, которые произнес Утер: *Никто не чувствует, что он заслуживает этого… его сияние, чистоту и простоту… но, так или иначе, Свет любит нас*.

Теперь свет сиял на нем, внутри него, сквозь него, и ему пришлось зажмуриться, свет был слишком ослепителен. Сначала он грел, но затем стал обжигать так, что Артас слегка вздрогнул. Он чувствовал, – он очищается. Свободный от всего, чистый как кристалл, он чувствовал, как Свет переливался в нем. Он моргнул и потянулся за молотом, символом ордена. Когда его рука сжала рукоять, он взглянул на милостиво улыбающегося архиепископа Фаола.

– Встань, Артас Менетил, паладин и защитник Лордерона. Добро пожаловать в Орден Серебряной Длани.

Артас не мог сдержать себя. Он улыбнулся, когда схватил огромный молот, настолько большой, что на мгновенье он подумал, что не совладает с ним, и с возгласом поднял его над собой. Свет, как ему показалось, словно заставлял молот в его руках весить меньше. Вслед за его ликованием собор внезапно разразился ответными криками и аплодисментами. Артас оказался окружен новыми братьями и сестрами, и когда все прочие формальности были соблюдены, его отец, Вариан и остальные собрались у алтаря. Вокруг пронесся смех, ибо Вариан попытался похлопать его по плечу, но отбил себе руку, ударив о твердый сплав металла латных наплечников. Наконец, Артас обернулся и посмотрел на голубоглазую, улыбающуюся леди Джайну Праудмур.

Между ними было всего лишь пара сантиметров, поскольку их толкала и припирала толпа, неизбежно возникшая вокруг нового члена Ордена Серебряной Длани, и Артас не мог позволить себе упустить столь уникальную возможность. Его левая рука проскользнула по ее аккуратной талии, и он потянул ее к себе. Она была поражена, но не высказала недовольства, когда он обнял ее. Она обняла его в ответ, на мгновенье рассмеявшись на его груди, затем отступила, все еще улыбаясь.

На мгновение счастливые возгласы празднующей толпы этим жарким летним днем как будто исчезли, и Артас мог видеть лишь эту загорелую улыбающуюся девушку. *Смел* ли он поцеловать ее? Должен ли он был поцеловать ее? Он, конечно, хотел этого. Но пока он раздумывал, она вышла из толпы и отстранилась, и светловолосую девицу сменила другая. Радостная Калия крепко обняла своего брата.

– Мы все так гордимся тобой, Артас, – воскликнула она. Он смеялся, радуясь одобрению своей сестры и коря себя, что не вышел вперед и не поцеловал дочь адмирала. – Уверена, ты

станешь замечательным паладином.

– Неплохо справился, сын мой, – сказал Теренас. – Сегодня отец гордится тобой.

Глаза Артаса сузились. Сегодня? Что бы это означало? Разве раньше его отец не гордился им? Внезапно он рассердился, и при этом не был уверен, почему и на кого. Свет, задержавший свое одобрение; Джайна, отступившая от него в момент, когда он мог поцеловать ее; Теренас с его комментарием.

Он выдавил на своем лице улыбку и начал пробираться сквозь толпу людей. С него было достаточно, его здесь, по правде сказать, знали лишь немногие, и ни один его не понимал.

Артасу было девятнадцать. В этом возрасте Вариан уже год как был королем. В эти годы он мог поступать, как ему хочется, и теперь у него было наставляющее благословение Серебряной Длани. Он не хотел просто сидеть во дворце Лордерона, или присутствовать на скучных государственных встречах. Он хотел сделать что-то… веселое. Что-то, где ему пригодились бы его власть, его положение, его способности.

И он точно знал, чего хочет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: СВЕТЛАЯ ГОСПОЖА

Интерлюдия

Джайна Праудмур не любила такие дни, как этот, – грустные, дождливые и очень холодные. Морской бриз всегда приносил прохладу в Терамор; даже в жаркие летние месяцы холодные ветра и проливные дожди заставляли жителей продрогнуть до костей. Море грозно бурлило, над ним угрожающе нависло серое небо. И не было надежды, что что-то изменится. Тренировочные площадки снаружи покрылись слякотью, путешественники попрятались в трактире, а доктор ван Склифф, в чьи обязанности входило наблюдение за ранеными, лечил болезни, вспыхнувшие от холода и влажности. Стражники Джайны верно стояли под ливнем. Им, несомненно, было плохо. Джайна приказала, чтобы один из ее слуг взял котелок чая, который она сделала для себя и своего канцлера, и отнес вниз, стражникам, что мужественно исполняли свой долг. Себе она могла сварить еще один.

Прогремел гром, и вспыхнула молния. Джайна в своей уютной башне, в окружении книг и свитков, в которых она души не чаяла, вздрогнула и покрепче укуталась в плащ, а затем обернулась к той, что чувствовала себя еще менее уютно, чем она сама.

Магна Эгвин, бывший Страж Тирисфаля, мать великого Волхва Медива, когда-то самая могущественная женщина в мире, сидела на пододвинутом к огню стуле и спокойно пила чай. Ее руки сомкнулись вокруг чашки, ища в ней тепло. Ее волосы, белые, как только выпавший снег, свободно падали на плечи. Она поймала взгляд Джайны и встала, чтобы присесть на стул напротив нее. Ее зеленые, глубокого изумрудного цвета глаза не упускали ничего.

– Ты думаешь о нем.

Джайна нахмурилась и взглянула на танцующие языки пламени, чтобы отвлечься.

– Я не знала, что Стражи умеют читать мысли.

– Мысли? Пфф… На твоем лице все написано, как в учебнике для первоклашек, дитя мое. Вон та морщина над твоими бровями появляется, когда ты вспоминаешь его. К тому же, ты всегда в таком настроении в эту жуткую погоду.

Джайна вздрогнула.

– Меня и вправду так легко раскусить?

Острые черты лица Эгвин смягчились, и она ласково погладила руку Джайны.

– Благо, у меня за спиной тысяча лет наблюдений. Я разбираюсь в людях немного больше, чем другие.

Джайна вздохнула.

– Это верно. Когда холодает, мои мысли всегда – о нем. И о том, как такое могло произойти. О том, могла ли я что-то исправить.

Эгвин вздохнула.

– Я прожила тысячу лет – и не знаю, влюблялась ли когда-нибудь. От этого слишком много ненужного волнения. Но, если это тебя успокоит, – я тоже думала о нем.

Джайна моргнула, удивленная и сбитая с толку этой фразой.

– Ты думала об Артасе?

– О Короле-Личе, – строго поправила Страж. – Он больше не Артас.

– Не стоит напоминать мне об этом, – сказала Джайна как-то слишком резко. – Зачем ты…?

– А ты чувствуешь это?

Джайна медленно кивнула. Она списала это на влияние погоды и напряженности, которая появлялась от мрачности и слякоти. Но Эгвин знала, что за этим кроется что– то большее, и Джайна Праудмур, тридцатилетняя правительница Терамора, не могла не согласиться с пожилой дамой. *Пожилой*. Улыбка блеснула на ее губах при мысли об этом слове. Она сама хорошо прожила свою молодость – молодость, где Артас Менетил играл не последнюю роль.

– Расскажи мне о нем, – попросила Эгвин, откинувшись на стуле. Один из слуг вошел в комнату с новым котелком чая и горшочком печенья с пылу с жару. Джайна с благодарностью взяла чашку.

– Я рассказала все, что знаю, честно.

– Нет, – возразила Эгвин, – ты рассказала мне о случившихся событиях. А теперь я хочу, чтобы ты рассказала о *нем*. Артасе Менетиле. Ведь что бы там сейчас ни творилось – а что-то сейчас все-таки да *творится* – в Нордсколе, это будет рассказ об Артасе, не Короле-Личе. Во всяком случае, отчасти. И, к тому же… – пожилая дама усмехнулась, и морщины на ее лице стали незаметны за девичьей озорной вспышкой в глазах, – это холодный и дождливый день. Подобные рассказы созданы для таких дней.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Джайна Праудмур тихонько мурлыкала мелодию, гуляя по даларанскому саду. За восемь лет, проведенных в этом городе, он не переставал ее удивлять. Все тут источало магию, и она казалась ей духами, ароматом распустившихся бутонов, и она вдыхала его с улыбкой.

Хотя это и вправду был лишь аромат цветущего сада, но этот сад был самым волшебным в мире. Нигде и никогда Джайна не видела цветов красивее и не ела таких вкусных фруктов, как здесь.

А сколько новых знаний! За последние восемь лет она узнала больше, чем за всю свою жизнь – а точнее даже за последние два года, ведь лишь недавно Антонидас сделал ее своей ученицей. И мало что было милее ей, чем сидеть здесь, в саду, под закатным солнцем, с кубком сладкого нектара и кипой книг под рукою. Конечно, немногие свитки могли выдержать лучи солнца и пролитый нектар, и вторым любимым ее делом было сидеть в темной библиотеке с перчатками на руках – чтобы руки не повредили тонкому пергаменту – и постигать знания столь давних времен, что трудно и представить.

Но сейчас ей хотелось просто гулять по саду, чувствовать траву под ногами, ощущать невероятное сплетение запахов, и, когда голод напомнит о себе, сорвать спелое золотистое яблоко и с радостной улыбкой отгрызть кусочек.

– В Кель'Таласе, – молвил сильный и мягкий голос, – есть деревья, подобные высоким башням в белой коре и золотых листьях, что почти поют в вечернем ветерке. Думаю, ты когда-нибудь увидишь и полюбишь их.

Джайна обернулась, чтобы одарить принца Кель'Таса Солнечного Скитальца, сына Анастериана, короля кель'дореев, улыбкой, и сделала реверанс.

– Ваше высочество, – сказала она, – я не знала, что вы вернулись. Замечательно. И да, я уверена, что полюблю их.

Джайна была дочерью рода не королевского, но правящего и знатного. Ее отец, адмирал Праудмур, правил городом-государством Кул'Тирас, и Джайне пришлось научиться благородным манерам. Но принц Кель'Тас весьма ее смущал. Она не знала почему. Он был прекрасен, само собой, и обладал красотой и изяществом, как и все эльфы. Высокий, с волосами цвета чистого золота, что падали ему на плечи и спину, он всегда казался ей героем сказок, а не кем-то живым и настоящим. Даже теперь, когда он был в фиолетовом с золотом одеянии мага

Даларана, а не пышном наряде, который одевал на церемонии, он не утратил своей чопорности. Возможно, это было… было чем– то вроде старомодной формальности. Еще бы, он был намного старше ее, хоть и выглядел ее ровесником. Он был на редкость умен, был чрезвычайно талантливым и сильным магом, и среди студентов Даларана ходили слухи, что он – один из Шести, секретного собрания правителей Даларана. Так что она лишь надеялась, что она не такая уж деревенщина, чтобы чуждаться его.

Он потянулся, сам сорвал яблоко и откусил от него.

– Есть какое-то дивное простодушие в пище, рожденной на землях людей, познать которые я приехал, – он заговорщически улыбнулся. – Иногда эльфийская пища, восхитительная на вкус и прекрасная на вид, оставляет голод по чему-то более существенному.

Джайна улыбнулась. Принц Кель'тас всегда пытался позволить ей почувствовать себя непринужденно. Жаль только, что у него не очень получалось.

– Мало что может быть вкуснее яблока и ломтика острого сыра Даларана, – согласилась она. Затем воцарилась пауза, натянутая, несмотря на непринужденность обстановки и теплые лучики солнца. – Так вы недавно вернулись?

– Да. Я закончил все свои дела в Луносвете. Так что в ближайшее время мне не придется туда возвращаться.

Он посмотрел на нее, откусив еще кусочек яблока, и его лицо, как и полагалось по статусу, оставалось безразличным. Но Джайна знала, что он ждал ее ответа.

– Мы всегда рады вашему возвращению, Ваше Высочество.

Он погрозил ей пальцем.

– Ох, я же просил называть меня просто Кель.

– Извини, Кель.

Он взглянул на нее, и тень печали упала на его прекрасное лицо, но исчезла так быстро, что Джайна задалась вопросом – а не показалось ли ей?

– Как проходят твои занятия?

– Прекрасно, – сказала она, радуясь, что беседа теперь перешла к пути обучения. – Взгляни!

Она жестом указала на белку, что важно сидела на высокой ветви и грызла яблоко, и пробормотала заклинание. На месте белки оказалась овца. Животное недоуменно посмотрело вниз, когда ветка сломалась под его весом, и начало падать. Джайна тут же протянула руки, и овце-белка замерла прямо в воздухе, а затем мягко опустилась на землю. Овца жалобно заблеяла, вертя ушами, и спустя мгновение вновь превратилась в ошарашенную

белку. Она стала на задние лапки, сердито что-то проверещала и, подняв вверх пушистый хвост, снова запрыгнула на дерево.

Кель'тас засмеялся.

– Хорошо проделано! Надеюсь, ты больше не сжигаешь книги?

Лицо Джайны залилось краской. Она хорошо помнила тот случай. Когда она только приехала в город, ее навыки с огнем нуждались в усиленных тренировках. Во время занятий с Кель'тасом она случайно сожгла старый фолиант – фактически, единственный в своем роде. В ответ Кель'тас настоял, чтобы несколько последующих месяцев она оттачивала все огненные заклинания возле прудов у тюремной зоны.

– Эм… нет, это больше не повторялось.

– Рад слышать. Джайна… – он шагнул вперед, отбросив в сторону до половины съеденное яблоко, и мягко улыбнулся, – я не бросал слова на ветер, когда пригласил тебя навестить Кель'Талас. Даларан – изумительный город, и тут собрались одни из лучших магов Азерота. Я знаю, ты все время в учебе. Но я думаю, тебе любопытно было бы побывать в стране, где магия – часть культуры. Не только удел города или забава богачей, но законное право каждого жителя. Нас всех единит Солнечный Колодец. Наверное, тебе интересно было бы взглянуть на него?

– Я думаю – да, – она улыбнулась ему, – и когда-нибудь я там обязательно побываю, – ее улыбка превратилась в усмешку. – Но сейчас мою учебу лучше всего продолжить там, где люди готовы к тому, что я начну поджигать фолианты.

Он улыбнулся в ответ, но взгляд его был грустен.

– Быть может, ты и права. А теперь, если позволите, – он криво усмехнулся, – Верховный маг Антонидас захочет услышать отчет о моем пребывании в Луносвете. Но помни, что этот принц и маг всегда готов посмотреть на результаты твоей учебы… и провести с тобой немного времени.

Кель'тас положил руку на сердце и склонился. Джайна знала, как полагается ответить, и сделала реверанс, а затем посмотрела вслед принцу, идущему сквозь сад, источавшему уверенность и изящество. Казалось, даже грязь не цеплялась к его ботинкам и краю плаща.

Джайна в последний раз откусила кусочек яблока и отбросила его в сторону. Белка, которая только что была овцой, спрыгнула вниз со ствола, чтобы забрать огрызок – трофей более достижимый, чем все еще висевшее на ветке дерева яблоко.

И тогда пара рук закрыла ей глаза.

Она вздрогнула, но лишь от легкого удивления – ведь никакая угроза не может проникнуть сквозь сильную защиту

города.

– Угадай, кто? – шепнул ей мужской голос, едва сдерживая радость. Джайна улыбнулась.

– Хм… У тебя грубые руки – так что ты не волшебник, – сказала она, – ты пахнешь лошадьми и кожей…

Своей миниатюрной рукой она провела вдоль сильных пальцев, что закрывали ее взор, касаясь их, словно перышко. Она дотронулась до грубого кольца, на котором на ощупь узнала печать Лордерона.

– Артас! – с восхищением и удивлением воскликнула она и резко обернулась. Он сразу отпустил ее и улыбнулся. На вид он был не столь великолепен, как эльфийский принц. Его белокурые, как и у Кель'таса, волосы были просто желтыми вместо цвета золотой пряжи. Он был высок и хорошо сложен, и казался ей скорее грубым и непосредственным, чем приторно-изящным. И хоть он и имел один ранг с Кель'тасом – хотя Джайна сомневалась в том, что Кель мог бы это признать, ведь любой эльф считает себя выше людей любого ранга и титула – но он вел себя непринужденно, и Джайна немедленно ответила тем же.

Вспомнив об этикете, она склонилась в реверансе.

– Ваше Высочество, для нас это приятная неожиданность. Позвольте спросить, что привело Вас сюда? – ее отрезвила внезапная мысль. – В Столице ведь все в порядке, правда?

– Просто Артас, будь так любезна. В Даларане правят маги, и это простые люди должны склоняться, – его глаза цвета морской волны мерцали в хорошем настроении. – И мы ведь – товарищи по вредности после нашего приключения в лагерях орков, не так ли?

Она расслабилась и улыбнулась.

– Думаю, так и есть.

– Отвечая на твой вопрос – все прекрасно. Да так прекрасно, что мой отец даже согласился отправить меня сюда на учебу на пару месяцев.

– Учебу? Но ведь ты – член ордена Серебряной Длани! Или ты вдруг захотел стать магом?

Он засмеялся и взял ее под руку, направившись в сторону квартир учеников. Она легко попадала с ним в шаг.

– Вряд ли. Боюсь, такая преданность науке – не для меня. Но, мне кажется, что здесь, в Даларане, лучше всего можно изучить историю, природу магии и много всяких разностей, которые должен знать король. К счастью, мой отец и ваш верховный маг с этим полностью согласны.

Говоря это, он накрыл руку Джайны, покоящуюся на его собственной, ладонью. Это был учтивый дружеский жест, но

Джайна почувствовала, что от этого сквозь нее словно прошла небольшая искра. Она взглянула ему в лицо.

– Ты меня удивляешь. Мальчик, что когда-то вытащил меня ночью из лагеря, чтобы шпионить за орками, не сильно интересовался историей и знаниями.

Артас хмыкнул и заговорщически взглянул на нее сверху вниз.

– Честно? А так оно до сих пор и есть. То есть, возможно, и не совсем так, но это – не единственная причина, ради которой я здесь.

– Отлично. Теперь я ничего не понимаю. *Зачем* тогда ты приехал в Даларан? – они подошли к ее дому, и она, остановившись, выпустила его руку и повернулась к нему.

Он не ответил, а просто пристально взглянул на нее и улыбнулся. Затем он взял ее руку и поцеловал – изысканный жест, который она принимала множество раз от многих знатных господ. Его губы задержались на мгновение дольше, чем полагалось, и он не сразу выпустил ее руку.

Ее глаза расширились в удивлении. Он хочет сказать… Он умудрился приехать в Даларан – а это было почти подвигом, ведь Антонидас был известен своей подозрительностью к ученикам из других стран – просто чтобы… повидаться с нею? Прежде чем она смогла прийти в себя, чтобы задать этот вопрос, он подмигнул ей и поклонился.

– Встретимся сегодня вечером за ужином, миледи.

Ужин был абсолютно формальным. Возвращение принца Кель'таса и прибытие принца Артаса в один день заставили Кирин Тор немного встрепенуться. Большой стол был накрыт в обеденной комнате, которую использовали только в самых торжественных случаях.

Стол, за которым легко бы уместились две дюжины гостей, простирался от одного конца комнаты до другого. Сияли три люстры с яркими свечами, им вторили свечи на столе. В канделябрах на стенах горели факелы, вдоль стен парили маленькие сферы, которые в любой момент могли бы усилить освещение. Слуги редко появлялись на вид, чтобы вынести пустые блюда. Вино само разливалось из бутылки по бокалам щелчком пальцев. Флейта, арфа и лютня играли спокойную мелодию без участия людских рук или дуновения ветра, лишь с помощью волшебства.

Верховный маг Антонидас сидел во главе стола. Это был высокий человек, но он казался еще выше из-за худого телосложения. Его длинная борода, что была когда-то приятного

коричневого цвета, теперь совсем покрылась сединой, а на голове сияла плешь, но глаза были мудрыми и проникновенными. Также присутствовал верховный маг Крас, при параде и начеку. Его волосы, отражая свет огоньков свеч, мерцали серебром – с красными и черными вспышками. Были и другие, и все – высших чинов. Среди них Джайна имела самое низшее звание – она была лишь ученицей верховного мага.

Джайна была из рода военных, и с детства отец внушил ей, что всегда нужно четко осознавать свои силы и слабости. “Ведь это так просто – недооценить себя или оценить слишком высоко,” – говорил ей Даэлин. – “Обманчивая скромность – это так же плохо, как и обманчивая гордость. Всегда знай, чего ты стоишь, и действуй соответственно. Иначе делать глупо – а во время битвы и смертельно опасно”.

Она знала, что ей хорошо давалась магия. Она была умна и целенаправленна, и за короткое время учебы ей давалось уже многое. Конечно, Антонидас не взял бы ее к себе в ученицы лишь от доброты душевной. Без излишней гордости, как и учил отец, она твердо сознавала, что имеет все шансы стать могущественным магом. И она хотела добиться этого самостоятельно, а не потому, что ее обществом наслаждается эльфийский принц. И, борясь с тем, чтобы ее лицо не выдало раздражения, она зачерпнула еще немного черепашьего супа.

Поскольку возле Даларана находился один из лагерей для интернированных, неудивительно, что беседа зашла об орках – хотя в городе магов считалось, что они выше таких вещей.

Кель взял длинной изящной рукой кусок хлеба и стал намазывать на него масло.

– В летаргии они или нет, – сказал он, – они все еще опасны.

– Мой отец, король Теренас, согласен с вами, принц Кель’тас, – сказал Артас, улыбаясь очаровательному эльфу. – Для этого и были возведены лагеря. К несчастью, они очень дорого нам обходятся, но горстка золота – небольшая цена за безопасность народов Азерота.

– Они не больше, чем грубые животные, – сказал Кель’тас, и его обычный тенор слегка исказился от отвращения. – Они со своими драконами принесли много бед лесам Кель’Таласа. Лишь силы Солнечного Колодца смогли препятствовать еще большим разрушениям. Вы, люди, могли бы решить эту проблему, не облагая свой народ высокими налогами, а просто казнив этих зверей.

Джайна вспомнила тот единственный раз, когда она видела орков. Они показались ей сломленными, уставшими и несчастными. И у них были дети.

– Вы когда-нибудь были в их лагерях, принц Кель’тас? – спросила она прежде, чем смогла себя остановить. – Вы видели, во что они превратились?

Кель’тас на мгновение покраснел, но сдержал приятное выражение на лице.

– Нет, леди Джайна, и даже не хочу. Зачем это? Я вижу следы их злодеяний каждый раз, когда смотрю на сожженные стволы великолепных деревьев моей родины. Я скорблю за невинно убитых в той войне. И я сомневаюсь, что вы там бывали. Вряд ли столь утонченная леди захочет, чтобы ей устраивали экскурсии в лагеря.

– Хоть его высочество и сделал мне такой милый комплимент, по-моему, утонченность не имеет никакого отношения к желанию видеть справедливость, – Джайна тщательно старалась не смотреть на Артаса. – Более того, я считаю, что *утонченная* личность не захочет видеть, как разумных существ истребляют, подобно зверям.

Она приятно улыбнулась и продолжила есть суп. Кель’тас недоуменно смотрел на нее, смущенный ее реакцией.

– Закон в этом деле – за Лордероном, и король Теренас вправе делать все, что найдет целесообразным в своем королевстве, – вмешался Антонидас.

– Даларан и все королевства Альянса платят свою часть налога на их содержание, – сказал маг, которого Джайна не знала. – Мы ведь имеем право вмешаться в дело, раз мы платим за это?

Антонидас отмахнулся тонкой рукой.

– Неважно, кто платит за лагеря. Неважно даже, есть ли в них необходимость. Меня интересует именно странная летаргия орков. Я изучил то немногое, что мы знаем об их истории, и я не верю, что они спят из-за своего заключения. И также я не думаю, что это болезнь… По крайней мере, не такая, чтобы мы могли бояться заразиться.

Антонидас никогда не любил болтать просто так, и все тут же прекратили споры, чтобы выслушать его. Джайна удивилась. Никогда раньше она не слышала, чтобы хоть кто-то из магов обсуждал ситуацию с орками. Она и не сомневалась, что Антонидас завел этот разговор не случайно. Здесь присутствовали Артас и Кель’тас, и его речи могли быстро распространиться в высших кругах Лордерона и Кель’Таласа. Антонидас мало что делал случайно.

– Если это не болезнь и не прямой результат их заключения, – приятным тоном сказал Артас, – то скажите нам, что это?

Антонидас повернулся к юному принцу.

– Я считаю, что орки не всегда были так кровожадны. Кадгар рассказывал мне, что он узнал от Гароны, что…

– Гарона была полукровкой, что убила короля Ллэйна, – сказал Артас, и от его приятного тона не осталось и следа. – Не думаю, что можно верить словам этого существа.

Антонидас поднял руку, призывая собравшихся успокоиться, ведь после слов принца раздался одобрительный гул.

– Ее слова были записаны еще до предательства, – сказал он, – и они были подтверждены… иными источниками.

Он улыбнулся, давая знать, что не желает говорить об этих “иных источниках”.

– Они поддались влиянию демонов. Их кожа стала зеленой, а глаза кроваво-красными. Я полагаю, что они питались этим злом извне во времена первого вторжения. Теперь они оторваны от его источника. Думаю, это не болезнь – это слабость от голода. Демонические силы весьма могущественны. Отказ от них может привести к страшным последствиям.

Кель’тас махнул рукой.

– Пусть даже теория верна – зачем нам заботиться о них? Они оказались достаточно глупыми, чтобы довериться демонам. Они были достаточно беспечными, чтобы увлечься их губительными силами. С моей точки зрения, было бы не слишком мудро пытаться “вылечить” от этой зависимости, даже если это могло бы сделать их миролюбивыми. Теперь они сокрушены и бессильны. И я, как и любой другой в здравом уме, предпочел бы, чтобы после всего содеянного они оставались такими, какие есть.

– Ох, но если они вновь станут мирным народом, то мы избавимся от необходимости содержать их в лагерях, и деньги можно будет распределить для других целей, – мягко сказал Антонидас, прежде чем все собравшиеся начали спор. – Я уверен, что король Теренас оплачивает содержание орков не просто для того, чтобы облегчить казну. Как *поживает* Ваш отец, принц Артас? Жаль, я не смог посетить Ваш обряд посвящения, но я слышал, что это было весьма интересное событие.

– Штормград был гостеприимен ко мне, – ответил Артас, тепло улыбаясь и перекладывая себе в тарелку вторую порцию изысканно прожаренной форели, поданной с зеленым салатом. – Было приятно снова повидаться с королем Вариано.

– Его прекрасная королева недавно родила ему наследника, так ведь?

– Так. И если маленький Андуин станет когда-нибудь сжимать меч в руках так же крепко, как сжимал недавно мой палец – то он станет великим воином.

– А, хоть все мы молимся, чтобы Ваш день коронации

отложился на много долгих лет, королевскую свадьбу мы рады отпраздновать как можно скорее, – продолжил Антонидас. – У Вас есть пассия среди молодых особ, или Вы до сих пор самый завидный жених Лордерона?

Кель'тас принялся рассматривать свою тарелку, но Джайна знала, что он внимательно следит за беседой. Сама она старалась держаться непринужденно.

Артас и не посмотрел в ее сторону, засмеялся и смочил губы вином.

– Ах, об этом же сразу же все заговорят, разве нет? Это так скучно. Есть еще много времени, чтобы решить этот вопрос.

На Джайну нахлынули смешанные чувства. Она немного разочаровалась, но и почувствовала себя свободнее. Возможно, будет даже лучше, если они с Артасом останутся просто друзьями. В конце концов, она приехала сюда, чтобы стать великой волшебницей, а не флиртовать. Ученик Даларана должен быть дисциплинированным и руководствоваться логикой, а не чувствами. У нее были обязанности, и ей нужно уделять им все свое время.

Ей нужно учиться.

– Мне нужно учиться! – возмутилась Джайна спустя несколько дней после ужина, когда Артас подошел к ней, ведя за собой двух лошадей.

– Да ну, Джайна! – усмехнулся Артас. – Даже самой прилежной ученице порой нужно отдыхать. Такой замечательный день – ты должна выйти и насладиться им.

– Так я и делаю, – ответила она. Это была правда – она сидела с книгами в саду, а не взаперти в читальном зале.

– Небольшая разминка пойдет тебе на пользу, – сказал Артас, протягивая ей руку, чтобы помочь подняться. Джайна улыбнулась.

– Когда-нибудь ты станешь великим королем, – сказала она, становясь на ноги. – Похоже, никто не может отказать тебе ни в чем.

Он рассмеялся и помог ей придержать лошадь, чтобы она взобралась в седло. В тот день она надела легкие льняные брюки и могла спокойно сидеть верхом, а не в дамском седле. Спустя мгновение он легко запрыгнул на своего коня.

Джайна поглядела на его лошадь – гнедая кобыла вместо белого жеребца.

– Я ведь никогда не говорила, как сожалею о Непобедимом, – тихонько сказала она. Его лицо тут же погрустнело – будто по солнцу пробежала тень – но затем он вновь улыбнулся, чуть менее радостно.

– Все в порядке, спасибо. А теперь… У меня есть все, что нужно для пикника, и нас ждет чудесный день. Значит – вперед!

Этот день Джайна запомнила на всю оставшуюся жизнь. Это был тот прекрасный день позднего лета, когда солнечный свет казался золотым и густым, как мед. Артас ехал быстрым аллюром, но Джайна была опытной наездницей и легко держалась на его уровне. Он увел ее далеко от города в широкие зеленые луга. Кони, казалось, были довольны прогулкой не меньше, чем их наездники, их уши бодро тянулись вверх, а ноздри широко раздувались, вдыхая запахи трав.

Пикник был прост, но восхитителен – хлеб да сыр, и немного легкого белого вина. Артас откинулся назад, закинув руки за голову, и тихонько задремал, пока Джайна, сбросив ботинки, спрятала ноги в высокой траве и, прислонившись к дереву, принялась читать. Книга была весьма интересной – "*Трактат о природе Телепортации*" – но ленивое тепло дня, усталость после конной прогулки и приятный гул цикад убаюкали и ее.

Джайна проснулась, когда повеяло прохладой. Солнце начинало клониться к закату. Она села, отгоняя от себя дремоту, и поняла, что Артаса нигде не видно. Его лошади тоже. Ее собственный конь, за узду привязанный к ветвям, с довольным видом щипал траву.

Хмурясь, она поднялась на ноги.

– Артас?

Ответа не последовало. Вероятно, он, как всегда, решил разведать местность и вернется в любой момент. Она попыталась уловить стук копыт хотя бы где-то вдалеке – но не смогла.

Где-то в этих краях, если верить слухам, все еще жили свободные орки. И горные кошки с медведями – они меньше размерами, но от того не менее опасны. Джайна мысленно пробежалась по всем известным ей заклинаниям. Она была уверена, что сможет защитить себя в случае нападения.

Надо сказать – справедливо уверена.

Но напали тихо и внезапно.

Ее ударило в шею чем-то холодным и мокрым. Она вскрикнула и быстро оглянулась, пытаясь найти напавшего. Напавший размытым пятном переносился с места на место со скоростью молодого оленя, остановившись лишь для того, чтобы метнуть в нее второй снаряд. Он залепил ей рот, и она закашлялась – от смеха. Она собрала в ладонь немного снега, слегка вздрогнув, когда комок скользнул ей под блузку.

– Артас! Это нечестный бой!

В ответ в ее сторону полетело четыре снежка, и она присела,

чтобы поднять их. Артас, видимо, зашел высоко в горы, где очень рано наступала зима, и вернулся оттуда со снежками. А где он сам? Вон там – это его красная туника…

Схватка продолжалась до тех пор, пока у обоих не закончились боеприпасы.

– Мир! – крикнул Артас, и Джайна кивнула, не в состоянии ничего сказать в ответ из-за громкого смеха. Он выскочил из своего укрытия в скалах и подбежал к ней. Он обнял ее, тоже смеясь, и она с радостью отметила, что и в его волосах был снег.

– Я знал это много лет назад, – сказал он.

– З-знал что? – в Джайну попало множество снежков, и, хоть и стоял летний вечер, ей было холодно. Артас чувствовал, что она дрожит, и крепко обнял ее. Джайна поняла, что пора бы отстраниться. Дружественное и спонтанное объятие – это одно, но такое долгое и нежное – совсем другое. Но она осталась, положив голову ему на грудь и слушая громкие и частые удары его сердца. Она закрыла глаза, когда он провел одной рукой по ее волосам, чтобы смахнуть хлопья снега.

– В тот день, когда я впервые тебя увидел, я понял, что с тобой можно весело провести время. Что ты не будешь возражать против того, чтобы прогуляться в жаркий летний день или, – он стер с ее лица комочек снега, – или получить снежком по лицу. Тебе не больно?

Она улыбнулась. Ей внезапно стало тепло.

– Нет. Вовсе нет… – они посмотрели друг другу в глаза, и ее щеки запылали. Она попыталась отступить на шаг, но его рука крепко прижимала ее к себе, будто стальная. Он коснулся ее лица, провел сильными мозолистыми пальцами вдоль ее щеки.

– Джайна, – тихо сказал он, и она задрожала, но на этот раз не от холода. Так не должно быть. Она должна отойти от него. Но вместо этого она лишь закрыла глаза.

Их поцелуй был сладким и нежным – это был первый поцелуй Джайны. Как по своей собственной воле ее руки поднялись по его спине и обхватили шею, и она прижималась к нему все ближе, а их поцелуй становился все более глубоким. Она чувствовала, что сейчас утонет, а он – единственная вещь в мире, за которую можно схватиться.

Это было то… Это был тот, кто ей нужен. Этот юноша, что был ее другом, несмотря на титул, что знал и понимал ее характер увлеченного ученого, но также видел игривую и веселую девчонку, какой она могла стать вместе с ним – а ее мало кто замечал.

Но он видел, кто она на самом деле, а не только то, что видел весь мир.

– Артас, – шепнула она, вцепившись в него, – Артас…

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Несколько месяцев в Даларане пролетели незаметно. Артас с удивлением обнаружил, что в городе магов *можно* было научиться многому, что полезно знать королю. Также здесь он мог свободно наслаждаться затянувшимся летом и первыми прохладными осенними деньками. Он каждый день ездил верхом, хотя и ощущал, как его сердце сжимается каждый раз, когда усаживался на коня и понимал, что это был не Непобедимый.

А еще здесь была Джайна.

Поначалу он не планировал целовать ее. Но когда она оказалась в его руках, ее глаза так сияли от радости и веселья, что он не смог удержаться. И она поцеловала его в ответ. Ее расписание было куда насыщеннее и требовательнее, чем его, и они не могли часто встречаться друг с другом, что их особо не радовало. Обычно им удавалось сойтись во время каких-нибудь общественных мероприятий. При этом оба они единогласно, без всяких обсуждений, решили не давать окружающим и повода для распространения слухов о себе.

Это придавало их отношениям особую изюминку. Они наслаждались каждым представившимся им моментом – поцелуем в альковах, мимолетным взглядом на официальном обеде. Их первый пикник был невинен в начале; но теперь они усердно подобного избегали.

Он запомнил ее расписание, чтобы “случайно” натыкаться на нее в коридорах. Она находила причины, чтобы наведываться в конюшни или во внутренний двор, где Артас и его люди обычно оттачивали свои навыки сражения.

Артас наслаждался каждой опасной и дерзкой встречей с ней.

Теперь он выжидал в редко посещаемом проходе, стоя напротив книжного шкафа и притворяясь, что рассматривает названия томов. У Джайны скоро должна была закончиться практика огненных заклятий; однажды она проболталась ему, что до сих пор занимается возле острога, где было много воды, после чего жутко застеснялась. Она должна была пересечь этот коридор, чтобы добраться до своей комнаты. Он тщательно вслушивался. И вот они – мягкие, быстро семенящие шаги ее ног. Он обернулся, потянувшись за книгой, делая вид, что она ему интересна, а сам искоса наблюдал за нею.

Джайна был одета как обычно, в традиционное одеяние ученика. Ее волосы словно сияли, ее лицо застыло в обычном для нее сконцентрированном выражении, лоб был нахмурен в

глубоком, но судя по всему, приятном раздумье. Она даже не заметила его. Он быстро положил книгу на место и выбежал из прохода прежде, чем ей удалось уйти слишком далеко, схватил ее за руку и потащил в тень.

Как всегда, она ничуть не удивилась и даже опередила принца: прижимая книги к своей груди одной рукой, другой она обняла его за шею, когда они потянулись друг к другу для поцелуя.

– Добрый день, моя леди, – прошептал он, целуя ее шею.

– Добрый день, мой принц, – радостно вздохнула она.

– Джайна, – прозвучал сзади голос, – почему ты…

Они подскочили и виновато посмотрели на незваного гостя. Джайна слегка сглотнула и зарделась.

– Кель…

Лицо эльфа было невозмутимо, но в его глазах полыхал гнев, а зубы были крепко сжаты.

– Ты уронила книгу, когда уходила, – процедил он, протягивая том. – Я последовал за тобой, чтобы вернуть ее.

Джайна поглядела на Артаса, покусывая нижнюю губу. Он был поражен не меньше ее, но выдавил слабую улыбку. Не отпуская талию Джайны, он обратился к Кель'тасу.

– Это было очень любезно с твоей стороны, Кель. Спасибо.

На мгновение ему показалось, что Кель'тас набросится на него. Маг просто излучал злость и возмущение. Он был силен, и Артас знал, что у него нет ни единого шанса против него. Но даже несмотря на это, он не сводил взгляда с эльфийского принца, не отступая ни на шаг. Кель'тас сжал кулаки, но остался там, где стоял.

– Ты стыдишься ее, Артас? – прошипел Кель'тас. – Она важна тебе, лишь если никто не знает про вас?

Глаза Артаса сузились.

– Я хотел бы избежать дурных слухов о ней, – спокойно возразил он. – Ты же знаешь, как это обычно бывает, не так ли, Кель? Кто– то говорит одно, потом это перешептывается и всеми воспринимается на веру. Я хочу защитить ее репутацию…

– *Защитить?* – рявкнул Кель'тас. – Если бы ты заботился о ней, то ухаживал бы за ней открыто, гордо. Так поступил бы любой мужчина, – он посмотрел на Джайну, и его гнев прошел, сменившись мимолетным выражением боли. Которое, впрочем, сразу исчезло. Джайна опустила взгляд. – Я больше не помешаю вашему… *свиданию*. И не бойтесь, я ничего не скажу.

С сердитым шипением он презрительно бросил книгу в сторону Джайны. Том, вероятно бесценный, поскольку Джайна вскрикнула, с громким стуком упал к ее ногам. Затем Кель

удалился в вихре своих фиолетовых и золотых одеяний. Джайна выдохнула и опустила голову на грудь Артаса.

Артас осторожно погладил ее по спине.

– Все в порядке, он ушел.

– Мне жаль. Думаю, я должна была предупредить тебя.

У него перехватило дыхание.

– О чем предупредить? Джайна, неужели ты и он...

– Нет! – сразу прервала она, пристально глядя на него. – Нет. Но... Мне кажется, что он – да. Я просто... он – хороший эльф и могущественный маг. И принц. Но он не… – ее голос затих.

– Он не – что? – фраза вышла более резкой, нежели ему хотелось. Кель обладал многими преимуществами, которых не было у Артаса. Он был старше его, образованнее, опытнее, сильнее, а его эльфийская красота была физически недостижима человеку. Он чувствовал, как внутри него зарождается холодный комок ревности. Если бы Кель вновь появился, то Артас не был бы столь уверен, что не набросится на него.

Джайна нежно улыбнулась, и морщинка на ее лбу разгладилась.

– Он не ты.

Ледяной комок в нем растаял, будто зима отступила перед теплом весны, и он притянул ее к себе и поцеловал снова.

Кого беспокоит, что на уме у этого тщедушного эльфийского принца?

Год промчался без всяких потрясений. Лето уступило свое место прохладной осени, а затем зиме; недовольство из-за увеличения налогов для содержания орочьих лагерей росло среди населения, что не было сюрпризом для Теренаса и Артаса. Принц продолжал обучаться у Утера. Паладин был непреклонен в своей вере, что молитва и самосозерцание не менее важны, чем навыки владения оружием.

– Да, мы должны знать, как справиться с нашими врагами, – говорил он. – Но мы также должны знать, как излечить наших союзников и самих себя.

Артас вспоминал о Непобедимом. Его мысли всегда возвращались к тому событию прошлой зимой, и замечания Утера лишь напоминали ему о том, что он считал главным провалом в своей жизни. Если бы только он начал свое обучение чуть-чуть раньше, то большой белый жеребец был бы еще жив. Он так никому и не рассказал, что произошло на самом деле в тот ненастный день. Все думали, что это был несчастный случай. Так оно и было, постоянно твердил Артас самому себе. Он не собирался причинять боль Непобедимому. Он любил своего коня;

скорее бы Артас принял удар на себя. И если бы он начал обучаться на паладина раньше, как это сделал Вариан с битвой на мечах, то тогда ему удалось спасти от смерти Непобедимого. Он поклялся, что подобное больше не повторится. Он сделает все, что необходимо, но больше никогда не окажется в ситуации, где он окажется бессилен и не сможет поступить правильно.

Зима, как ей и полагается, прошла, и на полях Тирисфаля вновь воцарилась весна. Вместе с ней Джайна Праудмур стала, по мнению Артаса, столь же красивой, цветущей и приветливой на вид, сколь и свежие бутоны цветов на пробудившихся деревьях. Она пришла к нему, чтобы присутствовать на Саде чудес, главном весеннем празднике в Лордероне и Штормграде. Артас узнал, что не ложиться спать ночью, потягивая вино и готовясь к празднику, оказывается, не так уж и скучно, если рядом находится Джайна, чей лоб всегда нахмуривался в присущей только ей покоряющей принца манере, когда она тщательно и внимательно разукрашивала скорлупу яйца.

Хотя еще не было сделано никаких общественных заявлений, Артас и Джайна уже знали, что их родители переговорили друг с другом и дали молчаливое добро на встречи своих отпрысков. К тому же, Артас, и так любимый своим народом, стал все чаще появляться на публичных мероприятиях как представитель власти Лордерона, нежели Утер или Теренас. Сам Утер тем временем все более и более углублялся в духовные изыскания Света, а Теренас, казалось, был и сам рад своему воздержанию от утомительных поездок.

– Ехать верхом сутки и спать под звездным небом – это, конечно, увлекательно, но только когда ты молод, – говорил он по этому поводу Артасу. – А когда достигаешь моего возраста, то понимаешь, что лучше поездку на лошади поменять на покой, а звезды из окна твоего замка видны ничуть не хуже, чем на открытом воздухе.

Артас усмехнулся и с головой нырнул в свои новые обязательства. Адмирал Праудмур и архимаг Антонидас, очевидно, пришли к тем же самым выводам, что и его отец. И все чаще, когда из Даларана в Столицу отправлялся посыльный, леди Джайна Праудмур сопровождала его.

– Приезжай к нам на фестиваль Огненного Солнцеворота летом, – внезапно предложил он ей. Она взглянула на него, осторожно держа яйцо в одной руке, а другой смахивая упавшие ей на лицо золотые волосы.

– Мне не удастся. Лето – очень важное время для учеников Даларана. Антонидас уже предупредил меня, чтобы на это время я не планировала никаких поездок, – сказала она с сожалением в

голосе.

– Тогда я приеду к тебе на фестиваль, а ты ко мне – на Тыквовин, – сказал Артас. Она покачала головой и засмеялась.

– Какой ты настойчивый, Артас Менетил. Что ж, я попробую.

– Нет, ты обязательно приедешь, – он потянулся через стол, приведя в беспорядок ярко раскрашенные яйца и маленькие леденцы, и взял ее за руку.

Она улыбнулась, немного застенчиво, и ее щеки порозовели.

Она приедет.

Перед Тыквовином было еще несколько небольших празднеств. Некоторые из них были мрачными, другие веселыми, а этот соединял в себе эти признаки. Бытовало поверье, что во время этого праздника барьер между мирами живых и мертвых становился слабее, что эту грань можно было преступить и вновь увидеть давно почивших. Традиционно Тыквовин отмечали по завершению сезона урожая, прежде чем начинали дуть зимние ветры; неподалеку от дворца устанавливали большое соломенное чучело. На закате ночью церемонии чучело предавали огню. Гигантский плетеный человечек, горящий ярким пламенем, гонящий прочь покров темной ночи – это всегда было удивительным и устрашающим зрелищем. Каждый желающий мог подойти к пылающему человечку и бросить ветвь в трескучий огонь, при этом метафорически "сжечь" что-нибудь, чего он не желал брать с собой в тихий период раздумий зимней бездеятельности.

Этот крестьянский ритуал возник еще с незапамятных времен. Артас подозревал, что немногие и теперь верят, что бросание ветви в огонь действительно решит их проблемы; еще меньше – что можно общаться с мертвыми. По крайне мере, он в это точно не верил. Но этот фестиваль был очень популярен, к тому же, Джайна должна была вернуться в Лордерон на время его проведения, так что Артас с нетерпением ждал его.

У него был готов небольшой сюрприз для нее.

Это произошло прямо после заката. Толпа начала собираться еще днем. Некоторые устраивали пикники, празднуя последние дни осени на лугах Тирисфаля. Стража тоже была наготове, бдительно следя, чтобы не было несчастных случаев, которые могут произойти, когда большое количество людей собирается в одном месте. Но Артас не думал, что нынче будут какие-нибудь проблемы. Когда он вышел из дворца, одетый в тунику, брюки и плащ ярких осенних оттенков, толпа взорвалась приветствиями. Он выдержал паузу и помахал зрителям, принимая их аплодисменты, затем повернулся и протянул руку Джайне.

Она немного удивилась, но улыбнулась, и теперь крики возносили ее имя к темнеющему небу так же, как и его. Артас и Джайна подошли к гигантскому плетеному человеку. Артас поднял руку, прося тишины.

– Мои соотечественники, я присоединяюсь к вам на праздновании наиболее почитаемой ночи – ночи, когда мы вспоминаем тех, кто больше не с нами, и когда мы отрекаемся от того, что сдерживает нас. Мы сжигаем чучело плетеного человечка как символ уходящего года, подобно тому, как фермеры сжигают остатки прошлого урожая на своих полях. Пепел кормит почву, и этот обряд кормит наши души. Я рад видеть, что сегодня вечером здесь собралось так много народу. И я рад предложить почетную роль по сожжению плетеного человечка леди Джайне Праудмур.

Глаза Джайны расширились. Артас повернулся к ней, злорадно ухмыляясь.

– Дочь Адмирала героя войны Даэлина Праудмура, и когда-нибудь она станет сильным магом. Поскольку маги – мастера огня, думаю, будет правильно, если именно она зажжет нашего плетеного человечка этой ночью. Вы согласны?

Восхищенные собравшиеся одобрительно зашумели, как и предполагал принц. Артас поклонился Джайне, затем наклонился к ней и прошептал: “Покажи им маленькое представление – им обязательно понравится”.

Джайна незаметно кивнула, затем подошла к толпе и помахала ей. Крики толпы стали еще сильней. Она заправила локоны волос за уши, слегка обнаружив свое волнение, а затем сосредоточилась. Она закрыла глаза и подняла руки, шепча заклинание.

Джайна надела на праздник платье огненных красных, желтых и оранжевых оттенков. Когда маленькие шары пламени, появившиеся в ее руках, стали сиять все ярче и ярче, Артасу на мгновенье показалось, что Джайна сама стала воплощением огня. Она держала огонь в своих руках с такой непринужденностью, спокойствием и мастерством, что он понял, что те дни, когда она плохо контролировала свои заклятья, давно уже прошли. Она не собиралась "стать" сильным магом; она уже была таковым, хоть и не обладала титулом.

И затем она протянула обе руки вперед. Шары огня помчались, словно пули из ружья, к огромному соломенному чучелу. Плетеный человечек вспыхнул сразу, толпа поначалу затихла, а потом взорвалась в дикой овации. Артас усмехнулся. Плетеный человечек ни разу не загорался столь быстро, когда его поджигали обычным способом.

Джайна открыла глаза на звук публики и помахала всем, восхищенно улыбаясь. Артас опять наклонился и прошептал: “Захватывающе, Джайна”.

– Ты же просил, чтобы я показала им маленькое представление, – ответила она ему, усмехаясь в ответ.

– Так и есть. Но это было *чересчур* хорошо. Боюсь, теперь они наверняка потребуют, чтобы ты зажигала плетеного человечка каждый год.

Она обернулась и посмотрела на него.

– А разве это проблема?

Сияние от сверкающего огня танцевало на ней, освещая ее оживленное лицо, ловя блеск золотой диадемы, украшавшей ее голову. Артас задержал дыхание, рассматривая ее. Она всегда любовался ей – она понравилась ему с того самого момента, как они повстречались. Она была его подругой, верным товарищем и объектом будоражащего кровь флирта. Но сейчас он ничего не мог поделать, кроме как смотреть на нее буквально в новом для себя свете.

Потребовалась минута, чтобы он вновь обрел дар речи.

– Нет, – сказал он нежно. – Нет, это не проблема.

Они присоединились к танцующим у костра людям, обмениваясь рукопожатиями и поздравлениями с народом и не на шутку перепугав охрану. А затем они вообще повергли исполнительных охранников в шок, растворившись в толпе и ускользнув от всех незамеченными. Артас повел ее через задние коридоры к частным жилым помещениям дворца. Как только их дорогу пресекали снующие слуги, сокращающие себе путь до кухни, парочка сливалась с темной стеной и тихо стояла там в течение нескольких долгих секунд, пока опасность не минует.

Так они пробрались в покои Артаса. Он захлопнул дверь, прислонился к ней и обнял Джайну, страстно целуя ее. Однако именно она, застенчивая и прилежная, прервала поцелуй и двинулась к кровати, ведя его за руку. Оранжевое зарево от пылающего плетеного человечка до сих пор танцевало на их коже.

Он последовал за ней, изумленный, словно все это было во сне. Они встали возле кровати, сжимая друг другу руки так сильно, что Артас забеспокоился, а не сломаются ли ее хрупкие пальцы в его хватке.

– Джайна, – прошептал он.

– Артас, – почти простонала она и поцеловала его снова, ее руки выскользнули из объятий и сжали его лицо. Его голова шла кругом, он так желал ее, что почувствовал себя внезапно лишенным чего-то важного, когда она отдалилась. Ее дыхание на его лице было слабым и теплым, когда она прошептала: "Я… мы

готовы к этому?”

Он хотел было ответить ей легкомысленно, но понял, что она имела в виду. Он был более чем готов провести оставшуюся часть своей жизни с этой девушкой, отдав ей сердце. Он отказался от прекрасной Тареты, а она была даже не первой, кому он сказал "нет". Джайна, как он знал, была еще менее опытна, чем он, в подобных делах.

– Я готов, если только ты готова, – хрипло прошептал он, и когда он снова склонился для поцелуя, то увидел, как знакомые ему морщинки беспокойства пересекли ее лоб. – *Я уберу их поцелуем*, – поклялся он, опуская ее на кровать рядом с собой. – *Я сделаю все, чтобы все твои волнения ушли навсегда*.

Позже, когда плетеный человечек, наконец, сгорел дотла, и когда единственным светом, заливающим спящую фигуру Джайны, стало спокойное сине-белое сияние луны, Артас все еще лежал с открытыми глазами, проводя пальцами по ее телу и поочередно размышляя, куда это все их приведет и как он был счастлив в этот момент.

Он не бросил ветвь в огонь, ибо не желал избавляться ни от чего из того, что у него было. Не желал он отказываться от чего-либо и теперь, подумал он, нагнувшись, чтобы поцеловать ее. Джайна проснулась с нежным вздохом, достигшим его ушей.

– Похоже, никто не может отказать тебе ни в чем, – пробормотала она, повторяя слова, которая сказала ему в день их первого поцелуя. – И я – меньше всего.

Он прижался к ней, внезапно его пронзил неизвестно откуда взявшийся холодок.

– Не отказывай мне, Джайна. Никогда не отказывай мне. Пожалуйста.

Она посмотрела на него, ее глаза блестели в прохладном лунном свете.

– Мне никогда не удастся, Артас. Никогда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дворец никогда не был так весело украшен к Празднику Зимнего Покрова, как в этом году. Мурадин как хороший посол своего народа прививал дворфийские традиции в Лордероне. Из года в год они становились все более популярными, и, похоже, что в этом году люди на самом деле приняли их близко к сердцу.

Праздничный тон был задан несколько недель назад, когда Джайна порадовала всех, театрально воспламенив плетеного человечка. Ей позволили остаться на зиму, если она захочет, хотя Даларан не был далек для человека, умеющего телепортироваться. Что-то глубоко и незаметно изменилось. С Джайной Праудмур стали обращаться не просто как с дочерью правителя Кул'Тираса, не просто как с другом.

С ней стали обращаться как с членом королевской семьи.

Артас впервые понял это, когда его мать взяла Джайну и Калию на примерку модных платьев для бала в Канун Зимнего Покрова. Многие гости проводили Зимний Покров здесь, но Лианна никогда раньше не занималась собственноручно ни их нарядами, ни нарядами своей дочери.

В свою очередь Теренас теперь часто просил, чтобы Джайна присоединилась к нему с Артасом, когда они собирались выслушивать просьбы людей. Она садилась слева от короля, а Артас справа. На место, присущее собственному сыну короля.

Хорошо, думал Артас, что все к этому и шло. Не так ли? Он вспомнил свои слова, обращенные к Калии годы назад: "*Я считаю, что у каждого есть свой долг. Твой – выйти за того, кого укажет Отец, мой – жениться на той, что хороша королевству*".

Джайна подойдет королевству. Джайна, думал он, подойдет и ему.

Так почему же эти мысли заставляют его чувствовать себя так неловко?

В ночь перед Зимним Покровом выпал свежий снег. Артас стоял, рассматривая сквозь большое окно Озеро Лордамер, сейчас замерзшее. Начавшийся на рассвете снегопад прекратился около часа назад. Небо было похоже на черный бархат, звезды – на маленькие ледяные бриллианты в мягкой темноте, и под лунным светом все выглядело неподвижным, тихим и магическим.

Нежная рука скользнула в его руку.

– Красиво, не правда ли? – тихо сказала Джайна. Артас кивнул, не глядя на нее. – Достаточно снарядов.

– Чего?

– Снарядов, – повторила Джайна. – Для снежков.

Он наконец повернулся к ней, и у него перехватило дыхание. Ему не разрешали видеть наряды, которые она, Калия и его мать наденут на банкет и бал этим вечером, и он был ошеломлен ее красотой. Джайна Праудмур выглядела, как снегурочка. От туфелек, которые казались сделанными изо льда, до белого платья светло-голубого оттенка и серебряного браслета, отражавшего теплое сияние факела, она была умопомрачительно прекрасна. Но она не была ледяной королевой, не была статуей; она была теплая, нежная и живая, ее золотые волосы ниспадали на плечи, ее щеки порозовели под его восхищенным взглядом, ее голубые глаза светились счастьем.

– Ты похожа на свечку, – сказал он. – Вся белая и золотая.

Он протянул руку к локону ее волос, закрутил его своими пальцами.

Она улыбнулась.

– Да, – засмеялась она, протягивая руку, чтобы прикоснуться к его ярким локонам. – Дети определенно будут светленькими.

Он похолодел.

– Джайна… ты…

Она усмехнулась.

– Нет. Пока нет. Но нет причин думать, что мы не сможем завести детей.

Дети. Слово, которое приводило его в шок и вызывало странную тревогу. Она говорила об их детях. Его мысли понеслись в будущее – в будущее, где Джайна стала его женой, во дворце живут *их* дети, родителей больше нет, и он сам сидит на троне и несет бремя короны. Часть его отчаянно желала этого. Он любил присутствие Джайны, любил обнимать ее по ночам, любил ее вкус и аромат, любил ее смех, чистый, как звук колокольчик, и свежий, как благоухание роз.

Он любил...

Что если он все разрушит?

Потому что неожиданно он понял, что все, что происходило до этого момента, было детской игрой.

Он относился к Джайне как к товарищу, как и во времена своего отрочества, за исключением того, что теперь их игры носили взрослый характер. Но что-то в нем неожиданно изменилось. Что, если все это станет реальностью? Что, если он действительно полюбит ее, а она его? Что, если он станет плохим мужем и королем – что, если…

– Я не готов, – выпалил он.

Она нахмурилась.

– Хорошо, мы же не собираемся заводить малышей прямо

сейчас.

Она покрепче сжала его руку, чтобы приободрить его. Артас неожиданно вырвал руку и отстранился от нее. Она сильнее нахмурилась в недоумении.

– Артас? Что не так?..

– Джайна, мы слишком молоды, – быстро произнес он, слегка повышая голос. – *Я* слишком молод. Поэтому все еще… я не могу… я не готов.

Она побледнела.

– Ты не… я думала…

Его мучило чувство вины. Она спрашивала его об этом в ту ночь, когда они стали любовниками. *Я… мы готовы к этому?* прошептала она. *Я готов, если только ты готова,* ответил он, и он имел в виду именно это… Он действительно думал, что имел это в виду…

Артас потянулся и схватил ее руки, отчаянно пытаясь выразить эмоции, рвущиеся из него.

– Я еще должен столько всего узнать. Завершить так много тренировок. И Отец нуждается во мне. Утеру необходимо еще столькому научить меня, и… Джайна, мы всегда были друзьями. Ты всегда так хорошо меня понимала. Неужели ты не поймешь меня сейчас? Неужели мы не можем по-прежнему быть друзьями?

Ее бледные губы дрогнули, но не произнесли ни одного слова. Ее руки безвольно лежали в его руках. Он сжал их почти яростно.

Джайна, пожалуйста. Пожалуйста, пойми – даже если я не понимаю.

– Конечно, Артас, – ее голос звучал безжизненно. – Мы всегда будем друзьями, ты и я.

Всё в ней – её осанка, её лицо, её голос – выражало боль и шок. Но Артас предпочел услышать лишь её слова, его захлестнула волна облегчения, что укрепила ослабшие дрожащие колени. Это должно огорчить ее сейчас, немного, но вскоре она непременно поймет. Они хорошо знали друг друга. Она поймет, что он был прав, что все это слишком рано.

– Я имею в виду – что это не навсегда, – сказал он, чувствуя, что необходимо объяснить ей. – Только на время. Ты должна учиться – я уверен, что только отвлекаю тебя. Антонидас, верно, обижается на меня.

Она молчала.

– Все это к лучшему. Возможно, однажды все будет по-другому, и мы сможем попробовать снова. Это не значит, что я не… что ты…

Он притянул ее к себе и обнял. Мгновенье она была твердой,

как камень, затем он почувствовал, что напряжение исчезло, и она обняла его. Они долго стояли в зале одни. Артас прислонил щеку к ее светлым золотым волосам, волосам, с какими, без сомнения, родились бы их дети. Возможно, еще родятся.

– Я не хочу закрывать дверь, – сказал он тихо. – Я просто…

– Все хорошо, Артас. Я понимаю.

Он отступил назад, держа руки на ее плечах, заглянув в ее глаза.

– Ты понимаешь?

Она легко рассмеялась.

– Честно? Нет. Но все в порядке. В конечном счете, это не конец. Я знаю это.

– Джайна, я просто хочу быть уверен, что все хорошо. Для каждого из нас.

Я не хочу все испортить. Я не могу все испортить.

Она кивнула. Она глубоко вздохнула и успокоила себя, послав ему улыбку… искреннюю, хоть и болезненную, улыбку.

– Пойдем, принц Артас. Тебе нужно сопровождать своего друга на балу.

Артас как-то пережил этот вечер, и Джайна держалась молодцом, хотя Теренас бросал на них странные взгляды. Он не хотел рассказывать отцу, не сейчас. Это была долгая и несчастная ночь, и в один момент во время паузы в танцах Артас взглянул на покрывало из белого снега и посеребренное луной озеро и удивился, почему все плохое случается зимой.

Генерал-лейтенант Эделас Блэкмур не выглядел слишком счастливым от того, что находится на особой аудиенции у Короля Теренаса и Принца Артаса. В действительности, он выглядел так, будто отчаянно желал уйти отсюда незамеченным.

Годы не были добры к нему, ни в физическом плане, ни в том, как судьба обошлась с ним. Артас помнил статного, энергичного боевого командира, который, несомненно, хоть и любил выпить, но, по крайней мере, казался способным держать эту губительную склонность в узде. Но не теперь. В волосах Блэкмура появилась седина, он прибавил в весе, и его глаза были налиты кровью. Он был, к счастью, трезв как стеклышко. Если бы он показался на этой встрече пьяным, Теренас, твердо верящий в необходимость сдержанности во всем, отказался бы принять его.

Блэкмур присутствовал здесь потому, что умудрился наломать дров. Очень много. Каким-то образом призоносный орк-гладиатор Тралл сбежал из Дарнхольда во время пожара. Блэкмур пытался сохранить это в тайне и возглавил поиски орка лично и не придавая этому огласки, но такую тайну, как массивный

зеленый орк, нельзя было скрывать вечно. После оброненного слова быстро поползли слухи, конечно – это был конкурент лорда, освободивший орка, стремясь обеспечить победу на арене; это была ревнивая любовница, решившая насолить ему; это была умная банда орков, не пораженных странной летаргией – нет, нет, это был сам Оргрим Молот Рока; это были драконы, проникнувшие в крепость под видом людей, которые устроили пожар одним только своим дыханием.

Артас вспоминал, как увлеченно следил за боем Тралла, но вспомнил также, что даже тогда у него появилась мысль, было ли разумно тренировать и обучать орка. Когда появилась информация, что Тралл сбежал, Теренас незамедлительно вызвал Блэкмура для отчета.

– Довольно плохо, что вы считали, будто тренировать орка сражаться в гладиаторских боях – хорошая идея, – начал Теренас. – Но обучать его военной стратегии, учить его читать, писать… Я должен спросить, генерал-лейтенант, о чем, во имя Света, вы думали?

Артас сдерживал улыбку, поскольку казалось, будто Эделас Блэкмур сжимается прямо на глазах.

– Вы заверяли меня, что финансовые средства и материалы идут прямиком на усиление безопасности, и что ваш домашний орк надежно охраняется, – продолжил Теренас. – А теперь каким-то образом он находится снаружи, а не в безопасности, внутри Дарнхольда. Как такое возможно?

Блэкмур нахмурился и кое-как собрался.

– Безусловно, печально, что Тралл сбежал. Я уверен, Вы прекрасно понимаете, как я себя чувствую.

Это был ответный удар со стороны Блэкмура: Теренас все еще переживал из-за факта, что Молоту Рока удалось сбежать почти из-под его носа. Но это не был разумный удар. Теренас нахмурил брови и продолжил.

– Я надеюсь, это не часть какой-то беспокоящей меня тенденции. Деньги зарабатываются трудом людей, генерал-лейтенант. Они идут на поддержание безопасности народа. Следует ли мне отправить с Вами уполномоченного, чтобы убедиться, что средства расходуются должным образом?

– Нет! Нет, нет, в этом нет необходимости. Я отчитаюсь за каждый медяк.

– Да, – сказал Теренас с обманчивой мягкостью, – вы отчитаетесь.

Когда Блэкмур наконец ушел, раболепно кланяясь на всем пути к выходу, Теренас повернулся к своему сыну.

– Что думаешь? Ты видел Тралла в действии.

Артас кивнул.

– Он был не совсем таким, какими я представлял орков. Я имею в виду… он был огромным. И яростно сражался. Но было очевидно, что он также умен. И натренирован.

Теренас поглаживал бороду, размышляя.

– Там еще остались районы с мятежными орками. Такими, у которых, возможно, нет той апатии, которая проявилась у заключенных. Если Тралл сможет найти их и научить тому, что знает сам, это может для нас довольно плохо обернуться.

Артас выпрямился. Это могло стать шансом, который он искал.

– Я упорно тренировался с Утером.

И так оно и было. Не способный как следует объяснить остальным – и самому себе – почему он оборвал отношения с Джайной, он с головой окунулся в тренировки. Он сражался часами, пока его тело не начинало болеть, пытаясь полностью изнурить себя, чтобы выкинуть ее лицо из своих мыслей.

Все было так, как он хотел, разве нет? Она это приняла. Так почему же это он долго лежал по ночам, скучая по ее теплу с болью, граничащей с агонией? Он замкнулся в себе с тех пор, невзирая на часы, проведенные в тихом, безмолвном самосозерцании в попытке отвлечь себя. Возможно, если он сфокусируется на битве, на учении, как принимать, проводить и направлять Свет, он сможет перестать думать о ней. О девушке, с которой он сам порвал отношения.

– Мы бы могли отправиться на поиски таких орков. Найти их прежде, чем это сделает Тралл.

Теренас кивнул.

– Утер проинформировал меня о твоем посвящении, и он впечатлен твоим прогрессом, – он принял решение. – Ну, хорошо. Пойди, проинформируй Утера и начинай готовиться. Для тебя настало время впервые ощутить настоящую битву.

Артасу с трудом заставил себя не издать крик возбуждения. Он сдержал радость и поднял огорченный, озабоченный взгляд на лицо своего отца. Может быть, убийство непокорных зеленокожих сотрет из памяти пораженное выражение лица Джайны, когда он оборвал их отношения.

– Благодарю вас, сэр. Вы будете гордиться мною.

Несмотря на сожаление в сине-зеленых глазах, таких же, как у Артаса, Теренас улыбнулся.

– Это, сын мой, наименьшая из моих тревог.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Джайна бежала через сады, опаздывая на встречу с архимагом Антонидасом. Она опять потеряла счет времени, уткнувшись носом в книгу. Ее учитель всегда попрекал ее за это, но она ничего не могла с собой поделать. Она пронеслась мимо рядов золотых яблонь, зрелые плоды которых тяжело свисали вниз. На секунду ее накрыла волна печали, она вспомнила встречу, что произошла здесь всего лишь несколько быстро пролетевших лет назад – когда позади нее появился Артас, закрыв ее глаза руками и прошептав: “Угадай, кто?”

Артас. Она все еще скучала по нему. Пожалуй, так будет всегда. Их разрыв был неожиданным и болезненным, да и время было выбрано хуже некуда – она до сих пор поеживалась, вспоминая, как она держалась на праздновании Зимнего Покрова, словно ничего не произошло – но, когда первоначальный шок прошел, она поняла причину его поступка. Оба они были молоды и, как он тогда указал, у них были обязанности и учеба. Она обещала ему, что они навсегда останутся друзьями, этого она желала и тогда, и сейчас. Но чтобы сдержать данное ею обещание, она должна была залечить свои раны. Так она и поступила.

Конечно, много чего произошло за эти несколько коротких лет, что заставило ее напряженно трудиться и сосредоточиться на иных вещах. Пять лет назад сильный волшебник по имени Кел’Тузад навлек на себя ярость Кирин Тора своим якшаньем с противоестественной некромантской магией. Он исчез, внезапно и загадочно, сразу после того, как ему был сделан строгий выговор и ему недвусмысленно дали понять, чтобы он немедленно прекращал свои эксперименты. Эта тайна была лишь одной из многих последних событий, что помогали ей отвлечься за прошедшие три года.

Вне врат магического города также происходили разные вещи, хотя информация была обрывочна, хаотична и передавалась со слухами. Как смогла понять из услышанного Джайна, сбежавший орк Тралл, ныне называющий себя Боевым Вождем новой Орды, начал нападать на лагеря и освобождать пленных орков. Сам Дарнхольд был сметен этим самозваным вождем и превращен в руины лично им с помощью того, что, как показало исследование Джайны, было древней магией его народа – шаманизмом. Блэкмур также погиб, но судя по донесениям, оплакивали его не слишком долго. Джайну куда больше

беспокоило, что эта новая Орда в итоге сулит ее людям, печали по потере резерваций она не испытывала. Только не после того, как она познакомилась с ними лично.

Она услышала голоса, один из них был полон гнева. Это было столь необычно для этих мест, что Джайна резко остановилась.

– Как я говорил Теренасу, ваши люди – уже пленники в своих собственных землях. Я повторяю это вам – человечество в опасности. Тьма возвращается, и мир находится на грани войны! – голос был мужским, звонким и сильным, но Джайна его не знала.

– Ах, теперь я знаю, кто ты такой. Ты тот пророк-бродяга, о котором говорилось в последнем письме Короля Теренаса. И я не более заинтересован в твоем бреде, чем он.

Другим собеседником был Антонидас, спокойный настолько, насколько настойчивым был незнакомец. Джайна знала, что ей нужно было осторожно удалиться, прежде чем ее заметят, но любопытство – именно то, что заставило девочку согласиться на предложение Артаса понаблюдать за лагерем орков, – теперь побудило ее сокрыть себя заклинанием невидимости и узнать о незнакомце побольше. Она подкралась поближе настолько тихо, насколько возможно. Теперь она могла видеть их обоих: того, кого Антонидас саркастически назвал "пророком", закутанного в плащ с капюшоном, украшенный черными перьями, и своего учителя верхом на лошади. – Я думал, что Теренас весьма ясно высказал свое мнение относительно твоих предсказаний.

– Ты должен быть умнее, чем король! Конец близок!

– Я уже говорил тебе, что не желаю слушать эту чушь, – спокойно и надменно отрезал архимаг. Джайна была знакома с этим его тоном голоса.

Пророк утих на мгновение, затем вздохнул:

– Значит, я попусту трачу время.

Джайна еще не успела удивиться, как фигура незнакомца расплылась. Она сжалась и изменилась, и через секунду там, где стоял человек, прикрывающий свое лицо капюшоном, теперь была большая черная птица. С расстроенным карканьем она взмыла ввысь, взмахнула крыльями и улетела прочь.

Антонидас проводил взглядом незваного гостя, пока тот не превратился в точку в синем небе и, наконец, исчез. И только потом архимаг сказал:

– Больше не нужно прятаться, Джайна. Он улетел.

Краска нахлынула на лицо Джайны. Она пробормотала обратное заклятье и вышла вперед.

– Простите, Учитель. Я услышала ваш разговор, и...

– Я и рассчитывал на твое любопытство, дитя, – сказал

Антонидас, слегка улыбнувшись.

– Этот глупец убежден в том, что наступает конец света. По моему мнению, это несколько чересчур для чумы.

– Чумы? – переспросила Джайна.

Антонидас вздохнул и слез с коня, отправив его погулять легким шлепком. Лошадь привстала на дыбы, затем покорно понеслась прочь к конюшням, где за ней должен был присмотреть конюх. Архимаг подозвал свою ученицу к себе и протянул ей свою скрюченную руку.

– Ты помнишь, я недавно отправлял посыльных в Столицу?

– Я думала, что это касается ситуации с орками.

Антонидас пробормотал заклятье, и через несколько мгновений они появились в его частных апартаментах. Джайне нравилось это место; любимая ей неопрятность, запах пергамента, переплета и чернил, старые стулья, на которые можно было присесть и забыться, погрузившись в чтение. Он жестом попросил ее сесть; согнув палец, он заставил струю нектара переливаться из кувшина в кубки.

– Ну да, это было на повестке дня, но мои делегаты считают, что прямо у нашего порога появилась куда более опасная угроза.

– Более опасная, чем воссоздание Орды? – Джайна протянула руку, и кристаллический кубок, заполненный золотой жидкостью, поплыл прямо ей в ладони.

– Орки, в теории, могут остепениться. А вот болезнь – нет. Есть сообщения о чуме, свирепствующей в северных землях. Мне кажется, что Кирин Тор должен обратить на это пристальное внимание.

Джайна посмотрела на него, ее лоб пересекла морщинка, когда она отпила из кубка. Вообще-то болезни находились в ведении жрецов, не магов. Если не...

– Вы думаете, эта болезнь – порождение магии?

Он кивнул лысой головой.

– Весьма вероятно. Вот почему, Джайна Праудмур, я прошу тебя отправиться туда и найти причину этой эпидемии.

Джайна чуть не поперхнулась нектаром.

– Я?

Он по-отечески улыбнулся.

– Ты. Ты изучила почти все, что я мог тебе преподать. Настало время использовать эти навыки за пределами безопасности этих стен, – его глаза вновь игриво сверкнули. – Я уже договорился о том, что тебя будет сопровождать… один человек.

Артас отдыхал, прислонившись к дереву, подняв лицо

навстречу слабому солнечному свету и закрыв глаза. Он знал, что излучает спокойствие и уверенность; этого он и хотел. Его люди слишком беспокоились из-за всего происходящего. Он не должен был показывать им, что тоже волнуется. После всего этого времени… как они пойдут бок о бок? Возможно, все же это было не совсем мудрое решение. Но все донесения умоляли о помощи, и он знал, что ее знания наиболее подходили для этой ситуации. Они хорошо сработаются. Они должны.

Один из его капитанов, Фалрик, которого Артас знал уже многие годы, топтался на месте, немного проходя вперед по одной из четырех дорог на перекрестке и затем возвращаясь, чтобы свернуть в другую сторону. На холоде было видно его дыхание, и по нему можно было сказать, что его раздражение росло с каждой минутой.

– Принц Артас, – решился он, наконец, – мы ждали здесь в течение многих часов. Вы уверены, что этот ваш друг придет?

Губы Артаса слегка улыбнулись, когда он ответил, не открывая глаз. Его людям ничего не сообщили о ней для сохранения безопасности.

– Уверен, – так оно и было. Он припомнил, что каждый раз ему приходилось терпеливо ее ждать. – Джайна обычно всегда немного опаздывает.

Едва его губы замерли, как послышался отдаленный рев и едва разборчивые слова:

– Сокрушу!

Словно пантера, дремлющая на солнце лишь затем, чтобы атака была более внезапной, Артас вскочил с молотом наготове. Он бросился к дороге и увидел, как к нему спешит стройная женщина, появившаяся из-за холма. Позади нее вырисовалось то, что, как он знал, должно было быть элементалем – циркулирующая аквамариновая масса воды с неявной головой и руками.

А позади них… был двухголовый огр.

– Именем Света! – закричал Фалрик, собравшись броситься вперед. Артас был готов собственноручно избить чудище до смерти, если бы не то одно обстоятельство, которое он заметил, посмотрев в лицо Джайны Праудмур.

Она усмехнулась.

– Оставьте свои клинки, капитан, – сказал Артас, чувствуя, как он сам невольно усмехается. – Она может сама о себе позаботиться.

И в самом деле леди могла – да еще как эффектно. Точно выбрав момент, Джайна обернулась и начала вызывать огонь. Артас понял, что если здесь и нужно кого-то жалеть, так это

бедных сбитых с толку огров, заревевших от боли, когда огонь охватил их тучные бледные тела, и смотрящих в ужасе на эту крошечную женщину, одарившую их столь неописуемой болью. Один из них догадался сбежать, но другой, по-видимому неспособный поверить в происходящее, продолжал свое наступление. Джайна послала в него взрыв грохочущего оранжевого пламени, тот вскрикнул и замертво повалился наземь, сгорая так быстро, что сильный запах обугленной плоти достиг Артаса.

Джайна убедилась, что второй огр сбежал, потерла руки и кивнула. Ее даже не пробрал пот.

– Господа, позвольте вас познакомить с мисс Джайной Праудмур, – Артас растягивал слова, идя навстречу к своему другу детства и бывшей возлюбленной. – Специальный агент Кирин Тора, и одна из самых талантливых волшебников на земле. Похоже, ты не потеряла свою хватку.

Она посмотрела ему в лицо и улыбнулась. В этот момент между ними не было никакой неловкости, лишь радость встречи. Она была рада видеть его, а он – ее, внутри него растеклось тепло.

– Рад снова видеть тебя.

Так много в этих нескольких почти формальных словах. Но она поняла его. Она всегда понимала его. Ее глаза сверкали, когда она ответила ему:

– Я тоже. Прошло много времени, когда принц в последний раз сопровождал меня.

– Да, – ответил он с толикой раскаяния в голосе. – Так оно и есть.

Нависла неловкая пауза, Джайна опустила голову, и он откашлялся.

– Что ж, предполагаю, мы выдвигаемся.

Она кивнула, отозвав элементаля взмахом руки.

– Я не нуждаюсь в этом ухажёре, будучи в обществе таких статных солдат, – сказала она, одарив Фалрика и его людей одной из самых лучших своих улыбок. – Итак, Ваше Высочество, что Вы знаете об этой чуме, которое мы собираемся исследовать?

– Не очень много, – был вынужден признаться Артас, начиная поход. – Отец просто отправил меня сюда, чтобы помочь тебе. Утер недавно бился вместе со мной с орками. Но, полагаю, если этим делом заинтересовались волшебники Даларана, это как– то связано с магией.

Она кивнула, все еще улыбаясь, хотя ее лоб начал хмуриться знакомым ему образом. Артас чувствовал странную острую боль в сердце, заметив это.

– Ты полностью прав. Хотя я не знаю, как это связано. Именно поэтому мой наставник Антонидас отправил меня, чтобы разведать ситуацию и сообщить о результатах. Мы должны проверить деревни вдоль Королевской дороги. Поговорим с жителями – может, они скажут что-нибудь полезное. Надеюсь, они не заражены и тут не происходит ничего серьезного, просто локальная вспышка какой-то болезни.

Хорошо ее зная, он смог расслышать нотки сомнения в ее голосе. И понял почему. Если Антонидас действительно полагал, что все это несерьезно, он не послал бы своего лучшего ученика для проверки – как и Король Теренас не послал бы своего сына.

Он решил сменить тему.

– Интересно, имеет ли это какое-либо отношение к оркам, – она приподняла бровь, и он продолжил. – Уверен, ты уже слышала о побегах из резерваций для орков?

Она кивнула.

– Да. Я иногда спрашиваю себя, была ли та небольшая семья, что мы видели, среди тех, кто сбежал.

– Ну, если это так, то они могут вновь начать поклоняться демонам, – с тревогой заметил он.

Ее глаза расширились.

– Что? Я думала, что это искоренилось уже давным-давно – и орки больше не используют демоническую энергию.

Артас пожал плечами.

– Отец послал Утера и меня, чтобы помочь защитить Странбард. К тому времени, как я добрался туда, орки уже вовсю хватали сельских. Мы проследили за ними до их лагерной стоянки, и там было трое мужчин… которых принесли в жертву.

Джайна внимательно его слушала, причем не только ушами, но и – как она всегда делала – всем телом, концентрируясь на каждом его слове. О, Свет, как она была прекрасна!

– Орки сказали, что они делали это для демонов. Называли это ничтожным подношением… они явно хотели убить больше.

– И Антонидас, похоже, думает, что эта чума магическая по своей сути, – пробормотала Джайна. – Интересно, есть ли связь? Услышанное приводит меня в уныние; жаль, что они вернулись к этому. Но, возможно, это всего лишь единичный клан.

– Возможно… а возможно, и нет, – он вспомнил битву Тралла на ринге, вспомнил, что даже тот орочий сброд на удивление неплохо сражался. – Мы не можем позволить себе рисковать. Если мы подвергнемся нападению, у моих людей есть приказ убить их всех.

На секунду он вспомнил о ярости, что бушевала в нем, когда он увидел, как лидер орков ответил на предложение Утера о

сдаче. Двое мужчин, которые были выбраны, чтобы вести переговоры, были убиты, и их лошади вернулись без всадников – вот таков был их бессловесный, чудовищный ответ.

– Давайте пойдем и покончим с этими животными! – выкрикнул он, и молот, который выдали ему при вступлении в ряды Серебряной Длани, ярко запылал. Он немедленно бы бросился в атаку, но Утер преградил его путь рукой.

– Помни, Артас, – сказал он спокойным голосом, – мы – паладины. Мести нет места в наших помыслах. Если мы позволим нашим эмоциям обратиться к жажде крови, то мы не будем ничуть лучше этих мерзких орков.

Слова каким-то образом проникли сквозь пелену гнева. Артас сжал зубы, наблюдая, как уводят лошадей, до сих пор напуганных смертью их наездников. Слова Утера были мудры, но Артас чувствовал, что он подвел тех людей, что были на вернувшихся лошадях. Подвел их, так же, как он подвел Непобедимого, и теперь они были мертвы, как и великолепное животное. Он глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться.

– Да, Утер.

Его спокойствие было вознаграждено – Утер поручил ему вести наступление. Если бы он прибыл вовремя, ему удалось бы спасти тех трех бедных мужчин.

Нежное прикосновение к его руке вернуло его в настоящее, и, даже не думая, по старой привычке, он ухватился за эту руку. Она отдалилась, затем слегка напряжено улыбнулась ему.

– Я очень, очень рад снова видеть тебя, – сказал он импульсивно.

Ее улыбка смягчилась, стала искренней, и она сжала его руку.

– Как и я Вас, Ваша Высочество. Между прочим, спасибо, что сдержали своего человека, когда мы встретились, – улыбка превратилась в полноценную усмешку. – Как я однажды говорила Вам, я не из фарфора сделана.

Он засмеялся.

– Ну конечно же нет, моя леди. Если что, Вы будете сражаться рядом с нами.

Она вздохнула.

– Надеюсь, у нас не будет никакой драки – только исследование. Но я сделаю то, что должна. Я всегда так поступаю.

Джайна отняла свою руку. Артас еле скрыл свое разочарование.

– Как и все мы, моя леди.

– Ох, оставь этот тон. Я – Джайна.

– А я – Артас. Рад с вами познакомиться.

Тогда она его пихнула, они засмеялись, и внезапно барьер

между ними бесследно исчез. Его сердце выпрыгивало из груди, когда он смотрел на нее, вновь идущую рядом с ним. Впервые они оказались вместе перед лицом настоящей опасности. Внутри него все смешалось. С одной стороны он желал, чтобы она находилась в безопасности, но также он хотел позволить ей продемонстрировать свои способности. Правильно ли он поступил? Или было слишком поздно? Тогда он сказал ей, что не был готов, и это была правда – в то время он многого не понимал. Но с того Зимнего Покрова изменилось очень многое. Но некоторые вещи не изменились вообще. Разнообразные эмоции разрывали его, и он откинул их всех, кроме одной: простого получения удовольствия от её присутствия.

Они разбили лагерь до наступления сумерек на небольшой опушке рядом с дорогой. Лунного света не было, лишь звезды сияли в сплошной тьме над ними. Джайна играючи разожгла костер, сотворила несколько восхитительных напитков и хлеб, затем заявила: "Все готово". Мужчины посмеялись и любезно подготовили оставшую половину ужина – зажарили кролика на вертеле и достали припасенные фрукты. Всем раздали вино, и стоянка стала больше похожа на вечеринку товарищей, нежели на скудный ужин готового к битве отряда, исследующего смертельно опасную чуму.

Позже Джайна отсела от группы. Ее глаза устремились в небо, улыбка украшала ее лицо. Артас присоединился к ней и предложил еще вина. Она потянулась за своим кубком и сделала глоток одновременно с ним.

– Что за прекрасное вино, Ваше Вы... Артас, – заметила она.

– Одно из преимуществ того, что ты принц, – ответил он на это. Он лег рядом с нею, протянув ноги, подложив одну руку как подушку за голову, а другой придерживая кубок на своей груди, любуясь звездами. – Как ты думаешь, что мы найдем?

– Не знаю. Меня отправили сюда в качестве исследователя. Все же я не удивлюсь, если это имеет какое-то отношение к демонам, учитывая твое столкновениями с орками.

Он кивнул в темноте, но поняв, что она не может видеть его, добавил:

– Согласен. Странно, что среди нас нет жрецов.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

– Ты – паладин, Артас. Свет идет через тебя. К тому же ты орудуешь своим молотом лучше, чем любой жрец, которого я видела.

Он усмехнулся. Возникла пауза, и как только он начал протягивать к ней руку, она вздохнула и вскочила на ноги, допив вино.

– Уже поздно. Не знаю, как ты, но я уже без сил. Увидимся утром. Хороших снов, Артас.

Но он не мог уснуть. Он ворочился в своем спальном мешке, всматриваясь в небо, звуки ночи умудрялись привлекать его внимание, даже когда он действительно начинал клевать носом. Он мог больше мириться с этим. Он всегда был импульсивен, и он знал это, но черт возьми...

Он отбросил одеяло и сел. В лагере было тихо. Здесь им не грозила опасность, так что на страже не было часовых. Артас, стараясь особо не шуметь, поднялся и пошел туда, где, как он знал, спала Джайна. Он опустился на колени возле нее и смахнул ее волосы с лица.

– Джайна, – прошептал он, – проснись.

Как и той ночью, она вновь бесшумно проснулась и ничуть не испугалась, с любопытством уставившись на него.

Он усмехнулся.

– Готова к приключениям?

Она, улыбнувшись, наклонила голову, очевидно также вспомнив прошлое.

– Что за приключение? – спросила она в ответ.

– Доверься мне.

– Я всегда верю тебе, Артас.

Они говорили шепотом, пар от их дыхания поднимался в холодный ночной воздух. Она привстала, оперевшись на локоть, он поступил также, потянувшись свободной рукой, чтобы коснуться ее лица. Она не отстранилась от него.

– Джайна… я думаю, есть причина, что мы снова вместе.

Чтобы это ни было, на ее лбу появилась небольшая морщинка.

– Конечно. Твой отец послал тебя, чтобы...

– Нет, нет. Не это. Мы работаем теперь как команда. Мы... будем стараться, чтобы выполнить нашу задачу.

Она ничего не сказала. Он продолжал гладить ее по нежной щеке.

– Я... когда это закончится... может, мы сможем... поговорить… Ну, ты знаешь.

– О том, что закончилось на Зимнем Покрове?

– Нет. Не о конце. О начале. Мир кажется мне опустевшим без тебя. Ты знаешь меня, как никто другой, Джайна, и я скучал по тем дням, когда мы были вместе.

Она долго молчала, затем тихо вздохнула и потерлась своей щекой об его руку. Он вздрогнул, поскольку она поцеловала его ладонь.

– Я никогда не могла отказать тебе, Артас, – сказала она с

ноткой смеха в своем голосе. – И, верно. Все вокруг мне тоже казалось невыносимым. Я очень скучала по тебе.

Облегчение нахлынуло на него, и он склонился над ней, охватил ее руками и принялся неистово целовать. Вместе они доберутся до сути этой тайны, решат ее, и вернутся домой героями. Затем они поженятся, возможно, весной. Он хотел видеть, как на нее падают лепестки роз. А позже у них будут те светловолосые дети, о которых говорила Джайна.

Они так и не стали близки этой ночью, не здесь, в окружении спящих людей Артаса, но он присоединился к ней под одеялом, пока суровый рассвет не заставил его неохотно возвращаться назад к его ложу. Тем не менее, прежде чем он ушел, он крепко-крепко обнял ее.

Потом он немного поспал, уверенный, что ничто – ни чума, ни демон, ни тайна – не смогут противостоять их союзу – союзу принца Артаса Менетила, паладина Света, и Леди Джайны Праудмур, мага. Они пройдут через это вместе – чего бы это ни стоило.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

К середине утра следующего дня они начали обходить разбросанные фермы.

– Деревня находится не так далеко, – сказал Артас, сверяясь с картой. – Но ни одна из этих ферм не отмечена здесь.

– Нет, – твердо сказал Фалрик. В его разговорах с принцем была некая степень фамильярности, поскольку эти двое давно знали друг друга. Артас стал полагаться на решительность людей, и Фалрик возглавлял список тех, кого бы он хотел видеть в своем сопровождении. Теперь Фалрик поднял свою седеющую голову. – Я вырос в этих местах, сэр, и большинство этих фермеров являются независимыми. Они привозят свою продукцию и домашний скот в деревни, продают ее и возвращаются домой.

– Из-за плохих отношений?

– Вовсе нет, Ваше Высочество. Это просто образ жизни.

– Если это отношения, – сказала Джайна, – тогда, если кто-нибудь заболеет, они могут и не позвать помощь извне. Эти люди могут быть больны.

– Джайна верно подметила. Давайте посмотрим, сможем ли мы найти этих фермеров, – приказал Артас, вскочив на свою лошадь. Они приближались медленно, давая фермерам время заметить их и подготовиться. Если они жили изолированно, и чума действительно распространилась здесь, фермерам следовало бы опасаться больших групп, обрушивающихся на них.

Глаза Артаса осматривали местность, когда они приближались к ферме.

– Глядите, – указал он. – Ворота сломаны и домашний скот сбежал.

– Это нехороший знак, – тихо сказала Джайна.

– Неужели никто не выйдет поприветствовать нас, – сказал Фалрик. – Или даже бросить нам вызов?

Артас с Джайной обменялись взглядами. Артас подал группе знак остановиться.

– Приветствую вас всех! – произнес он сильным голосом. – Я Артас, принц Лордерона, и мои люди и я не желаем вам вреда. Пожалуйста, выходите и поговорите с нами – у нас имеются вопросы, касающиеся вашей безопасности.

Тишина. Поднялся ветер, разглаживая акры травы, что, должно быть, были пастбищами для выпаса крупного рогатого скота и овец. Единственными звуками было тихое дыхание ветра и скрип их собственных доспехов, поскольку все неуютно

поежились.

– Здесь никого нет, – сказал Артас.

– Или, возможно, они слишком слабы, чтобы выйти, – ответила Джайна. – Артас, мы должны, по крайней мере, пойти и посмотреть. Они могут нуждаться в помощи!

Артас взглянул на своих людей. Они не выглядели особо жаждущими зайти в дом, который может кишеть жертвами чумы, и, по правде говоря, он тоже. Но Джайна была права. Это были его люди. Он поклялся помогать им. И так он и поступит, куда бы это обещание ни привело, чего бы ни потребовало.

– Пошли, – сказал он и спешился. Рядом с ним то же сделала и Джайна. – Нет, ты останешься здесь.

Ее золотые брови сдвинулись в хмуром взгляде.

– Я говорила тебе, что я не маленькая хрупкая статуэтка, Артас. Меня отправили исследовать чуму, и если здесь действительно находятся жертвы, мне необходимо увидеть их лично.

Он вздохнул и кивнул.

– Тогда ладно.

Он быстро зашагал к дому. Они были уже почти в саду, когда ветер поменялся.

Зловоние было ужасным. Джайна прикрыла свой рот, и даже Артас боролся с тем, чтобы не заткнуть свой. Это была тошнотворная сладковатая вонь скотобойни – нет, даже не свежая; это было зловоние мертвечины. Один из его людей повернулся, и его вырвало. Только благодаря сильной воле Артас не присоединился к нему. Омерзительный запах шел изнутри дома. Теперь стало очевидным, что произошло с жителями.

Джайна повернулась к нему, бледная, но решительная.

– Я должна осмотреть…

Ужасные, переливчато звучащие вопли наполнили воздух вместе со смрадом смерти, когда из дома и из-за него к ним с удивительной скоростью понеслись *существа*. Молот Артаса неожиданно запылал светом, да таким ярким, что от этого ему пришлось прищурить глаза. Он крутанул свой молот, поднимая его и пристально глядя в глазные впадины ходячего кошмара.

На существо была надета грубая рубашка и рабочий полукомбинезон, а орудием служили вилы. Когда-то это был фермер. Точнее, был в то время, когда был живым. Теперь он был определенно мертв, серо-зеленая плоть слезала с его скелета, его гниющие пальцы оставляли на рукояти вил грязные кусочки. Черная, густая жидкость сочилась из гнойников, и его булькающий рев забрызгал незащищенное лицо Артаса сгустками гноя. Он был так шокирован этим появлением, что едва успел

поднять свой молот, чтобы отразить удар вил. Он воспользовался своим священным оружием как раз вовремя, чтобы выбить орудие фермера из рук ходячего мертвеца и опустить светящийся молот на его туловище в сокрушительном ударе. Существо упало и больше не поднималось.

Но другие заняли его место. Артас услышал *глухой звук* и потрескивание огненных стрел Джайны, а затем неожиданно к тошнотворным испарениям прибавился новый запах – запах горелой плоти. Вокруг себя он слышал только лязг оружия, пронзительные боевые крики людей и треск пламени. Один из трупов растерянно метался по дому, его тело было и одежда были объяты пламенем. Несколько минут спустя дым начал валить из открытой двери.

Вот оно.

– Все на выход, сейчас же! – выкрикнул Артас. – Джайна! Сожги эту ферму! Сожги ее до земли!

Несмотря на ужас и панику, что поднялись среди его людей – тренированных солдат, всех до одного, но не готовых к *этому* – его приказы были услышаны. Люди развернулись и побежали от дома. Артас пристально взглянул на Джайну. Ее губы были сурово сжаты, глаза сконцентрированы на доме, и огонь уютно пылал в ее маленьких руках, будто язычки пламени были безвредны, как цветы.

Огромная огненная стрела размером с человека пронеслась в дом. Он взорвался пламенем, и Артас поднял руки, чтобы прикрыть лицо от жара. Несколько оживших трупов оказались в ловушке внутри. На мгновение Артас уставился на пламя, неспособный оторвать от него взгляд, затем заставил себя переключить внимание на убийство тех, что не были пойманы в костре. Работа оказалась делом нескольких минут, а затем все существа были мертвы. В этот раз действительно мертвы.

Долгое время висела тишина, нарушаемая трескучими звуками огня, пожирающего пылающий дом. С тихим скрипом здание развалилось. Артас был рад, что не видит трупы, поскольку они обратились в пепел.

Он успокоил свое дыхание и повернулся к Джайне.

– Что…

Она с трудом сглотнула. Ее лицо было черным от копоти, местами смытой стекающими потоками пота.

– Они… их называют нежитью.

– Сохрани нас Свет, – пробормотал побледневший Фалрик, выпучив глаза. – Я думал, подобные существа – просто байки, которыми пугают детей.

– Нет, они достаточно настоящие. Я просто… я никогда не

видела ни одного прежде. И никогда не ожидала увидеть. Мертвые… – она глубоко вздохнула и успокоила себя, снова контролируя свой голос, – мертвые иногда задерживаются, если их смерть была травматической. Вот что дает начало историям о призраках.

Ее поведение успокаивалось после пережитого кошмара. Артас заметил, что его люди повернулись послушать ее, желая хоть немного понять, что, черт возьми, только что произошло с ними. Он тоже был более признателен за ее книжные знания, чем мог бы предположить раньше.

– Ож… Оживление трупов отдельными могущественными некромантами не новость. Мы видели примеры этому как в Первой Войне, когда орки могли поднимать остатки скелетов, так и во Второй с появлением тех, что станут известны как рыцари смерти, – продолжила Джайна, скорее повторяя отрывок, чем пытаясь объяснить ужас, который мог осмыслить разум. – Но как я уже сказала – я никогда не видела их прежде.

– Ну, теперь-то они действительно мертвы, – произнес один из его людей. Артас ободряюще улыбнулся ему.

– Мы должны поблагодарить за это ваши мечи, Свет и огонь леди Джайны, – сказал он им.

– Артас, – позвала Джайна. – Можно тебя на минутку?

Они отошли на небольшое расстояние, пока люди чистили доспехи и приходили в себя после пугающего столкновения.

– Похоже, я знаю, что ты собираешься сказать, – начал Артас. – Тебя послали сюда выяснить, была ли эта чума магической природы. И похоже, что так оно и есть. Магия некромантов.

Джайна молча кивнула. Артас взглянул на своих людей.

– Мы даже еще не достигли основных деревень. У меня такое чувство, что нам еще предстоит столкнуться с этой… нежитью.

Джайна нахмурилась.

– У меня такое чувство, что ты прав.

Когда они оставили позади скопление ферм, Джайна потянула свою лошадь за уздцы и остановилась.

– Что ты ищешь? – подъехал к ней Артас. Джайна указала. Он последовал за ее взглядом, чтобы увидеть зернохранилище, одиноко стоящее на холме. – Амбар?

Она покачала головой.

– Нет… земля вокруг него, – она спешилась, встала на колени и коснулась почвы, зачерпнув пригоршню сухой земли и мертвой травы. Она осмотрела ее, потыкав маленькое насекомое, шесть ножек которого сжались в смерти, затем просеяла землю сквозь пальцы, а слабый ветерок подхватил пылевидную почву и унес ее небольшим облачком пыли. – Как будто земля вокруг этого

амбара… умирает.

Артас перевел взгляд с ее рук на землю и понял, что она была абсолютна права. В нескольких ярдах позади него росла здоровая и зеленая трава, а почва, вероятно, была богатой и плодородной. Но под его ногами и в районе вокруг амбара она была мертва, как если бы стояла середина зимы. Нет – это не была хорошая аналогия – во время зимы земля спала. В ней все еще была жизнь, дремлющая, но готовая пробудиться с приходом весны.

Здесь же жизни не было вообще.

Он пристально взглянул на амбар, прищурив глаза цвета морской волны.

– Что могло вызвать это?

– Я не уверена. Это напоминает мне то, что случилось с Темным Порталом и Выжженными Землями. Когда портал открыли, демонические энергии, высосавшие жизнь из Дренора, вылились сквозь него в Азерот. И земля вокруг портала…

– …умерла, – закончил Артас. Неожиданно у него промелькнула мысль. – Джайна – может ли *это зерно* быть заражено чумой? Неся эту… эту демоническую энергию?

Ее глаза расширились.

– Надеюсь, что нет, – она указала на ящики, которые люди вытаскивали из амбара для зерна. – На ящиках печать Андорала, торговой столицы северных земель. Я даже представить себе боюсь, сколько деревень будет охвачено эпидемией, если зерно действительно отравлено.

Она почти прошептала эти слова, выглядя бледной и больной. Он уставился на ее ладони, серые от пыли мертвой земли. Страх неожиданно проснулся в Артасе, и он схватил ее руки. Закрыв глаза, он прошептал молитву. Теплый свет наполнил его, распространившись через его руки к ней. Джайна взглянула на него, сбитая с толку, затем перевела взгляд вниз на свои руки, сжатые в его сияющих руках. Ее глаза наполнились ужасом, поскольку она только сейчас поняла, что это, возможно, было единственным спасением.

– Благодарю, – прошептала она.

Он подарил ей слабую улыбку, затем обернулся к своим людям.

– Перчатки! Каждый человек в этом месте должен носить перчатки! Никаких исключений!

Его капитан услышал его и кивнул, повторяя приказ. Большинство людей были полостью в броне, и поэтому они уже носили рукавицы. Артас тряхнул головой, разгоняя беспокойство, что еще осталось в нем. Он не почувствовал ни одной болезни в Джайне вообще.

Спасибо Свету.

Он прижал ее руку к своим губам. Джайна, взволнованная, слегка покраснела и нежно улыбнулась.

– Это было глупо с моей стороны. Я не подумала.

– К счастью для тебя, я подумал.

– Мы прямо поменялись местами, – неудачно пошутила она, даря ему улыбку и поцелуй, чтобы смягчить колкость насмешки.

Теперь их миссия стала ясна – найти и уничтожить любой амбар для зерна, что они смогут. На следующий день их отряд получил поддержку в виде пары квел'дорейских жрецов, с которыми столкнулись войска Артаса. Они тоже почувствовали зло, что стало распространяться по земле, и пришли предоставить все свои целительные способности. Также они оказали более ощутимую помощь – они показали Артасу склад в дальнем конце деревни, к которой они приближались.

– Впереди несколько домов, сэр, – сообщил Фалрик.

– Ладно, тогда, – ответил Артас, – давайте…

Неожиданный *гром* застал его врасплох, и его лошадь встала на дыбы, напуганная.

– Что за…? – он посмотрел в направлении, откуда доносились звуки. Маленькие фигурки были еле видны, но ошибки в звуке быть не могло. – Это огонь мортир. Пошли!

Он вернул контроль над своей лошадью, развернул ее и поскакал в направлении звука.

Несколько дворфов посмотрели в их сторону, когда они приблизились, такие же удивленные при виде Артаса, как и он при виде их. Артас проехал до остановки.

– Во что это вы стреляете?

– Разносим по косточкам этих чертовых скелетов. Горящая деревня прямо кишит ими!

Холодок пробежал по спине Артаса. Теперь он мог видеть их сам – уже такие знакомые фигуры нежити со своей безошибочно узнаваемой шаркающей походкой, ковыляющие к ним.

– Огонь! – закричал лидер дворфов, и несколько скелетов разнесло на кости, разлетевшиеся в разных направлениях.

– Мне нужна ваша помощь, – сказал Артас. – Нужно уничтожить амбар на окраине деревни.

Дворф повернулся к нему, его карие глаза расширились.

– Амбар? – переспросил он в неверии. – Мы занимаемся этими ходячими мертвецами, а ты беспокоишься об *амбаре*?

У Артаса не было времени на разъяснения.

– То, что находится в амбаре, убивает этих людей! – выкрикнул он, указывая на остатки скелетов. – И когда они умирают…

Глаза дворфа широко открылись.

– Ох, теперь я понял тебя. Парни! Выдвигаемся. Мы должны помочь отряду этого красавчика, – он взглянул на Артаса. – Кстати, *кто* же ты такой, красавчик?

Даже посреди кошмара бесцеремонная суть вопроса заставила Артаса улыбнуться.

– Принц Артас Менетил. А кто ты?

На мгновение дворф застыл с открытым ртом, затем быстро пришел в себя.

– Даргал, к вашим услугам, Ваше Высочество.

Артас не стал дальше тратить время на любезности, вместо этого пытаясь наконец успокоить своего коня, чтобы держаться рядом с теперь уже движущейся группой. Лошадь была военная, из боевой породы, и хотя она не давала ему ни малейшего повода для беспокойства во время его битв с орками, вонь нежити она явно не выносила. Он не мог винить ее, но ее испуг заставил его вспомнить о великом сердце Непобедимого и совершенном отсутствии страха. Он силой прогнал мысли; они лишь отвлекали. Ему было нужно сфокусироваться, а не оплакивать животное, определенно более мертвое, чем неуклюжие трупы, разносимые на кусочки.

Джайна и его люди шли позади него, добивая трупы, что не были полностью уничтожены огнем мортир, и тех, что спотыкались сбоку и позади него. Энергия наполняла его, текла сквозь него, когда он неутомимо размахивал своим молотом. Он был благодарен за своевременное прибытие Даргала. Тут было так много этих неживых существ, что он не был уверен, смогли ли бы его войска разобраться со всеми ими.

Объединенные отряды людей и дворфов медленно, но верно продвигались к амбару. Пока они приближались, нежить становилась более многочисленной, и к моменту, когда они увидели зернохранилище, маячащее вдали, их стало еще больше. Он спрыгнул со своей храпящей лошади и кинулся в их толпу, сжимая свой молот, что пылал мощью Света. Теперь, когда внутренний шок и ужас отступили, Артас обнаружил, что убийство этих чудовищ было даже лучше убийства орков. Возможно орки, как сказала Джайна, действительно были разумными – были личностями. Эти же существа были не более чем трупами, дергающимися подобно марионеткам, приводимым в движение какими-то извращенными кукловодами-некромантами. Они и падали, как куклы с обрезанными ниточками, и он свирепо улыбнулся, когда два умертвия повалились от одного четкого, сметающего удара могучего орудия.

Похоже, что все здесь было мертво намного дольше; вонь вокруг них была не столь свежей, и тела были скорее мумифицированными, чем гниющими. Некоторые из них, как и в первой волне, были всего лишь скелетами, в лохмотьях от одежды или самодельной броне на своих обнаженных костях, которая дребезжала, когда они двигались к Артасу и его людям.

Острый запах горящей плоти коснулся ноздрей Артаса, и он улыбнулся, вновь благодарный присутствию Джайны, и продолжил сражаться. Он оглянулся вокруг, задыхаясь. До сих пор он не потерял ни одного человека, и Джайна, хоть и бледная от напряжения, была невредима.

– Артас! – голос Джайны, сильный и ясный, раздался в шуме. Артас отправил на тот свет тушу, пытавшуюся обезглавить его косой, и во время полученной короткой передышки взглянул на нее. Она указывала вперед, подготовленный огонь уже пылал в ее ладонях и обхватывал ее пальцы. – Гляди!

Он перевел свой взгляд в том направлении, и его глаза сузились. Впереди стояла группа людей – определенно живых людей, судя по их движениям, – одетых в черное. Они жестикулировали – колдуя или указывая – явно направляя движение волн нежити, бросающихся сейчас на них.

– Туда! Цельтесь в них! – закричал Артас.

Дворфы развернули и зарядили пушки, его солдаты прорубали себе путь сквозь нежить, их взгляды были устремлены к живым людям в черных робах. *Наконец-то мы до вас добрались*, подумал Артас со свирепым удовлетворением.

Но как только они оказались прямо на линии огня, люди прекратили свою деятельность. Контролируемая нежить неожиданно остановилась, все еще оживленная, но больше не управляемая. Они были легкими целями для огня дворфийских мортир и людей Артаса, которые сражали их с первого удара и продвигались вперед. Колдуны собрались вместе и некоторые из них начали читать заклинание, вмахивая руками, и Артас узнал знакомый вид завихряющегося пространства, говорящий об их попытке создать портал.

– Нет! Не дайте им сбежать! – закричал он, ударяя своим молотом в грудь скелету и возвращая его по дуге назад, чтобы проломить голову шаркающему зомби. Лишь Свет знал, откуда волшебники призвали еще больше ходячих мертвецов – скелетов, гниющих трупов и нечто огромное, бледное и, помимо прочего, обладающее множеством конечностей. Вдоль его странно-белого блестящего туловища шли швы шириной с руку Артаса, и оно выглядело словно извращенная детская идея о тряпичной кукле. Оно возвышалось над остальными, сжимая в трех руках жуткие

орудия, и смотрело на Артаса единственным видящим глазом.

Каким-то образом Джайна оказалась сбоку от него и воскликнула:

– Во имя Света – кажется, это создание собрано из кусков разных тел!

– Давай сначала убьем его, а *потом* будем рассматривать? – предложил Артас и пошел в атаку. Продукт поганого эксперимента приближался, издавая гортанные звуки и размахивая большим топором, сопоставимым с ростом Артаса. Принц бросился с дороги, перекатился и легко поднялся на ноги, чтобы напасть на чудовище сзади. Трое из его людей, двое из которых были вооружены глефами, сделали то же самое, и с омерзительным созданием было быстро покончено. Даже яростно сражаясь, он краем глаза заметил, как колдуны повернулись и прошли сквозь свой портал. А затем они исчезли. Вся брошенная ими нежить остановилась на своем месте – теперь неуправляемые трупы, которые были быстро уничтожены.

– Проклятье! – прокричал Артас. Ладонь опустилась на его руку, и он оттолкнул ее, но черты его лица немного смягчились, когда он увидел, что это была Джайна. Он не был в настроении для утешений или пояснений, и ему было необходимо совершить нечто, что-нибудь, чтобы расплатиться со скрывшимися от него людьми в робах.

– Уничтожьте этот амбар, сейчас же!

– Да, Ваше Высочество! Парни, приготовились! – дворфы двинулись вперед, желая, как и он, добиться хоть какой-нибудь победы. Пушки окружили мертвых людей и мертвую землю, пока они все не попали в зону поражения.

– Огонь! – крикнул Даргал. Пушки прогрохотали как одна, и Артас почувствовал горячую волну удовольствия, когда амбар рассыпался под атакой.

– Джайна! Сожги все, что осталось от него! – она стала поднимать руки прежде, чем он начал говорить; они хорошо сработались вместе, подумал он. Огромный шар потрескивающего пламени вылетел из ее рук, и амбар со своим содержимым немедля запылал. Они ждали, наблюдая за пожаром, чтобы не позволить огню распространиться. На столь высушенной земле огонь мог быстро выйти из-под контроля.

Артас запустил руку в свои мокрые жесткие белокурые волосы. Тепло, исходящее от пылающего амбара, было невыносимым, и он мечтал о легком ветерке. Он отошел на небольшое расстояние и толкнул убитое бледное создание латным ботинком. Его нога погрузилась в мягкую плоть, и он сморщил нос. Джайна присоединилась к нему. При близком

осмотре казалось, что она была права – существо действительно было сшито из разных частей тел.

Артас подавил дрожь.

– Маги – одетые в черное…

– Я… я боюсь, что они были некромантами, – ответила Джайна. – Как мы и предполагали раньше.

– Что нового? – Даргал подошел к ним сзади и уставился на пораженное поганище с отвращением на лице.

– Некроманты. Маги, занимающиеся темной магией – способные поднимать мертвых и управлять ими. Очевидно, что они или тот, кому они служат, стоят за этой чумой, – она подняла свои серьезные голубые глаза к Артасу. – Может, демонические энергии и играют тут свою роль, но я думаю, что совершенно ясно, что мы выбрали неверный путь.

– Некроманты… создающие чуму, чтобы заполучить больше сырого материала для своей нечестивой армии, – прошептал Артас, косясь в направлении дымящихся руин амбара. – Я доберусь до них. Нет… нет, я доберусь до их лидера, – он сжал кулаки. – Я доберусь до этого ублюдка, который обдуманно истребляет мой народ!

Он подумал о ящиках, которые видел раньше, и печати города, которая стояла на них. Он поднял свои глаза и посмотрел вперед.

– Готов поспорить, что мы встретим его в Андорале – и там же мы найдем ответы на все свои вопросы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Артас нещадно торопил своих людей, он понимал это, но время было бесценно и нельзя было терять ни секунды. Его почувствовал укол совести, когда он увидел, как Джайна разжёвывала какое-то засохшее мясо во время их поездки. Свет давал ему силы, когда он обращался к нему; маги же использовали различные энергии, и он знал, что Джайна была изнурена после недавнего интенсивного использования магии. Но отдыхать времени не было, ведь теперь от них зависели тысячи жизней.

Его послали с миссией разузнать, что происходит, и прекратить это. Клубок происшествий начал распутываться, но он начинал сомневаться, а удастся ли ему остановить эту чуму. Все оказалось гораздо сложнее, чем на первый взгляд. Однако Артас не собирался сдаваться. Он *не мог* опустить руки. Он поклялся сделать все возможное, чтобы остановить это, спасти его народ, потому так и будет.

Они почуяли и увидели дым, поднимающийся в небо, прежде, чем они достигли ворот Андорала. Артасу пришло на ум, что если город сгорит, то, по крайней мере, зерно будет уничтожено, но потом он устыдился своих безнравственных мыслей. Он отбросил раздумья, пришпорил своего скакуна и въехал через врата, ожидая нападения в любой момент.

Вокруг них горели здания, от черного дыма першило в глазах и в горле, заставляло кашлять. Сквозь слезы он осмотрелся вокруг. Сельских жителей нигде не было, но не было и мертвых. Было лишь...

– Полагаю, вы пришли сюда в поисках меня, дети, – прозвучал вкрадчивый голос. Ветер поменялся, отведя дым в сторону, и Артас увидел неподалеку фигуру, облаченную в черные одеяния. Принц напрягся. Значит, это был их лидер. Некромант улыбался, его глазки злобно поблескивали из тени его капюшона. Лишь из-за одной его ухмылки Артас был готов размозжить ему голову. Возле него были два его, по-видимому, домашних мертвяка. – Что ж, вы нашли меня. Я – Кел'Тузад.

Джайна охнула, прикрыв рукой рот, узнав имя. Артас быстро окинул ее взглядом, затем вновь посмотрел на их собеседника. Он с силой сжал свой молот.

– Хочу предупредить вас, – сказал некромант. – Оставьте это дело. Ваше любопытство погубит вас.

– А я думала, почему эта магическая зараза мне казалась

знакомой! – голос Джайны дрожал от возмущения. – Ты был обесчестен, Кел'Тузад, за свои нечестивые эксперименты! Мы предупреждали тебя, что это ведет к бедствиям. Но ты так ничему не научился!

– Леди Джайна Праудмур, – промурлыкал Кел'Тузад. – Похоже, что маленький ученик Антонидаса все же вырос. Позволь мне не согласиться с тобой, дорогая… как ты видишь, с тех пор я многому научился.

– Я видела твоих подопытных крыс! – прокричала Джайна. – Это было мерзко… но теперь ты…

– Продвинулся в своем исследовании и усовершенствовал результат, – лаконично закончил Кел'Тузад.

– Так это ты ответственен за эту чуму, некромант? – прокричал Артас. – Этот культ – твоих рук дело?

Кел'Тузад посмотрел на него, его глаза из капюшона недобро сверкнули.

– Да, это я приказал последователям Культа Проклятых распространял зараженное зерно. Но идея принадлежит не мне…

Прежде, чем Артас успел что-либо сказать, Джайна выпалила:

– О чем это ты?

– Я служу повелителю ужаса Мал'Ганису. Его карающая Плеть очистит эти земли, и здесь раскинется царство вечной тьмы!

От сказанного некромантом у Артаса все похолодело внутри, несмотря на окружающее их пекло. Он не знал, кто был этот "повелитель ужаса", но что такое "Плеть", для него было ясно.

– Не уточнишь ли ты, от кого Плеть собирается очистить эти земли?

Тонкие губы под белыми усами искривились в безжалостной усмешке.

– От всех живых, конечно. Его план уже начал исполняться. Если тебе нужны доказательства, загляни в Стратхольм.

С Артаса было достаточно этих дразнящих намеков и насмешек. Он зарычал, схватился за рукоять своего молота и бросился вперед.

– За Свет! – прокричал он.

Кел'Тузад даже не пошевелился. Он продолжал стоять, но в последний момент воздух вокруг него исказился и съежился, и он исчез. Два существа, которые тихо стояли в сторонке, теперь протянули свои руки к Артасу, пытаясь повалить его на землю, их зловонная вонь могла удушить его не хуже, чем окружающий их дым. Он увернулся от них и нанес сильный точный удар по голове одного из них. Его череп разрушился, как хрупкая стеклянная ваза, из разбитой головы по земле разбрызгались мозги. Со вторым он расправился также легко.

– К зернохранилищу! – закричал он, подбежав к своей лошади и запрыгнув на нее. – Скорее!

Другие уже были наготове, и они понеслись по главной дороге вдоль горящей деревни. Внезапно перед ними выросли амбары. Огонь, сгубивший Андорал, не тронул их.

Артас резко остановил свою лошадь и спрыгнул с нее, со всех ног бросившись к амбарам. Он распахнул дверь, отчаянно надеясь увидеть аккуратно сложенные ящики. Гнев и горе охватили его: единственное, что ожидало там – пустота, за исключением нескольких упавших зерен и трупиков крыс на полу. Ему стало дурно, он помчался к следующему амбару, затем к следующему, распахивая дверь за дверью, прекрасно понимая, что он там увидит.

Все они были пусты. И были таковыми уже некоторое время, судя по слою пыли на полу и паутине в углах.

– Поставки уже были разосланы, – упавшим голосом сказал он, когда к нему подошла Джайна. – Мы прибыли слишком поздно! – Он ударил своим железным кулаком о деревянную дверь так сильно, что Джайна подскочила. – Черт побери!

– Артас, мы сделали все, что могли...

Он яростно посмотрел на нее.

– Я найду его. Я найду этого ублюдка-некрофила и оторву ему руки и ноги! Тогда посмотрим, сможет ли кто-нибудь сшить *его* обратно.

Он свирепствовал и трясся. Он потерпел неудачу. Под его руководством были люди, и он все равно проиграл. Зерно было разослано, и один лишь Свет знал, сколько из-за этого погибнет людей.

Из-за *него*.

Нет. Он не позволит этому случиться. Он защитит свой народ. Он погибнет, но защитит их. Артас сжал кулаки.

– На север, – сказал он своим людям, шедшим за ним следом. Они никогда раньше не видели такого приступа ярости у их обычно добродушного принца. – Он отправится туда. Давайте размажем его, как насекомого.

Он помчался, как одержимый, на север, черство разбивая шаркающие трупы людей, пытавшихся остановить его. Его больше не охватывал ужас от происходящего; перед его мысленным взором предстал лишь один образ человека, управляющего этой нежитью и мерзким культом, сотворившим все это. Мертвые должны были покоиться в мире; и Артас должен был это гарантировать, так или иначе.

Перед ним появилась огромная группа мертвых. Гниющие головы поднялись как одна, трупы посмотрели на Артаса и его

людей и двинулись на него. Артас выкрикнул: – За Свет! – пнул своего коня и взрезался в эту кучу трупов, размахивая молотом и бессвязно что-то выкрикивая, обрушивая свой гнев и досаду на них. Зомби были прекрасными мишенями для этого. Когда наступило затишье, он начал озираться вокруг.

Целый и невредимый, вдали от поля битвы, за всем наблюдал, ничем не рискуя, высокий человек в трепещущемся на ветру черном плаще. Как будто ожидал их.

Кел'Тузад.

– Вон! – закричал он. – Он там!

Джайна и его люди последовали за ним, леди очищала дорогу одним огненным шаром за другим, а его солдаты рубили нежить, которая не пала при их первой атаке. Артас почувствовал, как ярость справедливости запела в его крови, поскольку он все ближе и ближе пробирался к некроманту. Его молот возносился к небу и обрушивался на землю так легко, что он даже не замечал, кого он им валил. Его взгляд не сходил с этого человека – если можно было так назвать монстра, ответственного за все это. Голову с плеч, и зверь будет повержен.

И Артасу это удалось. Рев негодования вырвался из его груди, он развернулся, замахнулся своим пылающим от света молотом и ударил Кел'Тузада под колени. От удара некроманта отбросило в сторону. Остальные тоже поднажали, бренчание и лязганье клинков усилились, солдаты выражали свое горе и непримирение на источнике, причине всего этого бедствия.

Несмотря на всю силу своей магии, казалось, даже Кел'Тузад должен был умереть как любой другой человек. Обе его ноги были сломаны сильным ударом Артаса и неестественно согнулись. Его одежда стала влажной от крови, ярко-черный цвет разливался по черной ткани, и красная струйка сочилась из его рта. Он приподнялся на руках и попытался что-то сказать, но изо рта харкнула кровь. Он попробовал снова.

– Наивный… глупец, – выдавил он, глотая слова. – Моя смерть ничего не значит… в целом… теперь… когда покорение этих земель… началось.

Его локти подогнулись, глаза закатились, и он упал.

И сразу же его тело начало гнить. Разложение, которое должно было занять несколько суток, произошло за несколько секунд: плоть потускнела, опала и начала разрываться. Мужчины отшатнулись от трупа, прикрыв носы и рты. Некоторых из них вырвало от зловония. Артас смотрел, одновременно испуганный и восхищенный, не способный отвести взгляд. Жидкости сочились из трупа, плоть приобрела мягкую консистенцию и стала черной. Неестественное разложение замедлилось, и Артас отвернулся,

глотая свежий воздух.

Джайна была смертельно бледна, под ее испуганными встревоженными глазами появились темные круги. Артас подошел к ней и отвернул ее от этого отвратительного кошмара.

– Что с ним случилось? – спросил он тихо.

Джайна сглотнула, пытаясь успокоить себя. Все же она нашла в себе силы для беспристрастного заключения.

– Предполагается, что если некроманты не совсем аккуратны в своих магических исследованиях, то, кхм… если они будут убиты, то они превращаются… – ее голос затих, и внезапно ее лицо вновь исказило отвращение и шок. – В это.

– Мы выдвигаемся, – спокойно заявил Артас. – Идем в Дольный Очаг. Их нужно предупредить – если еще не поздно.

Они оставили тело, где оно лежало, больше не взглянув на него. Артас тихо помолился Свету, чтобы они успели вовремя. Он не знал, что он предпримет, если вновь потерпит неудачу.

Джайна был изнурена. Она знала, что Артас спешит как может, и она разделяла его беспокойство. Много жизней было под угрозой. И потому, когда он спросил ее, сможет ли она скакать всю ночь без остановки, она кивнула.

Они скакали без остановок в течение четырех часов, когда она очнулась, почти соскользнув со своего скакуна. Она была столь утомлена, что потеряла сознание на несколько секунд. Страх охватил её, и она цепко схватилась за гриву лошади, затащив себя обратно на седло и натянув узду, чтобы лошадь остановилась.

Так она и стояла в течение нескольких минут, сжав в руках уздечку, пока Артас не понял, что она отстала. Смутно она услышала его зов. Молча она всматривалась в полумрак ночи, пока он неспеша не подъехал к ней.

– Джайна, что-то случилось?

– Я… прости, Артас. Знаю, ты спешишь, и я тоже, но… я так устала, что чуть не свалилась. Мы можем сделать привал, ненадолго?

Она увидела, как борьба между беспокойством за нее и расстройством из-за сложившейся ситуации отразилась на его лице, даже в тусклом свете.

– Как ты думаешь, сколько тебе понадобиться времени?

Она хотела сказать – *несколько дней*, – но вместо этого сказала: – Мне нужно просто что-то съесть и немного перевести дыхание.

Он кивнул, подойдя к ней, чтобы помочь ей слезть с лошади. Он отвел ее к обочине дороги, где осторожно посадил ее. Джайна

дрожащими руками нашла в своей сумке небольшой ломоть сыра. Она думала, что он покинет ее и пойдет к своим людям, но вместо этого он сел возле нее. Он излучал нетерпение, как огонь испускает жар.

Она откусила кусочек сыра и стала жевать, изучая профиль Артаса на фоне звездного неба. Среди того, что ей нравилось в Артасе, была его открытость, человечность и эмоциональность, с которыми он обращался к ней. Но теперь, хотя внутри него, конечно, кипели сильные эмоции, он казался отдаленным, как будто сидел на расстоянии в сто километров от нее.

Импульсивно она коснулась рукой его лица. Он очнулся, словно ранее он забыл, что она была рядом, затем слабо улыбнулся ей.

– Ты готова? – спросил он.

Джайна вспомнила, что пока что проглотила один-единственный кусок.

– Нет, – сказала она, – но… Артас, я волнуюсь за тебя. Мне не нравится то, что происходит с тобой.

– Происходит со *мной*? – огрызнулся он. – А что происходит с сельскими жителями? Они умирают и затем превращаются трупы для некромантов, Джайна. Я обязан остановить это, я *должен*!

– Конечно, мы это сделаем, и я сделаю все, чтобы помочь тебе; ты же знаешь. Но… я никогда не видела, что ты кого-то так ненавидел.

Он резко рассмеялся.

– Так ты хочешь, чтобы я полюбил некромантов?

Она нахмурилась.

– Артас, не перевирай мои слова. Ты паладин. Слуга Света. Ты целитель ровно настолько, насколько и воин, но все, что я вижу в тебе – это желание истребить врага.

– Ты начинаешь говорить, как Утер.

Джайна не ответила. Она была настолько утомлена, что ей было сложно собраться с мыслями. Она еще откусила от сыра, сосредоточившись на том, что нужно получать крайне необходимое ей питание. По некоторым причинам ей было тяжело глотать.

– Джайна… я лишь хочу, чтобы невинные люди перестали умирать. И все. И… я допускаю, я так расстроен, что, может быть, не вижу, что творю. Но как только это закончится, ты увидишь, все будет снова прекрасно. Я обещаю.

Он улыбнулся ей, и на мгновение она увидела старого доброго Артаса. Она улыбнулась в ответ, что, она надеялась, внешне выглядело как примирение.

– Так ты готова?

Два укуса. Джайна отбросила в сторону остальную часть сыра.

– Да, я готова. Давай продолжим наш путь.

Черный ночной небосвод сменился на пепельные серые предрассветные небеса, когда они услышали орудийный огонь. Сердце Артаса замерло. Он подгонял свою лошадь всю дальнюю дорогу на север, проскакивая мимо обманчиво мирных холмов. У ворот Дольного Очага они увидели несколько людей и дворфов, вооруженных винтовками, – все целились в них. До них вместе с легким бризом долетел приятный аромат свежего хлеба, неестественно смешанный с запахом пороха.

– Не стреляйте! – закричал Артас, покуда его войска приближались к городу. Он натянул узду так сильно, что лошадь встала на дыбы. – Я – принц Артас! Что происходит? Почему вы все вооружены?

Они опустили ружья, явно удивленные тем, что перед ними стоит их принц.

– Сэр, Вы не поверите тому, что произошло.

– А вы попытайтесь, – сказал Артас.

Артас не был удивлен первыми словами – мертвые восстали и начали нападать. Но его крайне поразили следующие – “огромная армия”. Он поглядел на Джайну. Она выглядела совершенно разбитой. Небольшого перерыва, который они устроили вчера вечером, очевидно, не было достаточно, чтобы она отдохнула.

– Сэр, – отрапортовал один прибежавший разведчик, – армия… она направляется к нам!

– Проклятье, – пробормотал Артас. Этот небольшой отряд людей и дворфов мог бы запросто справиться с отдельными отрядами, но не с целой армией этих проклятых существ. Он принял решение.

– Джайна, я остаюсь здесь и буду защищать деревню. Ты должна как можно быстрее добраться до лорда Утера и рассказать ему о случившемся.

– Но...

– Джайна, иди! Дорога каждая секунда

Она кивнула. Благослови Свет ее и ее светлый ум. Он отправил ей улыбку благодарности прежде, чем она вступила в портал, который она создала, и исчезла.

– Сэр, – сказал Фалрик, и что-то в его голосе заставило Артаса развернуться. – Вам бы лучше… самим посмотреть на это.

Артас проследил за взглядом своего человека, и его сердце сжалось. Пустые ящики… были помечены знаком Андорала…

Все еще надеясь, что был неправ, Артас спросил сиплым голосом:

– Что находилось в этих ящиках?

Один из жителей Дольного Очага озадачился и посмотрел на него.

– Очередной груз зерна из Андорала. Не беспокойтесь, милорд, зерно уже раздали крестьянам. У нас теперь много хлеба.

Этот запах – это был не обычный аромат свежевыпеченного хлеба, а чуть-чуть более сладкий – и Артас понял. Он застыл, но ненадолго, вся чудовищность ситуации, истинный размах этого кошмара предстали перед ним. Зерно раздали… и внезапно появилась огромная армия нежити.

– О, нет… – прошептал он. Они уставились на него, и он попробовал что-то сказать, но его голос дрожал. Но на сей раз не от ужаса, а от ярости.

Чума была нужна не просто для того, чтобы убивать людей. Нет, нет, все было куда хуже, куда более зловеще, чем это. Она была нужна, чтобы превращать их в...

Как только его осенила эта мысль, человек, который ответил на вопрос Артаса о ящике, согнулся. Несколько других последовали его примеру. Странное зеленое сияние окутало их тела, пульсируя и становясь все сильнее. Они хватались за свои животы и падали на землю, кровь хлестала из их ртов, марая рубашки. Один из них протянул руку к нему, прося о помощи. Вместо этого пораженный Артас отскочил в ужасе, смотря, как человек скорчился от боли и умер через пару секунд.

Что он наделал? Человек попросил его о помощи, а Артас даже не протянул ему руку. Но *мог* ли он его исцелить, думал сейчас Артас, уставившись на труп. Мог ли Свет...

– Свет милосердный! – закричал Фалрик. – Хлеб...

Артас очнулся от размышлений о своей вине. Хлеб – самая полезная и здоровая пища – теперь стал опаснее самого смертельного яда. Артас открыл было рот, чтобы выкрикнуть, предупредить его людей, но его язык окостенел.

Чума, заключенная в зерне, подействовала даже раньше, чем потрясенный принц смог прийти в себя.

Глаза мертвеца открылись. Он потянулся вверх и сел.

Именно *так* Кел'Тузад создал армию нежити за столь удивительно короткое время.

Безумный хохот отозвался эхом в его ушах – Кел'Тузад маниакально смеялся, торжествуя даже после смерти. Артас подумал, а сошел ли он с ума от всего, чему он стал свидетелем. Нежить вскарабкивалась на ноги, и их движения побудили его к действию и развязали язык.

– Защищайтесь! – закричал Артас, замахнувшись молотом прежде, чем труп успел подняться на ноги. Другие трупы оказались быстрее, они встали и обратили против него винтовки, которые они при жизни использовали бы для защиты Артаса. Единственное преимущество, которое у него было, состояло в том, что нежить была не особо искусна в использовании своего оружия, и большинство выстрелов, которые они сделали, прошли мимо. Люди Артаса, тем временем, нападали смело, с решительными и мрачными лицами, круша черепа, рубя головы, разрезая тех, кто был недавно их союзниками.

– Принц Артас, армии нежити прибывают!

Артас развернулся, его броня была забрызгана кровью, но он был удивлен.

Так много. Их было так много, скелеты давно умерших, свежие трупы недавно погибших, множество бледных мерзких поганищ с грохотом шли на них. Он мог ощутить панику. Они сражались с горстками, но не с этим – целой армией ходячих мертвецов.

Артас взмахнул молотом, разрезав воздух. Тот вспыхнул и запылал жизнью.

– Ни шагу назад! – закричал он более не слабым и дрожащим, но резким и сердитым голосом. – Мы – воины Света и *не должны отступать*!

Свет придал ему решительности, и он бросился вперед.

Джайна была совершенно обессилена, что никогда себе не позволяла. Истощенная после нескольких суток борьбы с небольшими перерывами, а иногда вообще без них, она потеряла последние силы после окончания телепортации. Она подумала, что на мгновение потеряла сознание, поскольку следующей вещью, которую она увидела, был ее наставник, склонившейся над нею, приподняв ее с пола.

– Джайна... дитя, что произошло?

– Утер, – еле вымолвила Джайна. – Артас... Дольный... Очаг... – она встала и сжала мантию Антонидаса. – Некроманты... Кел'Тузад... поднял мертвых на бой...

Глаза Антонидаса расширились. Джайна сглотнула и продолжила:

– Артас и его люди сражаются одни в Дольном Очаге. Он немедленно нуждается в подкреплении!

– Думаю, Утер во дворце, – сказал Антонидас. – Я сейчас же пошлю туда несколько магов, чтобы они открыли портал для всех, кого он возьмет с собой. Ты постаралась на славу, моя

дорогая. Я очень горжусь тобой. А теперь ты должна отдохнуть.

– Нет! – запротестовала Джайна. Она едва стояла на ногах, не падая лишь из-за того, что держалась за спину Антонидаса. – Я должна быть с ним. Я буду в порядке. Идемте!

Артас уже не знал, как долго он сражается. Он размахивал своим молотом почти непрерывно, его руки дрожали от напряжения, в его груди полыхало. Лишь сила Света, непрерывно текущая внутри него, поддерживала его и его людей на их ногах. Нежить, казалось, слабла перед ликом Света, однако было похоже, что это было ее единственная слабость. Чтобы остановить их продвижение, их нужно было только убить – хотя Артас сомневался, можно ли это назвать "убийством", если они и так уже были мертвы.

Мертвецы продолжали прибывать. Волна шла за волной. Его подданные – его люди – были превращены в этих бездушных существ. Он заносил уставшими руками молот для еще одного удара, как в пылу битвы прозвучал знакомый ему голос:

– За Лордерон! За короля!

Люди сплотились, услышав пылкий клич Утера Светоносного, возобновив атаку. Утер прибыл с крупным отрядом рыцарей, не уставших и готовых к битве. Они не устрашились нежити. Джайна, несмотря на усталость и боль, также пошла вместе с Утером и рыцарями: очевидно, она достаточно их проинструктировала, чтобы драгоценные секунды не были потрачены впустую на преодоление шока перед происходящим. Нежить теперь гибла куда быстрее, и каждая ее волна была встречена жестким и сильным отпором молотов, мечей и пламени.

Джайна рухнула на землю. Ее ноги не устояли и колени подогнулись, как только последнего из ходячих мертвецов охватило пламя, и тот споткнулся и упал – на сей раз действительно замертво. Она достала мехи и отпила из них запоем, вся трясясь, затем извлекла немного сушеного мяса, чтобы перекусить. Битва была окончена – пока что. Артас и Утер сняли шлемы, пот спутал их волосы. Она жевала мясо и смотрела, как Утер оглядел море мертвых трупов и удовлетворенно кивнул. Артас уставился на что-то, чем он был явно поражен. Джайна проследила за его взглядом и нахмурилась, ничего не понимая. Повсюду были трупы – но Артас смотрел с изумлением на одно гнилое тело, вокруг которого витали мухи – и это было тело не его солдата, и даже не человека, а лошади.

Утер подошел к своему ученику и похлопал Артаса по плечу.

– Я удивлен, что тебе удалось сдерживать их натиск так долго, парень, – его голос был наполнен гордостью, на губах сияла улыбка. – Если бы я опоздал...

Артас в смятении прервал его:

– Знаешь, Утер, я сделал все, что мог!

И Утер, и Джайна вздрогнули от резкого тона сказанного. Он слишком остро среагировал – Утер не порицал его; наоборот, он его хвалил.

– Конечно, если бы за моей спиной был легион всадников...

Глаза Утера сузились.

– Сейчас не время мечтать! Из того, что сказала мне Джайна перед тем, как мы тут оказались, это только начало.

Артас посмотрел на Джайну своими глазами цвета зеленой волны. Он все еще не отошел от пережитого оскорбления, и впервые Джайна почувствовала, что она сжалась под напором этого проникающего взгляда.

– Или ты не заметил, что каждый раз, когда гибнет кто-то из нас, ряды нежити пополняются? – продолжил Утер.

– Значит, мы должны ударить по их лидеру! – рвал и метал Артас. – Кел'Тузад сказал, кто он и где его можно найти. Какой-то повелитель ужаса. Его зовут Мал'Ганис. И он находится в Стратхольме. Стратхольм, Утер. То место, где ты стал паладином Света. Разве оно ничего не значит для тебя?

Утер устало вздохнул.

– Конечно, значит, но...

– Если понадобится, я сам отправлюсь в Стратхольм и убью Мал'Ганиса! – прокричал Артас. Джайна прекратила жевать и уставилась на него. Она никогда не видела его таким.

– Тише, мой мальчик. Несмотря на всю твою храбрость, тебе не удастся в одиночку победить того, кто командует легионами мертвых.

– Тогда счастливо оставаться, Утер. Я ухожу, с тобой или без тебя.

Прежде, чем Утер иди Джайна успели что-либо сказать, он запрыгнул на седло, развернул коня и понесся на юг.

Ошеломленная Джайна встала на ноги. Он уехал без Утера, без своих людей… без нее. Утер спокойно подошел к ней. Она покачала своей светлой головой.

– Он чувствует, что виноват лично за все эти смерти, – тихо сказала она старшему паладину. – Он считает, что должен остановить все это, – она посмотрела на Утера. – Даже маги Даларана – те, кто впервые уличили Кел'Тузада – не подозревали, что все так выйдет. И Артас не мог этого знать.

– Он впервые почувствовал тяжесть короны, – спокойно ответил Утер. – Он никогда не думал об этом прежде. Это, моя леди – часть науки, как править верно и мудро. Я наблюдал эту же борьбу у Теренаса, когда тот был молодым. Они оба хороших человека, оба желают добра для своего народа. Чтобы они были счастливы и жили в безопасности, – судя по его глазам, он о чем-то думал, глядя на исчезающего вдалеке Артаса. – Но иногда приходится выбирать меньшее из двух зол. Иногда нет способа все исправить. Артас поймет это.

– Думаю, я понимаю, но... я не могу позволить ему сражаться в одиночку.

– Нет, нет, как только мои люди будут готовы к длительному походу, мы последуем за ним. А вы должны отдыхать.

Джайна покачала головой.

– Нет. Он не должен оставаться один.

– Леди Праудмур, если я могу попросить Вас, – медленно проговорил Утер. – Было бы хорошо, если бы он очистил свои мысли. Следуйте за ним, если Вам это нужно, но дайте ему времени, чтобы он подумал.

Смысл сказанного был ей очевиден. Ей это не понравилось, но она согласилась с ним. Артас словно обезумел. Он чувствовал себя сердитым и бессильным, и был не в том состоянии, чтобы с ним можно было поговорить. И именно по этой же причине она не могла позволить ему быть одному.

– Хорошо, – пообещала она. Она забралась на коня и прошептала заклятье. Она увидела усмешку Утера, когда он понял, что ее больше не видно. – Я последую за ним. Езжайте, как только Ваши солдаты будут готовы.

Она не будет приближаться к нему слишком близко. Она скрыла свое присутствие визуально, но не издаваемый ею шум. Лошадь Джайны пустилась в легкий галоп, чтобы нагнать задумчивого светловолосого принца Лордерона.

Артас гнал своего коня, сердясь, что он не может скакать быстрее, сердясь, что это был не Непобедимый, сердясь, что он не разобрался в происходящем вовремя, что не смог остановить все это. Это его подавляло. Его отец столкнулся с орками – существами из другого мира, наводнившими его родной мир, грубыми и сильными, жаждущими завоеваний. Но теперь Артасу это казалось детскими игрушками. Как его отец и Альянс смогли бы справиться с этой чумой – чумой, которая не только косила население, но и – что за насмешка сумасшедшего! – превращала заразившихся в живые трупы, которые нападали на их друзей и членов семьи? Удалось бы Теренасу справиться лучше него? Но

одно мгновенье Артас подумал, что да – Теренас разгадал бы эту загадку вовремя, остановил некромантов, спас невинных, – но потом он понял, что объективно никто не мог бы это исправить. Теренас был бы столь же беспомощен, как и он, перед лицом этого ужаса.

Он настоль углубился в свои мысли, что едва заметил, как ему дорогу преградил человек, и лишь сильным рывком поводьев он вовремя остановил своего скакуна.

Огорченный, взволнованный и разъяренный от произошедшего, Артас заорал:

– Групец! Ты что вытворяешь? Я мог бы растоптать тебя!

Артас никогда прежде не видел таких людей, и все же незнакомец показался ему смутно знакомым. Высокий, широкоплечий, закутанный в плащ, который, казалось, полностью состоял из сверкающих черных перьев. Его лицо было прикрыто

капюшоном, но его глаза блеснули, когда он посмотрел на Артаса. Над бородкой сияла белозубая улыбка.

– Ты не ранил меня, так что я попрошу немного твоего внимания, – сказал он глубоким и спокойным голосом. – Я разговаривал с твоим отцом, юный принц. Он не принял мои слова. И теперь я обращаюсь к тебе, – он поклонился, и Артас нахмурился. Ему показалось, что его дразнят. – Нам нужно поговорить.

Артас фыркнул. Теперь он понял, почему этот таинственный, театрально разодетый незнакомец показался ему знакомым. Он был неким мистическим самозваным пророком, как сказал ему Теренас; способным превращаться в птицу. Он очень разозлил короля, вторгнувшись прямо в тронную залу и наболтав о наступлении Судного Дня.

– У меня нет времени, – прорычал Артас, натягивая узду своей лошади.

– Послушай меня, мальчик, – теперь в голосе незнакомца не было и намека на усмешку. Его голос хлестал как кнут, и Артас невольно стал слушать. – Это королевство обречено! Тьма уже опустилась на землю, и ничто не в силах остановить ее. Если ты действительно желаешь спасти свой народ, уводи его вдоль моря… на запад.

Артас чуть не засмеялся. Его отец был прав – этот человек был сумасшедшим.

– Бежать? Мое место здесь, среди моих людей! И я не оставлю их на растерзанье этим отвратительным существам. Я найду того, кто стоит за этим, и уничтожу его. Ты глупец, если думаешь иначе.

– Так я глупец? Полагаю, так и есть, если думал, что сын

будет мудрее своего отца, – его яркие глаза выглядели обеспокоенными. – Значит, ты уже сделал свой выбор. И ты не послушаешь того, кто видит дальше тебя.

– У меня есть только твои слова о том, что ты видишь. А я знаю, что я вижу, и что я видел – мои люди нуждаются во мне здесь!

Пророк печально улыбнулся.

– Мы видим не только своими глазами, принц Артас. Но и нашей мудростью и нашими сердцами. Я оставлю тебе одно предсказание. Запомни: чем яростнее ты будешь бороться с врагами, тем быстрее твои люди окажутся в их власти.

Артас открыл было рот, чтобы высказать свирепое возражение, но в этот момент очертания незнакомца изменились. Плащ закутал его полностью, стал словно его второй кожей. Крылья, черные и блестящие, выросли из его тела, как только он сжался до размеров обычного ворона. С прощальным и, как показалось Артасу, расстроенным карканьем птица, которая была человеком, устремилась в воздух, покружилась и улетела. Он наблюдал за ее полетом, чувствуя смутное беспокойство. Человек казался… столь убежденным.

– Прости меня за то, что я пряталась, Артас, – голос Джайны прибыл из ниоткуда. Испугавшись, Артас завертел головою, пытаясь найти ее. Она материализовалась перед ним, выглядела она расстроенной. – Я просто хотела...

– Помолчи!

Сначала она удивилась, потом синие глаза расширились, и он немедленно пожалел, что накричал на нее. Но она не должна была красться за ним, шпионить.

– Он также приходил к Антонидасу, – сказала она спустя секунду, упорно продолжая говорить то, что собиралась, несмотря на его выпад. – Я... я ощущаю в нем огромную силу, Артас, – она подъехала поближе, чтобы лучше рассмотреть его. – Эта чума нежити – ничего подобного никогда ранее не было в истории мира. Это не просто другая битва или другая война, это нечто намного большее и темное. И, возможно, ты не сможешь использовать обычную тактику, чтобы победить. Может быть, он прав. Может, он действительно знает, что произойдет.

Он отвернулся от нее, сжав зубы.

– Возможно. А возможно он – союзник этого Мал'Ганиса. Или, возможно, он просто сумасшедший отшельник. Его слова не заставят меня покинуть мою родину, Джайна. Меня не волнует, на самом ли деле этот безумец может видеть будущее. Пойдем.

Они ехали в тишине. Джайна тихо сказала:

– Утер пойдет за нами. Ему только нужно немного времени,

чтобы подготовить своих людей.

Артас смотрел прямо вперед, все еще злясь. Джайна попробовали еще раз.

– Артас, ты не должен...

– Я по горло сыт людьми, указывающими мне, что я должен и не должен делать! – вырвались из него слова, поразив его самого даже больше, чем Джайну. – Джайна, то, что происходит здесь, не просто ужасно. Я даже не могу подобрать слова, чтобы описать это. И я делаю все, что в моих силах. Если ты не собираешься поддерживать мои решения, тогда, возможно, ты не должна находиться здесь, – он посмотрел на нее, выражение его лица смягчилось. – Ты выглядишь уставшей, Джайна. Возможно… возможно, тебе нужно вернуться.

Она покачала головой, глядя только вперед, не смотря на него.

– Я нужна тебе здесь. Я могу помочь.

Гнев покинул его, и он потянулся за ее рукой, мягко сжав ее облаченными в металл пальцами.

– Я не должен был говорить с тобой так, мне жаль. Я рад, что ты здесь. Я всегда рад твоей компании.

Он согнулся и поцеловал ее руку. Ее щеки зарделись, и она улыбнулась ему, бороздка на ее лбу стерлась.

– Милый мой Артас, – мягко молвила она. Так они и ехали дальше, сжимая друг другу руки.

Они скакали всю оставшуюся часть дня, не особо разговаривая, и остановились, чтобы разбить лагерь, лишь когда село солнце. Они оба были слишком утомлены, чтобы охотиться ради свежего мяса, так что им пришлось довольствоваться несколькими яблоками, сухим мясом и хлебом. Артас уставился на буханку в своей руке. Этот хлеб был из духовок дворца, испеченный из зерна, выращенного неподалеку от Столицы – не из Андорала. Это была изумительная пища, полезная и насыщающая, пахнущая дрожжами, а не какой-то болезненной сладостью. Простая, обычная еда, то, что любой может съесть без страха.

Его рот внезапно закрылся, и он отложил свой хлеб, будучи неспособным откусить от него, и он закрыл лицо ладонями. На мгновение он почувствовал себя совершенно разбитым, как будто волна отчаяния и беспомощности нахлынула на него. Но Джайна был здесь, она села на колени возле него, положила свою голову ему на плечо, пока он пытался прийти в себя. Она ничего ему не сказала; ей это было не нужно, ее простая поддержка одним лишь присутствием было всем, в чем он нуждался. Затем он с глубоким вздохом посмотрел на нее и обнял.

Она ответила, целуя его, ища в нем утешенье и покой, как и он искал это в ней. Артас провел рукой по ее шелковистым золотистым волосам и вдохнул их аромат. В течение следующих нескольких часов этой ночи они разрешили себе потеряться друг в друге, отбросив мысли о смерти, ужасе и зараженном зерне, пророке и выборе, и их мир, небольшой и нежный, состоял только из них двоих.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Еще не проснувшись до конца, Джайна потянулась рукой к Артасу. Его не было на месте. Она вздрогнула и села. Он уже был на ногах, давно оделся, и теперь готовил для них что-то вроде овсянки. Он заметил, что она проснулась, и улыбнулся, но его взгляд оставался серьезным и обеспокоенным. Джайна вопросительно улыбнулась ему и быстро надела робу, приглаживая светлые волосы пальцами.

– Я узнал тут кое-что, – без лишних слов начал Артас. – Вчера ночью… Я не хотел, чтобы ты волновалась. Но ты должна знать.

Его голос звучал очень подавленно. Он уже не кричал, как вчера – но так было даже хуже. Он налил ей немного зерновой каши, и она, не задумываясь, принялась кушать, слушая Артаса.

– Эта чума… – он глубоко вздохнул. – Да, зерно было заражено ею. Да, она убивает людей. Но, Джайна, все куда хуже.

Слова, казалось, застряли у него в горле. Джайна слушала его, и, кажется, начала понимать, что он имеет в виду. Зерна, что она съела, едва не вырвались наружу. Ей стало трудно дышать.

– Она… Она как-то изменяет их. Превращает в нежить… так ведь? Ох, Артас, скажи, что я не права.

Но он не сказал. Вместо этого он кивнул своей светлой головой.

– Вот потому-то появилось так много нежити. Зерно уже достигло Дольного Очага… Достаточно давно, чтобы из него сделали муку и испекли хлеб.

Джайна уставилась на него. Это значило, что… Она даже представить себе не могла, какой бедой это может обернуться.

– Вот почему я убежал вчера. Я знал, что не смогу сам победить Мал'Ганиса. Но… Джайна, я не мог сидеть сложа руки… Латать доспехи, разбивать лагерь, понимаешь?

Она кивнула. Теперь она и вправду все поняла.

– А этот пророк… Мне все равно, кем ты там его считаешь. Я не могу позволить превратить Лордерон в этот… в это… Мал'Ганиса нужно остановить, кем бы или чем бы он ни был. Мы должны найти все зараженное зерно, до последней крупинки – найти и уничтожить.

Он вскочил на ноги, взволнованный своими же словами, и стал расхаживать туда-сюда.

– Где, к черту, Утер? – сказал он. – За ночь он мог бы уже и притащится.

Джайна отложила до половины съеденную кашу, встала на

ноги и закончила одеваться. В ее голове вертелись тысячи мыслей. Она пыталась беспристрастно взглянуть на сложившуюся ситуацию, пыталась найти способ бороться с этим. Без лишних слов они подняли стоянку и двинулись в сторону Стратхольма.

Пепельно-серый рассвет стал еще темнее, когда пелена облаков окончательно закрыла солнце. Артас и Джайна накинули капюшоны плащей, но те вряд ли могли защитить их от сырости. Джайна вся дрожала, когда они подошли к вратам большого города. Оглянувшись на цокот копыт, она увидела Утера с его отрядом, что приближались к ним по грунтовой дороге, теперь превратившейся в грязную лужу. Артас, через силу улыбнувшись, также повернулся.

– Я рад, что ты все таки решился, Утер. – сказал он.

Хоть Утер и был терпеливым человеком, но это вывело его из себя. Не только ведь Джайна с Артасом были на нервах.

– Следи за языком, юноша! Хоть ты и принц, но ты еще и паладин, а в ордене я пока еще старше тебя.

– Как будто я не помню, – парировал Артас. Он быстро вскочил на холм, чтобы посмотреть на город за стенами. Он сам не знал, что надеялся увидеть. Признаки жизни, наверное. Признаки того, что все в порядке, что они пришли не слишком поздно. Что-то, что обнадежит и уверит, что все еще можно исправить.

– Послушай, Утер. Я должен рассказать тебе кое-что про чуму…

Ветер переменился, и он учуял отвратительный запах, от которого желудок Артаса чуть не вывернулся наизнанку. Неповторимый и ужасный запах хлебов, испеченных из чумного зерна, витал в воздухе, приглушенный дождем.

Свет, только не это! Его уже перемололи, уже испекли, уже…

Кровь отхлынула от лица Артаса. Он вытаращил глаза, поняв невероятную истину.

– О, нет… Мы опоздали! Проклятье, мы уже опоздали! Зерно… Все эти люди… – слова застревали в его горле. – Все эти люди заражены чумой.

– Артас… – тихо прошептала Джайна.

– Сейчас это еще не заметно, но скоро все они превратятся в нежить.

– Что? – вскрикнул Утер. – Юноша, вы в своем уме?

– Нет, Утер, он прав, – сказала Джайна. – Если они успели съесть зерно – они заражены. А раз так, кто скоро все они превратятся…

Она отчаянно думала, что делать дальше. Они ведь могут еще что-то предпринять. Антонидас говорил, что у этой чумы

магическое происхождение. Значит, ее можно исцелить магией. Если бы у них было время успокоиться и подумать, положившись на логику, а не на эмоции! Возможно, они могли бы найти лекарство…

– Весь город должен быть уничтожен.

Слова Артаса звучали глупо и жестоко. Джайна передернулась. Конечно, совсем не это имел в виду.

– Как ты мог даже подумать об этом? – крикнул Утер, делая шаг в сторону своего бывшего ученика. – Должен быть какой-то другой путь! Это тебе не испорченный урожай! Это – город, где полно живых людей!

– Проклятье, Утер! Мы должны пойти на это! – Артас встал с Утером лицом к лицу, и на один ужасный миг Джайне показалось, что они вот-вот поднимут молоты друг против друга.

– Артас, нет! Так нельзя! – слова сорвались с ее губ прежде, чем она смогла взять себя в руки. Он резко обернулся к ней и взглянул ей в лицо. Его глаза цвета морской волны теперь бурлили гневом, болью и отчаяньем. Она осознала, что он и вправду видел лишь один способ спасти тысячи невинных жизней – пожертвовать этими, обреченными и проклятыми. Она помолчала, пытаясь подобрать слова и дождаться, пока его лицо станет чуточку человечнее.

– Послушай. Мы не знаем, сколько из них заразилось чумой. Быть может, многие из них сьели не смертельную дозу, а кто-то и вовсе не касался проклятого хлеба. Мы ведь еще даже не знаем, сколько нужно съесть, чтобы умереть. Мы знаем мало, слишком мало – и не можем же мы вырезать весь город только из животного страха!

Это были совсем не те слова, и на глазах у Джайны лицо Артаса снова стало холодным и каменным.

– Я лишь пытаюсь защитить невинных. Это – мой долг.

– Но они и есть невинные! Они всего лишь жертвы! Они ведь этого не просили! Артас, там есть дети! Откуда нам знать – может и их коснулась чума. Мы знаем слишком мало, чтобы решится на такое…

– А те, кто уже болен? – спросил он пугающе тихо. – Джайна, они сами убьют тех детей. Они захотят убить и нас… И выйдут из-за этих стен в мир, чтобы сеять смерть. Они все обречены. И когда они поднимутся из мертвых, они будут творить зло, которое никогда бы не сделали при жизни. Что бы ты выбрала, будь ты на их месте?

Вопрос застал ее врасплох. Она смотрела то на Артаса, то на Утера.

– Я не знаю, – растерянно ответила она.

– Ты знаешь, – сказал он и был абсолютно прав. – Ты лучше бы умерла здесь, чем от этой чумы. Обычной смертью, как разумный человек, чтобы не быть поднятою как нежить и не покушаться на все, что любила при жизни.

Она глубоко вздохнула.

– Я… Да, но это – лишь мой выбор. Мы не можем выбирать за них всех. Как ты не видишь?

– Нет, – покачал он головой, – не вижу. Мы должны очистить этот город, пока они не ушли и не распространили болезнь. Пока они не превратились. Это единственный способ остановить чуму прямо здесь и прямо сейчас. Искоренить проблему в зачатке. И я сделаю это.

Глаза Джайны оросились слезами боли.

– Артас… Дай мне немного времени. День или два. Я могу телепортироваться к Антонидасу и мы тут же примемся искать способ…

– У нас нет лишнего дня! – вырвалось у Артаса. – Джайна, оно убивает людей за пару часов. А быть может и за пару минут. Я… Я видел, так было в Дольном Очаге. Нет времени на размышления. Мы должны действовать. Сейчас. Или будет слишком поздно.

Он повернулся к Утеру.

– Как будущий король я приказываю тебе очистить этот город!

– Пока ты еще не король, юноша! Но этот приказ я не выполнил бы, будь ты хоть трижды королем!

На мгновение воцарилась напряженная тишина.

Артас… Друг мой, любимый мой… Прошу тебя, не надо…

– Тогда я должен расценивать это как измену.

Голос Артаса стал холодным и суровым. Джайна была бы не так поражена, даже если бы он взял и ударил ее по лицу.

– Измену? – прогремел Утер. – Ты совсем лишился рассудка, Артас?

– Да? Лорд Утер! Властью, данной мне по праву наследования, я отстраняю вас от командования и освобождаю от службы ваших рыцарей!

– Артас… – вскрикнула Джайна. – Ты не можешь просто…

– Это уже сделано, – неистово выкрикнул он, обернувшись к ней. – Те, кто действительно хочет спасти эту землю – за мной! А остальные – убирайтесь с глаз!

У Джайны закружилась голова. Он и вправду решился на это. Он пойдет в Стратхольм и казнит каждого в пределах его стен – мужчин, женщин и детей. Она пошатнулась и покрепче сжала узды своего коня. Опустив голову ему на шею, она тяжело вздохнула. Как бы она хотела подобно коню ничегошеньки не

понимать!

Сможет ли Утер напасть на своего бывшего ученика? – спросила себя Джайна. Нет, он поклялся служить своему принцу, и даже когда его отстранили от должности, присяга оставалась в силе. Она видела, как вздулась жилка на его шее, и даже почти могла расслышать скрип его зубов. Но не смог поднять руку на своего сеньора.

Но преданность не могла заткнуть ему рот.

– Ты пересек опасную черту, Артас.

Артас пристально посмотрел на него и затем пожал плечами. Он обернулся к Джайне, и на мгновение – всего на мгновение – стал похож на себя. Серьезного, молодого и немного испуганного.

– Джайна?

Это было куда больше, чем простое слово. Это был вопрос и мольба о помощи. Она уставилась на него, как птичка, завороженная змеей. Он протянул ей руку. Она посмотрела на нее, вспомнив о далеких временах, когда эта рука крепко и тепло сжимала ее ладонь, ласкала ее, исцеляла ее раны благодатным светом.

Она не смогла взять эту руку.

– Прости, Артас. Я не могу смотреть на то, что ты собираешься сделать.

На его лице теперь не было никакой маски, никакого милосердного холода, призванного скрыть от нее всю боль. Он был разочарован и потрясен. Она не могла больше на него смотреть. Ее глаза наполнились слезами. Джайна отвернулась и взглянула на Утера, что смотрел на нее с состраданием и пониманием. Он протянул ей руку, чтобы помочь усесться в седле, и она была благодарна ему за устойчивость и самообладание. Ужасно дрожа всем телом, Джайна вцепилась в своего коня. Вместе с Утером они направили узды в сторону от самого страшного, что должно было свершиться среди кошмаров последних дней.

– Джайна? – послышался голос ей вслед.

Она закрыла глаза, и слезы закапали с ее ресниц.

– Мне жаль… – шептала она. – Мне так жаль…

– Джайна?... Джайна!

Она отвернулась от него.

Он не мог до конца поверить в то, что это правда. Несколько долгих мгновений он просто смотрел на то, как она уходила прочь от него. Как она могла просто взять и бросить его? Она хорошо его знала. Лучше всех в этом мире, может даже лучше,

чем он сам себя знал. И она всегда могла его понять. Его мысли вернулись к той ночи, когда они стали близкими друг другу, как никогда, в свете костра, в котором горел плетеный человечек, и потом, под холодной синевой сияния луны. Он прижал тогда ее к себе и взмолился.

Не отказывай мне, Джайна. Никогда не отказывай мне. Пожалуйста.

Я никогда не смогу отказать.

О, да, красивые слова для красивого вечера. Но теперь, когда она действительно была нужна ему – она отказалась и оставила его. Черт возьми, она ведь сама согласилась, что лучше умереть своей смертью, чем потом быть поднятой чумою, что извращает все доброе и естественное в человеке. Она оставила его одного. Если бы она зарядила ему по печени – вряд ли это было бы больнее.

В голове пронеслась мысль, короткая, яркая и острая: а может, она права?

Нет. Нет, она не права. Если бы это было так, то он сейчас готов стать палачом и резником. А это совсем не так. Он знал это.

Сковывающий страх оставил его, он облизнул резко пересохшие губы и глубоко вздохнул. Несколько его солдат пошли за Утером. Многие из них. Слишком много, по правде сказать. Как он мог очистить город с горсткой солдат?

– Разрешите обратиться, сэр, – сказал Фальрик. – Я… Н-да… Лучше бы меня порубили на мелкие кусочки, чем обратили бы в нежить.

В рядах солдат поднялся одобрительный гул, и сердце Артаса подпрыгнуло. Он схватил свой молот.

– То, что мы собираемся сделать – неприятно. Но это необходимо. Нам нужно остановить чуму, здесь и сейчас – иначе жертв будет намного больше. Люди за этими стенами уже мертвы. Даже если они таковыми не кажутся – мы должны убить их прежде, чем чума сделает это за нас!

Он обвел глазами своих солдат – каждого из воинов, что не сбежали от своего долга.

– Мы должны убить их и разрушить дома, чтобы там не прятались другие.

Солдаты согласно кивнули и приготовили оружие.

– Это не большая и славная битва. Это будет мерзко и больно, и я всем сердцем сожалею, что нам пришлось пойти на это. Но тем же сердцем я чую, что нам нужно сделать это!

Он поднял молот ввысь.

– Во имя Света!

Ряды солдат ответили ему криком и обнажили мечи. Он

повернулся к вратам, и, глубоко вздохнув, пошел вперед.

С теми, кто уже умер, было легко. Они были врагами. Уже не люди, но мерзкие пародии на то, чем они были при жизни, и снять с них головы было не труднее, чем с прокаженных тварей. А вот с другими…

Они смотрели на солдат и на своего принца со страхом и непониманием. Сначала никто даже не сопротивлялся. Они узнали гербы на их накидках и верили, что эти люди пришли спасти их. Они верили в это и за миг до смерти. Сердце Артаса облилось кровью, когда он впервые ударил жителя города – совсем еще юнец смотрел на него своими карими глазами, и, ничего не понимая, выдохнул: “Милорд, зачем вы…”. Артас закричал от муки, жалея о том, что должен сделать так, а не иначе – и ударил его в грудь тяжелым молотом, вокруг которого уже не сиял Свет. Быть может, Свет не мог принять тот ужас, который предстояло сотворить. Он зарыдал, но загнал дрожь вовнутрь, задавил ее – и повернулся к матери мальчика.

Он думал, что потом станет легче. Не стало. Артас не мог отступить. Люди смотрели на него как на пример. Если бы его решительность пошатнулась – то же было бы и с его людьми, и скоро Мал’Ганис одержал бы победу. И он надел свой шлем, чтобы никто не видел его лицо, и сам лично зажег факел, пламя которого распространилось по всему дому, сжигая его дотла вместе с людьми, запертыми внутри. Так он почти не слышал их криков и воплей.

Стало чуточку легче, когда жители Стратхольма начали сопротивляться. Конечно, они мало что моги противопоставить солдатам старой закалки и обученному паладину. Но теперь это уже было не так похоже на резню на скотобойне.

– Я ждал тебя, юный принц.

Глубокий голос эхом отдался в его голове и ушах, гулкий и… сложно было подобрать другое слово, кроме как… злой. Повелитель ужаса, как сказал Кел’Тузед. Темное имя для темного существа.

– Я – Мал’Ганис.

Артас почувствовал что-то вроде радости. Вот оно, доказательство. Мал’Ганис здесь, он стоял за чумой, и когда люди Артаса, также услышавшие голос, оглянулись и стали искать источник голоса, дверь дома, где прятались крестьяне, распахнулась, и из нее вышли ходячие мертвецы, чьи тела уже налились зеленым болезненным цветом.

– Как видишь, твои люди отныне принадлежат мне. Дом за домом, я порабощу этот город, и огонь жизни угаснет здесь навсегда.

Мал'Ганис засмеялся. Ужасным и глубоким, сухим и темным смехом.

– Я не допущу этого! – вскрикнул Артас, и его сердце вдохновилось пониманием того, что они поступают справедливо. – Лучше эти люди погибнут от моей руки, чем станут твоими рабами после смерти!

Вновь раздался смех, и затем голос утих так же внезапно, как и появился. Артас отвлекся, чтобы защитить свою жизнь – на него наступала толпа нежити.

Как долго продолжалась резня всего живого – и мертвого – в этом городе, Артас не вспомнит никогда. Но вот никого не осталось. Он был истощен и весь дрожал от отвращения к запаху крови, дыма, и приторно-сладкому, болезненному аромату хлеба, что витал в воздухе, когда горела сама пекарня. Его яркие доспехи потемнели, испачканные кровью и сукровицей. Но дело еще не было сделано. Он ждал, что это случится – и вот его враг опустился в воздуха на крышу одного из немногих чудом уцелевших зданий.

Артас оступился. Существо было огромно. Синевато-серая, как оживший камень, кожа. Кривые рога, что росли из лысого черепа, и два громадных крыла, как у летучей мыши, расправились позади него, как жуткие тени. Его ноги были закованы в железо, из которого торчали шипы и внушающие страх изображения костей и черепов. Они выгибались назад и завершались копытами. Глаза пылали зеленым светом, и он обнажил острые зубы в высокомерной усмешке.

Артас смотрел на чудовище с восторгом и ужасом. Такого не могло быть наяву – но вот он стоял перед его глазами. Он слышал рассказы. Видел картинки в древних книгах у себя дома и в архивах Даларана. Но теперь этот монстр стоял перед ним, и небо за его спиной налилось кровавой краской и дымом…

Повелитель Ужаса был демоном. Чудовищем из мифов. Многие считали это враньем – но вот, один из этих тварей стоял перед ним во всем своем ужасном величии.

Повелитель Ужаса.

Страх вот-вот мог одолеть Артаса, но он знал, что он этого ему станет только хуже. Он умер бы в лапах чудовища – умер бы даже без борьбы. И силою воли он сменил бессмысленный страх другим чувством, что оказалось сильнее. Ненависть. Жажда мести. Он вспомнил тех, кто пал от его молота, живых и мертвых, кровожадных упырей и перепуганных детей, которые знать не знали, что этим он спасает их души. Их лики придали ему сил. Они не могли умереть бесцельно. Так или иначе, Артас нашел в себе силы чтобы посмотреть в пылающие глаза демона, сжав

покрепче свой молот.

– Сейчас мы покончим с этим, Мал'Ганус, – крикнул он сильным голосом. – Один на один!

Повелитель Ужаса лишь откинул голову назад и засмеялся.

– Храброе сердце, – прогремел он. – К несчастью для тебя, мой юный принц, все только начинается.

Мал'Ганис усмехнулся, его черные губы обнажили острые клыки.

Он поднял руку, указав на людей Артаса своими длинными острыми когтями, блестевшими в свете пламени, в котором полыхал великий город.

– Собирай свои войска и отправляйся за мной, в Нордскол, царство вечных снегов. Там мы и уладим все наши дела. Там ты узнаешь свою судьбу.

– Свою судьбу? – голос Артаса хрипел от гнева. – Что ты…

Слова застряли у него в горле, когда воздух вокруг Мал'Ганиса закружился в уже знакомом вихре.

– Нет! – закричал Артас. Он опрометчиво кинулся к нему, но не успел добраться до демона прежде, чем тот завершил телепортацию. Его сердце тяжело забилось, и он поднял молот вверх, пригрозив им воздуху.

– Будь ты проклят, Мал'Ганис! Я отыщу тебя и на краю земли! Ты слышишь? *На краю земли!*

Словно безумный, он яростно кричал, размахивая оружием над головой, пока усталость не заставила опустить его на землю. Он оперся на молот и тяжело задышал, весь мокрый и дрожащий от слез отчаянья и гнева.

Хоть на краю земли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Три дня спустя Леди Джайна Праудмур шла по улицам когда-то славного города, гордости северного Лордерона. Теперь это было место из кошмара.

Зловоние было почти невыносимо. Она приложила к лицу платок, обильно надушенный экстрактом мироцвета, чтобы не вдыхать хотя бы часть этого смрада. Пожар, который уже должен был сам поглотить себя и хотя бы идти на спад из-за недостатка пищи для огня, продолжал бушевать во всю силу, что говорило Джайне о том, что тут замешана темная магия. Помимо едкого запаха дыма, жалящего ее глаза и горло, в воздухе витал сильный запах гниения.

Они лежали там, где пали, большая их часть была безоружна. Слезы текли из глаз Джайны и скатывались вниз по ее щекам, она двигалась словно в трансе, осторожно переступая через обмякшие тела. Приглушенный стон боли вырвался из губ, поскольку она обнаружила, что Артас и его солдаты в своем заблуждающемся сострадании не щадили даже детей.

Их тела лежали тихо и неподвижно. Могли ли они встать и напасть на Джайну, если бы Артас не убил их? Возможно, да. Почти наверняка, многие из них; зерно было распределено и употреблено по всему городу. Но не каждым же? Она никогда не узнает ответ на этот вопрос – и он тоже.

– Джайна... Прошу, пойдем со мной, – его голос был напорист, но было ясно, что мысленно он находится за тысячу миль отсюда. *– Он сбежал от меня. Я спас жителей города от превращения в его рабов, но в самую последнюю минуту он скрылся. Он в Нордсколе. Пойдем со мной.*

Джайна закрыла глаза. Она не хотела вспоминать эту беседу, произошедшую полтора дня тому назад. Она не хотела вспоминать, каким он выглядел – холодным, сердитым и отдаленным, жаждущего лишь убить Повелителя ужаса – о, Свет, демона! – не останавливаясь ни перед чем.

Она запнулась об труп, и вновь ее глаза расширились при виде этого ужаса, созданного человеком, которого она любила – и все еще продолжала любить, несмотря ни на что. Как она могла любить его после этого, она не знала, но, храни ее Свет, так оно и было...

– Артас... это ловушка. Он же повелитель демонов. Если он был силен, когда ускользнул от тебя в С... Стратхольме, то он, несомненно, без труда справится с тобой на своей территории, где

он будет еще сильнее. Не иди туда… пожалуйста…

Она хотела броситься ему на шею, удержать его у себя. Он не мог идти в Нордскол. Это означало бы верную смерть. И хотя он обрек на смерть стольких людей, Джайна не желала ему такой судьбы.

– Сколько мертвых, – пробормотала она. – Не могу поверить, что все это дело рук Артаса.

И все же она знала, что это сделал он. Целый город …

– Джайна? Джайна Праудмур!

Джайна резко вышла из тошнотворного транса от звука знакомого голоса. Утер. Она ощутила странное чувство облегчения, повернувшись на зов паладина. Утер всегда немного ее пугал; он был таким большим, сильным и… ну… глубоко верующим в Свет. Она с чувством стыда вспоминала, как она и Артас, когда они были моложе, высмеивали за спиной рыцаря благородство Утера, граничащую по их мнению с напыщенностью и ханжеским поведением. Он был довольно легкой мишенью. Но по завершению этих мучительных трех дней, она и Утер вместе противостояли Артасу.

– Ты поклялась, что никогда не откажешь мне, Джайна, – ставил ей в вину Артас, его голос был словно острие холодного ножа. *– Но когда мне больше всего нужна твоя поддержка, твое понимание, ты отворачиваешься от меня.*

– Я… ты… Артас, мы не знаем достаточно…

– И теперь ты отказываешься помочь мне. Я отправляюсь в Нордскол, Джайна. Ты нужна мне. Чтобы остановить это зло. Так ты не пойдешь?

Джайна вздрогнула. Утер это заметил, но ничего не сказал. Облаченный в полный комплект доспехов, несмотря на жар неестественного пепелища, он стремительно приближался к ней. Его рост и внешний вид теперь стали для нее воплощением силы и надежности, и это больше не пугало ее. Он не обнял ее, но успокаивающе взял за руки.

– Я знал, что найду тебя здесь. Девочка моя, куда он отправился? Куда увел наш флот?

Глаза Джайны расширились:

– Флот?

Утер утвердительно хмыкнул.

– Он взял командование над всем флотом Лордерона и отчалил вместе с ним. Оставив лишь краткое сообщение своему отцу. Мы не знаем, почему они подчинились ему без приказа от командующих.

Джайна слегка грустно улыбнулась.

– Потому что он – их принц. Он – Артас. Они любят его. Они

не знали об… этом.

Вспышка боли пронеслась по грубому лицу Утера, и он кивнул.

– Да, – тихо молвил он. – Он всегда хорошо относился к людям, которые служили ему. Они знают, что он искренне заботится о них, и они будут готовы пожертвовать ради него своими жизнями.

В этих словах была горечь. Они были правдивы, ведь Артас заслужил столь не умирающую преданность своего народа.

– *И теперь ты отказываешься помочь мне.*

Утер осторожно потряс ее, вернув ее обратно в настоящее.

– Так ты знаешь, куда он их повел, дитя?

Джайна глубоко вздохнула.

– Он подошел ко мне перед отплытием. Я умоляла его остаться. Говорила, что это может быть ловушкой...

– Куда он ушел? – требовал ответа Утер.

– В Нордскол. Он отправился в Нордскол, чтобы сразиться с Мал'Ганисом, повелителем демонов, ответственного за чуму. Он не мог победить его… здесь.

– Повелитель демонов? Черт бы побрал этого мальчишку! – его порыв поразил Джайну. – Я должен рассказать о всем Теренасу.

– Я пыталась остановить его, – повторила Джайна. – Но затем… после…

Она беспомощно указала на невообразимое количество мертвых, тихо составляющих им компанию. Она тысячу раз спрашивала себя, могла ли она остановить его – найти верные слова, которые бы поколебали Артаса и вернули его на правильный путь.

– Я потерпела поражение.

Я подвела тебя, Артас. Я подвела этих людей... я сама себя подвела.

Тяжелая рука Утера сжала ее тонкое плечо.

– Не вини себя, девочка.

Она безрадостно рассмеялась.

– Это так очевидно?

– Каждый, у кого есть сердце, думает точно так же. Уж я-то знаю.

Она поглядела на него, пораженная признанием.

– Вы тоже? – спросила Джайна.

Он кивнул. Его глаза были налиты кровью от изнеможения, боль скрывалась глубоко в его зрачках.

– Я не мог противостоять ему. Он же мой принц. Но неужели… мне нужно было встать на его пути? Сказать что-то

ему наперекор, или даже сделать? – Утер вздохнул и потряс головой. – Возможно. А возможно, и нет. Все это уже в прошлом, и я теперь не могу ничего изменить. Ты и я должны смотреть в будущее. Джайна Праудмур, ты не имеешь никакого отношения к этой резне…. Спасибо, что сообщила мне, куда он пошел.

Она опустила голову.

– Мне кажется, что я снова предала его.

– Джайна, возможно, ты спасла его – и всех солдат, что в невежестве пошли с ним, не зная, что их там ждет.

Испугавшись его слов, она резко подняла свою голову и посмотрела на него.

– Что с ним будет? Он же все еще Артас, Утер!

Глаза Утера стали тревожными.

– Да, это так. Но он принял ужасное решение – и теперь мы взираем на последствия. Я не знаю, каким он может вернуться после этого, – Утер отвернулся и посмотрел на мертвых. – Мы знаем, что мертвые могут быть подняты как нежить. И эти демоны действительно существуют. Но интересно, существуют ли призраки умерших. Если да, то нашему принцу никогда не избавиться от них, – он поклонился ей. – Уходите из этого места, леди.

Она замотала головой.

– Нет, пока нет. Я не готова.

Он посмотрел на нее, затем кивнул.

– Как пожелаешь. Да пребудет с тобой Свет, леди Джайна Праудмур.

– Да пребудет он и с вами, Утер Светоносный.

Она постаралась улыбнуться ему, как смогла, и смотрела, как он уходит от нее. Артас без сомнения увидел бы в ее поступке еще одно предательство, но если это спасет его жизнь, то она сможет жить с этим грузом на душе.

Запах стал еще более отвратным, и даже упрямство не могло больше удержать ее здесь. Она замерла на секунду ради последнего взгляда. Часть ее спрашивала, зачем она сюда пришла; и другая часть ее знала ответ. Она пришла, чтобы вид этого города впечатался ей в память, чтобы она поняла всю глубину происходящего. Она никогда не должна забывать об этом. Многого ли достигнет Артас или ничего, она не знала, но то, что случилось здесь, никогда не станет простой сноской в книгах истории.

С неба медленно спустился ворон. Ей захотелось спугнуть его, попытаться защитить от падальщика эти бедные изрезанные трупы – но он делал лишь то, что велела ему природа. У него не было совести, чтобы понять, что его деяние – оскорбление для

человеческой натуры. Она просто продолжала смотреть на ворона, но потом ее глаза с удивлением расширились.

Ворон начал изменяться, расти, и внезапно вместо страшной птицы появился мужчина. Еще более она удивилась, признав его – это был тот пророк, которого она видела уже дважды.

– Ты!

Он поклонился ей и странно улыбнулся, словно говоря: Я тоже узнаю тебя. Уже в третий раз она сталкивалась с ним: в первый раз он разговаривал с Антонидасом, второй раз – с Артасом. В обоих случаях она была невидима – и было ясно, что ее заклинание ни на секунду его не одурачило.

– Тела преданы земле, их души нашли упокоение, но не стоит обманывать себя. На севере твоего юного принца ждет только смерть.

Его неясные слова заставили ее немного вздрогнуть.

– Артас делает то, что считает единственно правильным.

Это была правда, и она знала это. Не смотря на его промах с демоном, он был искренне уверен, что очищение Стратхольма было единственным выходом.

Взгляд пророка смягчился.

– Быть может, это и похвально, – сказал он, – но желание спасти мир приведет его к гибели. Теперь все зависит от тебя, молодая колдунья.

– Что? Я?

– Антонидас отверг меня. Теренас и Артас тоже. Оба правителя над людьми и властитель магии отвернулись от знания истины. Но я думаю, ты так не поступишь.

Аура силы вокруг него была почти осязаема. Джайна могла даже видеть, как она со всей мощью стремительно циркулировала вокруг него. Он подошел к ней и положил руку ей на плечо. Она с недоумением, внимательно посмотрела на него.

– Ты должна возглавить людей и вести их на запад, в древние земли Калимдора. Только там ты сможешь сразиться со злом и спасти этот мир от вечной тьмы.

Смотря в эти глаза, Джайна поняла, что он был прав. Никто ее не контролировал, не принуждал, она просто знала это, и была уверена в этом каждой частичкой своего тела.

– Я... – с трудом сглотнув, она в последний раз бросила взгляд на кошмар, сотворенный её любимым человеком, и согласно кивнула. – Я сделаю, как ты скажешь.

И оставлю моего Артаса наедине к судьбой, которую он выбрал для себя. Больше нет иного пути.

– Понадобиться время, чтобы всех собрать. Заставить их поверить мне.

– Я не знаю, сколько времени у тебя в запасе. Большая его часть уже потрачена впустую.

Джайна подняла голову.

– Я не могу уйти, не попытавшись. Если ты знаешь так много обо мне, то должен понять.

Ворон-пророк, казалось, немного расслабился и улыбнулся ей, сжав ее плечо.

– Делай то, что считаешь нужным, но не задерживайся слишком надолго. Время стремительно утекает, и любая задержка может оказаться смертельной.

Она кивнула, слишком взволнованная, чтобы что-то ответить. Нужно со многими переговорить – в том числе и с ее наставником Антонидасом. Если он и послушает кого-то, подумала она, так это ее. Она была свидетелем восстания мертвых – побег в Калимдор, пока еще тут оставались живые, не был безумием.

Фигура пророка изменилась и сжалась, он снова стал большой черной птицей и улетел, громко хлопая черными крыльями. Ветер от этих крыльев словно обдул ее лицо, и он не пах так отвратно, как дым или смерть. Он был чистым и свежим.

Он пах надеждой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Флот Лордерона бросил якорь в бухте Кинжалов, на берегу земель, прозванных Нордсколом. Глубокие серые воды залива бушевали под неумолимым ветром. Крутые утесы берегов заросли стройными соснами, которые прикрывали своими ветвями берег, где люди Артаса разбили лагерь. Где-то неподалеку гремел водопад, поднимая в воздух стену брызг. Здесь было куда приятнее, чем ожидалось. По крайней мере – сейчас. Вовсе и не скажешь, что в этих краях живет повелитель демонов.

Артас спрыгнул с борта своей лодки и ступил на берег, окидывая взглядом окружающий пейзаж. Ветер ревел, как малое дитя, развевая его длинные светлые волосы и лаская их своими холодными пальцами. Возле него стал один из капитанов кораблей, которые Артас повел за собою без разрешения отца. Он дрожал и растирал руки, пытаясь хоть как то согреться.

– Неужто Свет покинул эту землю? Здесь почти не видно солнца. Ледяной ветер продирает до костей – а вы даже не дрожите.

С неким удивлением Артас понял, что мужчина был прав. Он чувствовал собачий холод, что грыз его кожу – и вовсе не дрожал.

– Милорд, с вами все в порядке?

– Все войска высадились, капитан? – спросил Артас, пропустив мимо ушей его вопрос. Глупости. Он вырезал целый город, чтобы не допустить еще большей беды. Джайна и Утер повернулись к нему спиной. И повелитель демонов ждал встречи с ним. Ясное дело, что не все в порядке.

– Почти. Только несколько кораблей…

– Очень хорошо. Наша основная задача – разбить лагерь и организовать оборону. Мы должны быть готовы ко всему.

Получив задание, мужчина наконец заткнулся. Артас решил помочь своим людям разбить лагерь и работал на равнее с самыми упорными из его воинов. Он затосковал, вспомнив, как Джайна управлялась с огнем – когда они разожгли костер, чтобы развеять холод и тьму вокруг. Проклятье, он скучал по Джайне. Но скоро перестанет. Она бросила его, когда была нужнее всего. Такие люди недостойны его любви. Нужно было стать сильным, твердым, решительным, а не быть как тряпка. Если он хочет победить Мал'Гануса, то в его сердце нет места для слабости. Нет места для тепла.

Ночь прошла тихо. Артас не мог уснуть до глубокой ночи, рассматривая в своей палатке те карты местности, которые им

удалось найти. А наконец уснув, он увидел сны, счастливые и ужасные. Он снова был юным, верхом на своем любимом коне, и перед ними лежал весь мир. Они вновь были одним целым, и ничто не могло их остановить. И тогда в своем сне Артас вновь почувствовал страх, убеждая Непобедимого сделать роковой прыжок. Его душа рвалась в муках, и это ничуть не уменьшал тот факт, что это – всего лишь сон. И он вновь обнажил меч и нанес своему верному другу удар в сердце.

Но теперь… Теперь он понял, что держит другой меч, вовсе не похожий на тот, что был в его руках в тот ужасный миг. Это был огромный и красивый двуручный меч. По всей длине клинка он был разукрашен сияющими рунами. Его окутывал туман, холодный, как снег, в котором лежал Непобедимый. Выхватив меч, он смотрел уже не на убитое животное. Непобедимый вскочил на ноги. Он исцелился и был даже сильнее преждего. Его шерсть, прежде просто белая, теперь сияла неярким светом, и Артас, вскрикнув от счастья, проснулся над своими картами со слезами радости на глазах. Несомненно, то был вещий сон.

С первыми лучами холодного рассвета он начал искать в этих краях следы повелителя ужаса. Он где-то здесь. Артас знал это.

Но в тот первый день они не нашли ничего, кроме горстки нежити. С каждым днем они прочесывали все больше земель, и Артас несколько приуныл.

Он уже понял, что Нордскол был огромным континентом, который только-только начали исследовать. Да, Мал'Ганис был повелителем ужаса, и те отряды нежити, которые они нашли, свидетельствовали, что он где-то в этих землях. Но не он один. Он мог быть где угодно – и мог вообще быть не здесь. Он осознал, что, быть может, его завели в Нордскол, чтобы демон мог свободно разгуливать на другом конце света…

Нет. Это путь к безумию. Повелитель ужаса был высокомерен, решив, что он превосходит человеческого принца. Артас должен был верить, что он здесь. Должен был. Значит, Мал'Ганис здесь и заманил его в ловушку. Все эти мысли были ему неприятны, и чем больше он об этом думал, тем больше выходил из себя.

Так было, пока на вторую неделю поисков Артас не нашел то, что вернуло ему хоть капельку надежды. Его воины разделились, и одна из групп разведчиков доложила ему о большом сборище мертвецов. Они нашли поселение, возле которого было много нежити… лежащей по частям на холодной земле. И прежде, чем Артас успел понять, что бы это значило, над ним засвистели пули.

– Враг атакует! – выкрикнул Артас. – В укрытие!

Отряд разбежался кто куда, прячась за деревьями, скалами и

даже за сугробами. Но обстрел прекратился так же внезапно, как и начался, и тут же раздался гортанный крик.

– Черти кровавыя! Так вы не ожившие мертвецы? Вы все живия?

Это был голос, который Артас никак не ожидал услышать в этом заброшенном краю. У него был только один знакомый, кто мог ругаться с таким запалом. На мгновение, Артас забыл о том, зачем он здесь и что искал, и почувствовал лишь восхищение и теплые воспоминания прошлого.

– Мурадин? – удивленно вскрикнул Артас. – Мурадин Бронзобородый? Не ты ли это?

Из-за оружейного ряда осторожно выступил крепкий дварф. Его суровое лицо расплылось в теплой улыбке.

– Проклятье, парень! Я и подумать не мог, что именно ты придешь, чтобы спасти нас!

Он шагнул вперед. Борода на его лице, которую Артас помнил с юности, разрослась еще больше, если такое вообще возможно. Глаза, вокруг которых стало еще больше морщин, горели от радости. Он подошел к Артасу и обнял его за талию. Артас засмеялся – о Свет, как давно он не смеялся – и обнял своего старого друга и учителя в ответ. И только когда они разомкнули объятия, Артас понял значение слов Мурдина.

– Спасти? Мурадин, я даже не знал, что ты здесь. Я пришел, чтобы… – сказав это, он неловко замолчал. Он не знал, как Мурадин отнесется к его словам, и вместо этого просто улыбнулся.

– Это может подождать, – сказал он. – Пойдем, старый друг. У нас неподалеку есть лагерь. Кажется, вы давненько не видели горячей еды.

– Если у вас есть еще и эль – тогда с радостью.

Когда Артас, Мурадин, его заместитель Баэлган и другие дварфы пришли в лагерь, в воздухе запахло праздником. Артас знал, что дварфы привыкли к холоду и были крепкими силачами, но заметил, с какой благодарностью они смотрели на поданное им горячее мясо. У него появилась куча вопросов к Мурадину и его воякам, но он заставил себя отложить их до поры до времени. Когда они достаточно отдохнули, он отвел Мурадина от центра лагеря, к своей личной палатке.

– Что ж, – начал он, прервав непрерывный процесс поглощения его старым учителем горячей еды, скорости которого позавидовала бы и гномья машина. – Что же все-таки привело вас сюда?

Мурадин откусил кусочек мяса и глотнул эля.

– Ладно, парень. Только не нужно трепаться об этом всем,

лады?

Артас с пониманием кивнул. Только несколько членов команды присвоенных им кораблей знали, зачем на самом деле он поплыл в Нордскол.

– Я ценю твое доверие, Мурадин.

Дварф похлопал ему по плечу.

– Ты вырос славным малым, парень. Раз уж ты смог найти нас среди этих клятых земель, ей-Свет, тебе можно рассказать, что мы тут забыли. Это все из-за одной старой легенды. Мой народ всегда любил редкие вещи, зна?

Его глаза блеснули странным светом. Он оторвал еще кусок мяса.

– И вправду, – кивнул Артас. Он слышал как-то, что Мурадин был одним из основателей так называемой Лиги Исследователей. Ее штаб находился в Стальгорне и ее члены путешествовали по всему свету в поисках сокровищ археологии. – Значит, ты тут по делам Лиги?

– Угум, так и есть. Я был здесь уже много раз. Очаровательная тут земля. Не отдает свои тайны без боя… Я б сказал, что это интригует…

Он порылся в своей сумке и достал оттуда журнал в толстом кожаном переплете, видавшем деньки получше, и сунул его Артасу. Принц взял его и пролистал. Там были сотни зарисовок животных, пейзажей и руин.

– Здесь есть намного больше, чем кажется на первый взгляд.

Глядя на зарисовки, Артас не мог не согласиться.

– Большую часть времени мы только бродим по краям, – продолжил Мурадин. – Исследуем, присматриваемся…

Артас закрыл книгу и отдал ее Мурадину.

– Когда мы встретились, ты удивился, что мы не ожившие мертвецы. Ты ведь уже долго здесь, правда? Что ты успел изучить?

Мурадин отправил в рот последний кусочек мяса со своей тарелки, начисто вытер ее хлебом и отправил его вслед. Он легонько вздохнул.

– Эх, как я скучаю по печенюшкам вашего придворного пекаря… – он нарыл в сумке свою трубку. – Что касается твоего вопроса – мы здесь достаточно долго, чтоб понять, что что-то тут нечисто. Тут появилась… какая-то сила, да. Это плохо, и скоро станет еще хуже. Я говорил уже с твоим отцом, да – думаю, что этой силе скоро станет тесно в Нордсколе.

Артас придушил в себе нахлынувшие беспокойство и волнение и взял себя в руки.

– Думаешь, мой народ под угрозой?

Мурадин откинулся назад и раскурил трубку. Приятный запах табака поддразнил ноздри Артаса, напомнив ему старые добрые времена.

– Да, Артас. Я думаю, что это связано с созданием этой отвратной нежити.

Тогда Артас рассказал ему все, что знал сам. Говорил он быстро и спокойно, рассказывая Мурадину об зараженном зерне. О Кел'Тузеде, о Культе Проклятых, о своей первой встрече с крестьянами, обращенными в нежить. О том, что за чумой стоит Мал'Ганис, повелитель ужаса во плоти, и о том, что именно он заманил его за собою в Нордскол.

Он косвенно упомянул о событиях в Стратхольме.

– Чума добралась даже туда, – сказал он. – И я сделал все, что мог, чтобы не дать Мал'Ганису обратить его жителей в мертвых рабов его воли.

Этого хватит. Все правильно. Он не был уверен, что Мурадин поймет ужасную необходимость поступка, совершенного Артасом. Джайна и Утер не поняли – а они ведь видели то же, что и он.

– Плохи дела, да… – проворчал Мурадин. – Быть может, тот артефакт, который я ищу, может помочь нам в войне против этого повелителя ужасов. Такие вещи находятся редко, но метко. Мы о нем вообще узнали только недавно, но успели многое проведать. Долго и нудно искали, да. У нас была парочка волшебных вещей, чтобы найти его – но пока не повезло.

Он посмотрел мимо принца на дикую округу, и в его глазах появилась мрачность, которую Артас никогда не видел раньше.

Артаса съедало любопытство, но он не хотел показаться Мурадину нетерпеливым ребенком, которым его помнил учитель.

Мурадин вновь взглянул на Артаса.

– Мы ищем рунный клинок, что зовется Ледяная Скорбь.

Ледяная Скорбь. Со звуком этого имени по телу Артаса пробежала легкая дрожь. Зловещее название для клинка из легенд. Рунные клинки не считались невероятной вещью, но это было очень редкое и чрезвычайно сильное оружие. Он взглянул на свой молот с щербатой деревянной рукояткой, который он отложил прежде, чем начать разговор с Мурадином. Это был прекрасный молот, и он любил его, хоть Свет вокруг него, казалось, в недавних пор потускнел, а порой и вовсе гас.

Но рунный клинок…

Он знал, что ему нужно делать, будто сама судьба шепнула решение ему на ухо. Нордскол был землей огромных размеров. Их встреча с Мурадином не могла быть просто совпадением. Если бы у него была Ледяная Скорбь… Да, с ней он смог бы победить Мал'Ганиса. Покончить с чумой. Спасти свой народ. Они с

дварфом встретились не случайно. Это была судьба.

Мурадин продолжил рассказ, и Артас стал внимательно его слушать.

– Мы приехали сюда найти этот клинок, но чем ближе мы подходили к нему, тем больше врагов вставало у нас на пути. И я слишком стар, чтобы считать это случайностью.

Артас тепло улыбнулся. Значит, Мурадин тоже не верит в совпадения. Уверенность все больше охватывала его.

– Думаешь, Мал'Ганис не хочет, чтобы мы нашли его?

– Думаю, он был бы не рад видеть, как ты бросаешься на него с таким вот клинком в руке, вот в чем правда.

– Мы можем помочь друг другу, – предложил Артас. – Мы поможем вам, а ваша Лига найдет Ледяную Скорбь и поможет нам в войне с Мал'Ганисом.

– Звучит хорошо, – согласился Мурадин, пуская из рота пахучие иссиня-черные клубы дыма. – Артас, парень… А у вас есть еще пиво?

Шли дни. Мурадин и Артас объединили усилия. Теперь они искали одновременно и Мал'Ганиса, и рунный клинок. В конце концов они решили, что лучше всего будет отправить флот чуть дальше на север и разбить там новый лагерь. Они защищались не только от нежити, но и от голодных и грязных волков, существ с телом человека и шерстью росомахи, и от расы северных троллей, что чувствовали себя среди холодных ветров как дома, почти как их сородичи в жарких джунглях Тернистой долины. Мурадин не столь удивился им, как людской принц. Маленькие племена этих "снежных троллей" жили совсем неподалеку Стальгорна, столицы дварфов.

Артас узнал от Мурадина, что у нежити были здесь свои города. Странные, похожие на зиггураты здания, пропитанные темной волшбой, принадлежали раньше древней и, судя по всему, уже увядшей расе. Так что им предстояло не только упокоить ходячих мертвецов, но и разрушить их убежища. Но за много дней, казалось, Артас ни на шаг не приблизился к цели. Везде были следы злодеяний Мал'Ганиса – но ни намека на самого повелителя ужаса.

Поиски Ледяной Скорби Мурадином были более успешными. Подсказки, тайные и явные, сужали область поисков, но рунный клинок все еще казался лишь легендой среди окружавшей их действительности.

В день, когда все изменилось, Артас был в скверном расположении духа. Он возвращался в их наскоро построенный лагерь из неудачного похода, голодный, замерзший и уставший.

Он был столь раздражен своей неудачей, что не сразу заметил одну значимую вещь.

Стражей не было на постах.

– Что за… – он оглянулся на Мурадина. Тот немедленно выхватил топор. Вокруг не было никаких трупов. Что, впрочем, неудивительно,– если бы нежить напала, пока их не было на месте, то мертвые тела были бы сразу же подняты в поток их армии. Но должны были остаться хотя бы следы борьбы… а их не было.

Они осторожно и тихо прошли вперед. Лагерь был почти пуст… но где-то у сложенных палаток стояла горстка людей. Они заметили Артаса и отдали ему честь. На его немой вопрос ответил один из его капитанов, Люк Валонфорт.

– Простите, милорд! По требованию лорда Утера ваш отец отзывает войска.

Глаз Артаса забился в нервном тике.

– Мой отец… отзывает мои войска? По требованию Утера?

Капитан взволнованно покосился на Мурадина и ответил.

– Да, сэр. Мы хотели дождаться вас, но посол был весьма настойчив. Наши люди пошли на северо-запад, чтобы встретится с флотом. Наши разведчики сообщили, что все дороги туда заняты нежитью, и они расчищают путь сквозь густые леса. Уверен, они пока еще недалеко.

– Конечно, – сказал Артас, выдавив улыбку, хотя внутри него все вскипело. – Простите, мы на минутку.

Он положил руку на плечо дварфа и отвел его в сторонку, подальше от чужих ушей.

– Мне жаль, парень. Уходить ни с чем после всего…

– Нет.

– Ты не вернешься назад? – Мурадин моргнул.

– Не вернусь. Мурадин, без армии я не смогу победить Мал'Гануса. И тогда никто не сможет остановить чуму! – он начал выходить из себя, и на его крик оглянулась парочка солдат.

– Парень, он – твой отец. Король. Ты не можешь не выполнить его приказ. Это – предательство.

Артас фыркнул. Быть может, это отец предает свой народ, подумал он, но не сказал вслух.

– Я лишил Утера звания. Я распустил орден. Он не имел права делать этого. Он обманул отца.

– Хорошо, когда ты вернешься, у вас будет милая беседа. Ты покажешь ему, что ты – прав, если все так, как ты говоришь. Но ты не можешь не выполнить приказ.

Артас бросил на дварфа резкий взгляд. Если все так, как он говорит? Этот проклятый дварф намекал, что Артас лгал ему?

– Ты прав только в одном. Мои люди верны тому, кого считают высшей властью. Они никогда бы не вернулись домой посреди похода, если бы не было приказов сверху, – он глубокомысленно потер подбородок и улыбнулся, когда у него назрела идея. – Именно! Мы отрежем им путь домой! Они не выполнят приказ – они просто не смогут.

Дварф так нахмурил густые брови, что они слились в одну.

– О чем это ты?

Артас заговорщически улыбнулся ему и раскрыл свою затею.

Мурадин был потрясен.

– Не слишком ли это круто, парень?

Тон Мурадина говорил, что это очень даже слишком, чертовски больше, чем слишком. Но Артас пропустил это мимо ушей. Мурадин просто не понимал все так, как Артас. Но скоро поймет. Когда они наконец встретятся с Мал'Ганусом, Артас знал, что победит повелителя ужасов. Чума перестанет угрожать его народу. Сжечь корабли – это совсем немного для спасения целой нации Лордерона.

– Я знаю, это звучит ужасно, но я должен сделать это. Должен.

Уже спустя несколько часов Артас стоял на Забытом Вморье и смотрел, как догорал его флот.

Ответ был прост. Люди не могли уплыть домой – не могли оставить его – без кораблей. И поэтому Артас сжег их дотла.

Он пробился через лес, наняв наемников, чтобы разделаться с нежитью, и затем облил деревянные суда нефтью и поджег их. Земле вечного холода и полумрака жар и свет пожара пошли только на пользу. Артас прикрыл рукою глаза, отвыкшие от яркого света.

Рядышком сидел Мурадин и тяжело вздыхал. Он и другие дварфы вздыхали и ворчали, глядя на пламя. Они не были уверены в том, что поступили правильно. Лицо Артаса было теплым от костра, а спине было холодно, но он с торжествующим видом смотрел, как мачта одного из кораблей громко треснула и обвалилась в языках пламени.

– Будь проклят Утер, за то что он заставил меня пойти на это, – пробормотал он.

Он еще покажет этому паладину – бывшему паладину. Он еще покажет и Утеру, и Джайне, и своему отцу. Он следовал своему долгу, каким бы ужасным и зверским он ни был. Он вернется с триумфом, сделав то, что было необходимо – то, чего слабовольные ужаснулись. Его готовность взять на себя ответственность спасет его народ.

За треском пожара пропитанных нефтью судов он не сразу услышал отчаянные крики людей, что увидели флот в огне.

– Принц Артас! Наши корабли!

– Что стряслось? Как нам теперь добраться домой?

Эта идея созрела в его голове еще пару часов назад. Артас знал, что его людей ошеломит вид сожженного флота. Они пойдут за ним куда угодно, да. Но Мурадин прав. Приказ его отца для них был выше его слов. И Мал'Ганис был близок к победе. Все они не могли понять, как важно устранить эту угрозу здесь и сейчас.

Он посмотрел в сторону своих наемников.

Их никому не жалко.

Они продадутся кому угодно. Если бы кто-то заплатил им за его голову – они снесли бы ее так же легко, как решились помочь ему. Такие как они убили многих – хороших людей, благородных людей. Невинных. Их бессмысленная гибель должна быть отмщена. А если воины Артаса не будут всем сердцем преданы ему – он никогда не победит.

Он не допустит этого.

– Вперед, мои воины, – крикнул он, обнажив молот. Тот не пылал Светом, хотя Артас уже и не ждал этого. Он указал на наемников, что на маленьких лодках перевозили припасы с горящих кораблей на берег.

– Враги сожгли наши корабли и отрезали нам путь домой! Уничтожим их! Во имя Лордерона!

И он исполнил приговор.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Артас узнал звук частой, но тяжёлой поступи Мурадина прежде, чем дворф рванул на себя полу палатки и воззрился на него. Долгое время они глядели друг на друга, затем Мурадин отдёрнул голову назад и выпустил занавесь, позволив ей опасть. На мгновение Артас мыслями перенёсся в то время, когда был ребёнком, беспорядочно делающим выпады тренировочным мечом вдоль комнаты. Он нахмурился и поднялся, последовав за Мурадином туда, где они были вдалеке от прочих.

Дворф слов не смягчал.

— Ты солгал своим людям и предал наёмников, которые сражались за тебя! — отрывисто выпалил Мурадин, сунувшись к лицу Артаса настолько, насколько позволял его намного меньший рост. — Это не тот парень, которого я учил. Это не тот человек, который был посвящён в орден Серебряной Длани. Это не мальчик Теренаса.

— Я ничей не мальчик, — сплюнул Артас, толкнув Мурадина. — Я сделал то, что счёл нужным.

Он был наполовину уверен, что Мурадин ударит его, но вместо того, похоже, гнев его старого тренера стал иссякать.

— Да что с тобой происходит, Артас? — тихо произнёс Мурадин, в голосе его чувствовалась буря смущения и боли. — Неужто месть — единственное, что что-то для тебя значит?

— Пощади меня, Мурадин, — досадливо проворчал Артас. — Ты не был там и не видел, что МалГанис сделал с моей родиной. Что сделал он с невинными мужчинами, женщинами, детьми!

— Зато я слышал, что сделал ты, — тихо сказал Мурадин. — Кой-какие твои люди слегка разговорились, когда эль развязал им языки. Я знаю, что думаю — но знаю также, что не могу тебя судить. Ты прав, я там не был. Хвала Свету, мне не пришлось принимать подобных решений. Но даже коли так — что-то происходит. Ты...

Его прервал грохот мортир и крики тревоги. В мгновение ока Мурадин и Артас обнажили оружие и вернулись к лагерю. Бойцы ещё беспорядочно расхватывали оружие. Фалрик лающим голосом выкрикивал людям приказы, а Белган организовывал дворфов. С внешней стороны лагеря доносились звуки свалки, и Артас увидел приближающуюся волну нежити. Его руки стиснули молот. Все признаки указывали на скоординированную атаку, а не случайное столкновение.

— Тёмный Властелин предсказал твоё появление, —

раздавшийся голос уже был хорошо знаком Артасу. Его поглотила эйфория. Мал'Ганис здесь! Это всё-таки была не безумная затея!

— Здесь окончится твой путь, мальчик. В ловушке и холоде на вершине мира, где лишь смерть разнесёт весть о твоей судьбе.

Мурадин поскрёб бороду, его острый взгляд метался. Снаружи лагеря раздались звуки боя.

— Плохо дело, — признал он с типичной дворфийской сдержанностью. — Мы полностью окружены.

Артас уставился на него с мукой во взоре.

— Мы могли бы сделать это, — прошептал он. — Будь у нас Ледяная Скорбь... мы могли бы это сделать.

Мурадин отвёл взгляд.

— Там... что ж, парень, у меня были сомнения. Насчёт меча. Да и насчёт тебя, если честно.

Артасу понадобилась секунда, чтоб осознать, что Мурадин сказал.

— Ты... ты имеешь в виду, что выяснил, как его найти?

Едва Мурадин кивнул, Артас схватил его за руку.

— Да каковы бы ни были твои тревоги, Мурадин, не можешь же ты и сейчас сомневаться. Не теперь, когда здесь Мал'Ганус. Если знаешь, где он, так отведи меня к нему. Помоги мне заполучить Ледяную Скорбь! Ты сам сказал — ты не думаешь, что Мал'Ганусу хотелось бы увидеть меня с этим мечом в руке. У Мал'гануса сил больше, чем у нас. Без Ледяной Скорби мы погибнем, ты же знаешь, что это так!

Мурадин ответил ему мучительным взглядом, потом прикрыл глаза.

— Не нравится мне всё это, парень. Вот почему я раньше особенно не усердствовал… Что-то, связанное с этим артефактом… То, откуда появилась информация… Не правильно это всё. Но я обещал довести это до конца. Иди и собери кой-какой народ, а уж я тебе разыщу этот рунный клинок.

Артас хлопнул по плечу старого друга. Вот он, шанс. *Я достану этот клятый клинок и проткну твоё сердце насквозь, повелитель ужаса. Я заставлю тебя заплатить.*

— Прикройте эту брешь! — кричал Фалрик. — Даван, огонь!

Грохот мортиры гулял по лагерю, пока Артас нёсся к своему первому помощнику.

— Капитан Фалрик!

Фалрик повернулся к нему.

— Сэр... нас совершенно обложили. Какое-то время мы продержимся, но в конце концов они собираются нас измотать. Кого бы и что бы мы ни потеряли — всё им прибавится.

— Знаю, капитан. Мурадин и я собираемся отправиться на

поиски Ледяной Скорби, — Глаза Фалрика слегка расширились, выражая сразу и шок, и надежду. Артас поделился знанием о мече и его предположительно огромной силе с некоторыми своими наиболее доверенными людьми. — Когда мы получим его, это будет верная победа. Сумеешь выиграть нам время?

— Да, Ваше Высочество, — усмехнулся Фалрик, но даже когда говорил это, он по-прежнему выглядел обеспокоенным. — Мы придержим этих мёртвых ублюдков.

Спустя несколько мгновений Мурадин, вооружённый картой и странным мерцающим предметом, присоединился к Артасу и горстке его бойцов. На губах его застыло неодобрение, в глазах стояло несчастье, но тело было собранным. Фалрик подал сигнал и начал отвлекать врага на себя. Большая часть нежити внезапно развернулась и сосредоточила свои усилия на нём, оставляя тылы лагеря открытыми.

— Идём, — неумолимо произнёс Артас.

Мурадин выкрикивал команды о направлении, поочерёдно сверяясь с картой и мерцающим предметом, который, похоже, неравномерно пульсировал. Они двигались по глубокому снегу, туда, куда он указывал, настолько быстро, насколько было возможно, лишь изредка делая кратчайшие передышки, чтоб осмотреться. Небо темнело, сгущались тучи. Ещё больше замедляя их движение, посыпал снег.

Артас шагал автоматически. Снег не давал видеть далее, чем на несколько метров вперед. Он больше не замечал, в каком направлении идёт, да это его и не заботило, он лишь передвигал ноги, следуя за ведущим их Мурадином. Время, казалось, потеряло значение. Он мог идти несколько минут, а мог и часы.

Разум его был поглощён раздумьями о Ледяной Скорби. Их спасении. Артас знал, что так оно и будет. Но смогут ли они добраться до меча прежде, чем его люди в лагере падут под натиском нежити и её демонического хозяина? Фалрик сказал, что какое-то время они продержатся. Знать наверняка, что Мал'Ганис здесь, в его собственном лагере, и не иметь возможности напасть было...

— Там, — указав, почти благоговейно произнёс Мурадин, — он внутри.

Артас заколебался, его часто моргающие глаза были сужены в щёлки из-за сыплющего снега, ресницы схватило льдом. Они стояли перед зевом пещеры; застывший, он выглядел зловеще в водовороте снежной тьмы пасмурного дня. Изнутри шло какое-то подобие света, мягкое сине-зелёное сияние, которое он едва мог уловить. По нему, изнурённому и замёрзшему, прокатилось

возбуждение. Он заставил онемевший рот исторгнуть слова.

— Ледяная Скорбь... и смерть Мал'Ганиса. Конец чуме. Ну же!

У него, казалось, открылось второе дыхание, и он ускорил шаг, принуждая ноги повиноваться.

— Парень! — голос Мурадина резко осадил его. — Такое ценное сокровище не будет так просто лежать и ждать любого, кто отыщет. Мы должны двигаться с долей осторожности.

Артас сердился, но Мурадин знал больше толку в подобных вещах. А потому он кивнул, крепко сжал свой молот и осторожно вошёл. Немедленное избавление от ветра и безумного снегопада его подбодрило, и они углубились в сердце пещеры. Оказалось, что сияние, которое он уловил снаружи, исходило от мягко мерцающих бирюзовых кристаллов и рудных жил, проявившихся на скальных стенах, полах и потолках. Он слыхал о таких светящихся кристаллах и теперь был благодарен за тот свет, что они давали. Его отряд мог сосредоточиться на том, чтобы держать оружие, а не факела. Когда-то его молот испускал бы довольно сияния, чтоб освещать им путь. Из-за этой мысли он насупился, но потом выгнал её из головы. Неважно, откуда шёл свет для зрения, важно лишь, что он вообще был.

Тогда они и услышали голоса. Мурадин был прав, их ждали.

Голоса были низкими, глухими и ледяными, их зловещие слова плыли в уши Артаса.

— Возвращайтесь назад, смертные. Лишь смерть и тьма ждут вас в этом брошенном тайнике. Вы не пройдёте.

Мурадин застыл.

— Парень, — сказал он мягко, хотя голос его, казалось, вечно будет отдаваться эхом в этом месте, — быть может, нам стоит их послушать.

— Что послушать? — вскричал Артас. — Последнюю жалкую попытку заставить меня свернуть с намеченного пути спасения своего народа? Для этого потребуется нечто большее, чем грозные слова.

Сжимая молот, он поднажал, завернул за угол — и замер в отпечатках своих следов, пытаясь во всё поверить.

Они нашли обладателей ледяных голосов. На мгновение Артас вспомнил послушного водяного элементаля Джайны, который помог ей отбиться от огров в тот давний день перед тем, как всё столь зловеще и ужасно завертелось. Существа, парящие над холодным каменным полом пещеры, были сотворены изо льда и неестественного вещества вместо воды и облачёны в броню, которая, похоже, вырастала из них и была их частью. У них были шлемы без лиц, перчатки, оружие и щиты без рук.

Какими бы тревожными ни были они, Артас уделил этим

грозным элементальным духам не более чем мимолётный взгляд, ибо глаза его привлекла цель, ради которой они пришли сюда.

Ледяная Скорбь.

Она покоилась в парящей, зазубренной глыбе льда, и руны, тянущиеся по всей длине лезвия, мерцали холодно-синим светом. Под нею было подобие постамента, стоящего на большой, плавно вздымающейся насыпи, припорошенной снегом. Слабый свет, проникающий откуда-то высоко сверху, где пещера открывалась солнечным лучам, ниспадал на рунный клинок. Ледяная тюрьма скрывала некоторые детали формы и внешнего вида Ледяной Скорби, искажала другие. Она была одновременно открыта и скрыта, ещё более искушающая, будто новая любовница, мельком увиденная сквозь газовую занавесь. Артас узнал клинок — ведь то был тот самый меч, что он видел во сне, когда они едва ступили на эту землю. Не тот меч, что убил Непобедимого, но тот, что вернул его, излечённого и полного сил. Тогда он счёл это добрым знамением, но теперь знал, что это истинный знак. Это было то, что он должен был найти. Этому мечу суждено изменить всё. Артас восхищённо уставился на него, руки его почти ощутимо ныли, жаждая схватить, обвить пальцами рукоять, почувствовать гладкий взмах удара. Который покончит с Мал'Ганисом, со страданием, на которое он обрёк жителей Лордерона, оборвёт жажду мести Артаса. Притягиваемый мечом, он сделал шаг.

Жуткий элементальный дух извлёк свой ледяной меч.

— Возвращайтесь, пока не слишком поздно, — нараспев произнёс он.

— Всё ещё пытаешься защитить меч? — проворчал Артас, разозлённый и смущённый его реакцией.

— Нет, — голос существа буквально громыхнул этим словом. — Пытаюсь защитить тебя от него.

На секунду Артас удивлённо воззрился на него. Потом он тряхнул головой, решительно сужая глаза. Это не более, чем уловка. Он ни за что не отвернётся от Ледяной Скорби — от спасения своего народа. Он не поддастся лжи. Он кинулся в атаку, и отряд его последовал за ним. Существа сомкнулись пред ними, нападая своим непривычным оружием, но Артас сосредоточил всё внимание на их предводителе, том, кому назначено было охранять Ледяную Скорбь. Всю его сдерживаемую надежду, тревогу, ярость, разочарование — всё это он обрушил на странного защитника. Его люди последовали примеру, отражая нападение прочих элементальных защитников меча. Молот его взлетал и опускался, взлетал и снова опускался, дробя ледяную броню под крики гнева, которые исторгала его глотка. Как смела эта тварь встать между ним и Ледяной Скорбью? Как смела она...

С заключительным звуком агонии, похожим на хрип, вырывающийся изо рта погибающего, дух ринулся прочь из того, что было похоже на руки, и растворился.

Артас встал, запыхавшийся, с широко раскрытыми глазами, воздух белыми облачками срывался с его окоченевших губ. Затем он повернулся к с таким трудом добытому призу. Все опасения исчезли, едва его взгляд вновь лёг на меч.

— Смотри, Мурадин, — выдохнул он, зная, что его голос дрожит, — вот оно, наше спасение — Ледяная Скорбь.

— Погоди, парень, — резкие слова Мурадина, почти приказ, были для Артаса как холодный душ. Он моргнул, выбитый из состояния поглотившего его восторга, и обернулся взглянуть на дворфа.

— Что? Почему? — спросил он.

Мурадин — глаза его были сужены — взирал на парящий меч и постамент под ним.

— Что-то здесь не так, — он ткнул в рунный клинок толстым пальцем. — Всё было чересчур просто. Ну взгляни на него, висит тут, озаряемый светом не пойми откуда, будто цветок, только и ждущий, чтоб его сорвали.

— Слишком просто? — Артас наградил его неверящим взглядом. — У тебя ушло довольно много времени на поиски. И нам пришлось сражаться с этими тварями, чтобы добраться до него.

— Ха, — фыркнул Мурадин. — Всё, что я знаю об артефактах, подсказывает мне, что здесь что– то нечисто, прям как на причалах Пиратской Бухты, — он вздохнул, брови его по-прежнему были испещрены морщинами. — Постой... здесь, на постаменте, надпись. Посмотрим, сумею ли я прочесть. Это может нам что-то сказать.

Оба приблизились, Мурадин — чтоб опуститься на колени и взглянуть на начертанное, Артас — чтоб подобраться ближе к манящему мечу. Надписи, которая так заинтересовала Мурадина, он уделил лишь поверхностный взгляд. Она не была написана ни на одном из известных ему языков, но дворф, похоже, мог её прочесть, судя по тому, как глаза его бегали по буквам.

Артас поднял руку и погладил разделявший их лёд — гладкий, лоснящийся, губительно холодный — да, то был лёд, но было в нём что-то необычное. Он не был просто замёрзшей водой. Он не знал, почему мог сказать это, но это было так. В нём было нечто очень могущественное, почти неземное.

Ледяная Скорбь...

— Ага, думаю, распознал это. Написано на Калимаге, языке элементалей, — продолжил Мурадин. Он хмурился, читая. —

Это... предупреждение.

— Предупреждение? Предупреждене о чём?

Возможно, дробление льда каким-то образом повредит меч, размышлял Артас. Сам странный кусок льда, впрочем, похоже, был будто отсечён от другой, более крупной глыбы. Мурадин медленно переводил. Артас вполуха слушал, сосредоточив взор на мече.

— Тот, кто возьмёт этот клинок, обретёт власть безграничную. Как клинок терзает плоть, так и власть калечит душу, — дворф вскочил на ноги, взволнованный сильнее, чем Артас когда-либо видел. — Ох, я должен был знать. Меч проклят! Давай уносить отсюда ноги!

Сердце Артаса странно дёрнулось в ответ на восклицание Мурадина. Уносить ноги? Оставить этот меч здесь, парящий в своей замёрзшей тюрьме, нетронутый, неиспользованный, с такой большой властью, которую предлагал? “Власть безграничная,” — обещало начертанное вкупе с угрозой калечить душу.

— Моя душа уже искалечена, — произнёс Артас. Так оно и было. Она была искалечена бесполезной смертью любимого скакуна, ужасом наблюдения, как восстают мёртвые, предательством той, которую любил — да, он любил Джайну Праудмур, теперь, в этот момент, когда душа его, казалось, лежит нагая пред суждением меча, он мог сказать это прямо. Она была искалечена принуждением убивать сотни людей, необходимостью лгать своим спутникам и навеки заткнуть рты тем, кто оспаривал его решения и не подчинялся ему. Столь многое оставило на ней свои шрамы. И уж конечно, отметины, что оставит власть, способная победить ужасное зло, не могут этого превзойти.

— Артас, парень, — сказал Мурадин, его грубый голос умолял. — Тебе и так со многим надо разобраться безо всякого проклятия на твою голову.

— Проклятия? — Артас горько рассмеялся. — Я с радостью приму любое проклятие, чтобы спасти свою родину.

Краем глаза он заметил, как Мурадина продрал озноб.

— Артас, ты знаешь, я серьёзный, бегать от всякой чуши не привык. Но я тебе, парень, говорю, это дело дурное. Оставь всё как есть. Пусть останется тут, потерянный и забытый. Мал'Ганис здесь, что ж, прекрасно. Пусть он свою демоническую задницу приморозит в этой пустоши. Забудь об этом и давай поведём твоих людей домой.

Внезапно разум Артаса наполнил образ людей. Он видел их, а за ними сотни тех, что уже пали жертвами этой ужасной чумы. Пали лишь затем, чтоб подняться лишёнными мыслей гниющими кусками мяса. Как же они? Как же их души, их страдания, их

жертва? Возникло другое видение — огромная глыба льда, того же, что сейчас заключал в себе Ледяную Скорбь. Теперь он видел, откуда появился этот кусок. Это было частью чего-то большего, более сильного — и лёд этот, вместе руническим клинком внутри, был как-то послан ему, чтобы отмстить за павших. В его голове шептал голос: “*Мёртвые требуют мести*”.

Что такое горстка живых людей в сравнении с мучением тех, кто погиб столь ужасно?

— К чёрту людей! — слова, казалось, исторгаются откуда-то из его нутра. — У меня долг перед мёртвыми. Я буду мстить, и никто не встанет у меня на пути, старый друг, — теперь он оторвал взор от меча достаточно, чтобы встретить обеспокоенный взгляд Мурадина, и лицо его чуточку смягчилось. — Даже ты.

— Артас, я учил тебя драться. Я хотел помочь тебе быть хорошим воином и хорошим королём. Но часть бытия воина в том, чтобы выбирать, в какую драку лезть — и каким оружием сражаться, — он ткнул указательным пальцем в Ледяную Скорбь. — А это оружие тебе не стоит класть в свой арсенал.

Мурадин ошибался. Он попросту не понимал. Артас должен был это сделать. Если бы сейчас он ушёл, он бы проиграл, снова, а этого он допустить не мог. Каждый шаг его планов разрушался.

Но не в этот раз.

Он верил в Свет, потому что мог его видеть и использовать его, и он верил в призраков и живых мертвецов, потому что с ними сражался. Но до этого момента он смеялся над идеей незримых сил, духов мест или вещей. Но теперь, когда его сердце ускорило биение с предвкушением и тоской, с тягой, источавшей самую его душу, слова сорвались с его губ, будто по собственному желанию, наполненные его пугающим желанием.

— Я взываю к духам этого места, — произнёс он, дыхание его замерзало в холодном, недвижном воздухе. Пред ним, недоступная, но ждущая его, взвешенная, парила Ледяная Скорбь. — Каковы бы ни были вы, добрые ли, недобрые или те и другие вместе. Я чувствую, что вы здесь. Я знаю, вы внемлете. Я готов. Я понимаю. И ныне говорю вам — я отдам всё и заплачу любую цену, если вы поможете мне спасти мой народ.

Долгое, ужасное мгновение ничего не происходило. Выдох его замёрз, расплылся, замёрз вновь, и брови усеял холодный пот. Он предложил всё, что имел — неужели ему отказали? Неужели он снова проиграл?

Потом с низким стоном, от которого у него перехватило дыхание, по гладкой поверхности льда пробежала неожиданная трещина. Она ускорила свой бег вверх, виляя и расширяясь, пока Артас едва не потерял из виду меч, хранящийся в сердцевине.

Снова его охватило смущение, в уши ударил внезапный громкий треск, заполнивший залу.

Ледяная могила, заключавшая меч, взорвалась. Осколки разлетелись по зале, сами по себе словно мечи, острые и зазубренные. Они долбились о твёрдый каменный пол и стены, но даже пав на колени и механически вскинув руки, чтоб прикрыть голову, Артас услышал внезапно оборвавшийся крик.

— Мурадин!

Удар ледяного осколка отбросил дворфа на несколько метров. Теперь он неуклюже развалился на холодном каменном полу, и ледяное копьё торчало из середины его тела, вокруг него медленно растекалась лужа крови. Глаза его были закрыты, тело безвольно. Артас вскочил и поспешил к старому другу и тренеру, сдёргивая рукавицу. Он скользнул рукой по слабому телу, поместил ладонь на рану, воззрился на неё, желая, чтобы пришедший Свет наполнил его руки живительной энергией. Его раздирало чувство вины.

Так вот какой была зловещая цена. Не его жизнь, но жизнь его друга. Того, кто заботился о нём, учил и поддерживал его. Он склонил голову, глаза его жгли слёзы, и молился.

Это моя глупость. Моя цена. Прошу...

И тогда, словно знакомую ласку любимого друга, он ощутил это. Свет стремился сквозь него, утешающий и тёплый, и он проглотил всхлип, когда увидел, как сияние вновь начало окутывать руку. Он пал так низко, но не было слишком поздно. Свет не оставил его. Всё, что ему было нужно, это испить его, открыть ему своё сердце. Мурадин не умрёт. Он мог его вылечить, и вместе они...

Что-то пробежало по его загривку. Нет, нет, не по загривку... по отдалённому краю сознания. Он быстро поднял глаза...

И воззрился в изумлении.

Она освободилась от оков, чтобы явиться перед ним, её сине-белые руны окутывали её холодным и блестящим светом. Его собственный Свет опал с его рук, когда он поднялся, почти загипнотизированный. Ледяная Скорбь ждала его — любовница, которой нужно было касание желанного, чтобы пробудиться в истинной славе.

Шептание на задворках его ума продолжилось. Это был правильный путь. Глупо было доверяться Свету. Он неоднократно предал его. Он не пришёл, чтоб спасти Непобедимого, его было мало, чтобы остановить неумолимую поступь чумы, которая изничтожала население его королевства. Мощь, сила Ледяной Скорби — это была единственная вещь, способная встать против могущества повелителя ужаса.

Мурадин был среди потерь этой ужасной войны. Но, надо надеяться, жертва его будет последней. Артас встал и сделал несколько нетвёрдых шагов к сияющему оружию, его рука, всё ещё вымоченная в крови друга, тянулась, дрожа. Она сомкнулась на рукояти, и пальцы обвились вокруг черенка, лёгшего в руку словно влитой, будто одно было сотворено для другого.

Его пробил холод, заставляя плечи затрепетать, распространяясь по телу и приходя в сердце. На мгновение нахлынула боль, и он знал знак тревоги, но вдруг всё стало в порядке. Всё было как надо; Ледяная Скорбь принадлежала ему, а он принадлежал ей, и её голос говорил, шептал, ласкал изнутри его разум, будто всегда был там.

С криком восторга он воздел оружие, взирая на него с удивлением и горячей гордостью. Он всё исправит — он, Артас Менетил, и славная Ледяная Скорбь была теперь такой же частью его, как разум, сердце или дыхание, и он пристально слушал секреты, которые она открывала.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Артас и его люди поспешили к лагерю, где, как оказалось, в их отсутствие битва не утихла. Число его солдат сокращалось, но трупов нигде не было видно. Он и не ожидал их увидеть – павшие сразу становились врагами под командованием повелителя ужаса.

Фалрик, чья броня была все измазана кровью, поспешил к нему.

– Принц Артас! Мы сделали все, что могли и... где Мурадин? Мы больше не можем сдерживать их натиск!

– Мурадин мертв, – ответил Артас. Холодная, но успокаивающая сущность меча, казалось, немного ослабла, и боль наполнила его сердце. Мурадин заплатил высокую цену – но это жертва будет не напрасной, если Мал'Ганис падет. Дворф согласился бы с ним, он же все знал и понимал так же хорошо, как и Артас. Дворфы Мурадина были поражены известием, но они продолжали отстреливать одну напирающую на них волну нежити за другой.

– Его смерть не была напрасной. Мужайтесь, капитан. Враг не сможет противостоять мощи Ледяной Скорби!

Все посмотрели на него с недоверием, но Артас, не обращая на это внимания, бросился в бойню.

Он считал, что хорошо сражался своим благословенным молотом, теперь оставленным и забытым в ледяном склепе, где когда-то была заточена Ледяная Скорбь, – но это было ничто по сравнении с ним, какой урон сейчас он наносил клинком. Ледяная Скорбь была словно продолжением его самого, а не оружием. Он быстро вошел в ритм и начал шинковать нежить, словно она была многочисленными стеблями зерна, падающими от взмахов косы во время сбора урожая. Оружие в его руках было совершенно и хорошо сбалансировано. Одним разящим взмахом от снял голову с плеч вурдалака. Он отдернул Ледяную Скорбь назад и раздробил кости скелета. Другой ритмичный удар повалил третьего врага. Все они падали возле него, он пробивал себе путь через них, и позади него росла груда гниющих тел. Один раз, когда он замер в поиске своего следующего противника, он заметил уставившегося на него Фалрика. Его лицо выражала благоговение, но также шок и... ужас? Только в резне он мог излить свой гнев. Ледяная Скорбь почти пела в его руках.

Поднялся ветер и пошел снег, густой и тяжелый. Ледяная Скорбь, казалось, была лишь рада усилившемуся снегопаду, ничуть не мешавшему Артасу. Вновь и вновь меч находил свою

жертву, и все больше мертвых падало замертво. Наконец, с миньонами нежити было покончено. Настало время их повелителя.

– Мал'Ганис, ты трус! – закричал Артас, и даже собственный голос, легко перекрывший вой ветра, теперь показался ему незнакомым. – Выходи и покажи себя! Ты осмеивал меня, заставив прибыть сюда, теперь же сам предстань передо мной!

И повелитель демонов появился, еще громаднее, чем его помнил Артас, злобно ухмыляясь и глядя вниз на принца. Он распрямился во весь свой внушительный рост, его крылья забились об воздух, его хвост хлестнул землю. Воины нежити позади него остановились, как только он небрежно щелкнул пальцами.

Артас был на сей раз готов к жуткому появлению повелителя ужаса. Теперь это его не испугало. Уставившись на своего врага, он бессловесно поднял перед собой Ледяную Скорбь, и руны, выгравированные вдоль всего лезвия клинка, замерцали. Мал'Ганис узнал оружие, и его синие губы слегка ухмыльнулись.

– Так ты все-таки решил заплатить за этот меч жизнями своих друзей, как и предсказывал Темный Властелин. Ты сильнее, чем я думал.

Слова были услышаны Артасом, но были и другие слова, нежно шепчущие в его разуме. Артас выслушал их, и свирепо усмехнулся.

– Ты трать слов понапрасну, Мал'Ганис. Теперь я слышу только голос моего меча.

Повелитель ужаса откинул назад свою рогатую голову и рассмеялся.

– Ты слышишь голос Темного Властелина, – парировал Мал'Ганис. Он указал пальцем, оканчивающимся черным когтем, на могучий рунический меч. – Он говорит с тобой через этот меч!

Артас почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Хозяин повелителя ужаса… говорит с ним через Ледяную Скорбь? Но… как это может быть? Или это последняя уловка демона? Он был одурачен и доставлен прямо в когтистые руки Мал'Ганиса?

– Что он сказал тебе, юный принц? – усмешка вновь исказила лицо Мал'Ганиса, подтверждающая, что он знал кое-что, о чем его собеседник не имел понятия. Повелитель ужаса злорадствовал, упиваясь замешательством принца. – Что сказал тебе Повелитель Тьмы?

И вновь последовал шепот, и на сей раз пришел черед Артасу усмехнуться, полностью скопировав скучающий вид повелителя ужаса. Теперь он знал кое-что, о чем Мал'Ганис даже не подозревал.

Артас занес Ледяную Скорбь над головой – этот огромный клинок был столь легок и изящен в его руках – и затем принял атакующую позу.

– Он сказал, что пробил час отмщения.

Зеленые пылающие глаза демона расширились.

– Что? Он не мог...

Артас атаковал.

Могущественный рунный клинок вознесся и упал вниз. Повелитель ужаса был захвачен врасплох, но лишь на мгновение, после которого он пришел в себя как раз вовремя, чтобы отклонить удар. Он метнулся в сторону, его огромные крылья создали резкий порыв ветра, который растрепал золотые волосы Артаса, но не нарушил его равновесия и не снизил его скорость. Принц нападал снова и снова, его разум был холоден, он был быстр и смертелен, как гадюка, а его меч пылал от рвения. Внезапно его озарило: *Ледяная Скорбь была голодна*.

И часть его спросила с дрожью: *Чего же она жаждет?*

Но это не имело значения. Он, Артас, жаждал мести, и он намеревался ее получить. Каждый раз, когда Мал'Ганис пытался использовать магию, Ледяная Скорбь была тут как тут, отбрасывая его в сторону, изрезая его плоть, изматывая его, пока не наступил момент, когда был нанесен смертельный удар. Артас ощутил, как этого требует Ледяная Скорбь, почувствовал ее жажду; он издал клич, прочертя руническим клинком сверху вниз мерцающую синюю дугу, и лезвие прошло ровно посередине Мал'Ганиса.

Темная кровь забила струей, брызгами падая на снег, и демон упал. На его лице застыла гримаса удивления; даже при смерти он не мог предположить, что может быть побежден.

На секунду Артас застыл, ветер и снег бились об него, жар от рун на лезвии Ледяной Скорби, слегка ослабленный темной демонической кровью, освещал его славную победу.

– Все кончено, – тихо произнес он.

– *Это только часть твоего пути, молодой принц*, – прошептала Ледяная Скорбь – или это был действительно Темный Властелин, о котором говорил Мал'Ганис? Он не знал этого и не хотел узнавать. Он нагнулся и бережно вытер лезвие о снег. – *Но есть еще больше. Намного больше. И столь великая сила может стать твоей. Столько знаний и власти*.

Артас вспомнил, как Мурадин перевел надпись с постамента его меча. Его рука сама по себе направилась к сердцу. Теперь клинок был частью Артаса, а Артас был частью меча.

Метель усилилась. Внезапно он с удивлением осознал, что ему ничуть не холодно. Он выпрямился, держа Ледяную Скорбь, и

осмотрелся вокруг себя. Окоченевшее тело демона лежало у его ног. Голос – Ледяной Скорби или таинственного Темного Властелина – был прав.

Есть еще больше. Намного больше.

И зима научит его этому.

Артас Менетил сжал свой рунный клинок, всмотрелся в метель и побежал в нее, чтобы охватить все.

Артас знал, что будет помнить этот перезвон всю свою жизнь. Колокола звонили лишь в особых случаях – королевской свадьбы, рождения наследника, похорон короля – всех тех событий, что сулили изменения в жизни королевства. И сегодня они звонили радостно. Он, Артас Менетил, вернулся домой.

Перед своим триумфальным возвращением он послал весточку. Он обнаружил того, кто стоял за чумой. Он нашел его. И убил его, и с этот день он вернулся на родину в лучах славы. Когда он пешком шагал вдоль дороги к Столице, его приветствовали возгласами и аплодисментами, весь его народ, спасенный от бедствия их любимым принцем, был преисполнен благодарности к нему. Он принимал это как должное, все его мысли были посвящены встрече с отцом после столь длительного расставания.

Я должен поговорить с Вами лично, Отец, и рассказать Вам о том, чему я научился и увидел во время путешествия, – написал он в своем письме, доставленном курьером несколькими днями ранее. – Уверен, вы уже общались с Джайной и Утером. Могу вообразить, что они наговорили, пытаясь настроить Вас против меня. Заверяю Вас, я делал лишь то, что, как я верю, должно принести великую пользу гражданам Лордерона. В итоге я уничтожил того, кто напустил эту чуму на наших людей, и я возвращаюсь домой с победой, с нетерпением желая начать новую эру нашего королевства.

Те, кто следовал позади него, были столь же тихи, как и он, их лица также были прикрыты капюшонами. Но толпа и не требовала от них ответа на их радость. Массивный разводной мост был опущен перед ними, и Артас прошел по нему. Толпа приветствовала его и здесь, это были уже не простолюдины, а дипломаты, низшая знать, почетные гости от рас эльфов, дворфов и гномов. Они стояли не только во внутреннем дворе, но также и на стенах, и на балконах. Лепестки роз, розовые, белые и красные, падали вниз на возвращающегося героя.

Артас вспомнил, что однажды ему хотелось видеть, как Джайна стоит рядом с ним в день их свадьбы, и лепестки падают

на ее поднятое для поцелуя лицо, сияющее от улыбки.

Джайна…

Задумавшись, он поймал рукой в перчатке один из красных лепестков. Он задумчиво провел по нему пальцем, затем нахмурился, ибо на мягкой поверхности цветка появилось пятно. Оно увеличивалось, высушивая и убивая лепесток, пока тот не стал полностью коричневым. Быстрым презрительным жестом он отбросил от себя мертвые останки цветка и продолжил свой путь.

Он распахнул перед собой огромные двери в тронную комнату, которую он так хорошо знал, шагнул вперед, быстро глянул на Теренаса и улыбнулся своему отцу, что сложно было увидеть из-за надетого капюшона. Артас встал на колени в знак почтения, поставив перед собой Ледяную Скорбь, наконечник которой коснулся печати, изображенной на каменном полу.

– А, сын мой, рад снова видеть тебя, – сказал Теренас, медленно поднявшись.

Теренас выглядел нездоровым, подумал Артас. Происшествия прошлых месяцев сильно сказались на состоянии монарха. Его волосы стали еще более седыми, а глаза выглядели уставшими.

Но теперь все будет в порядке.

Тебе больше не придется страдать ради своего народа и нести бремя этой короны Я позабочусь обо всем.

Артас встал, его броня загремела от резкого движения. Он поднял руку и сдернул капюшон со своего лица, наблюдая за реакцией своего отца. Глаза Теренаса расширились, когда он увидел, насколько изменился его единственный сын.

Волосы Артаса, когда-то золотистые, как пшеница, которая давала хлеб насущный его людям, теперь были белыми, как кости. Артас знал, что его лицо было столь же бледно, как будто кровь внутри него застыла.

– *Настало время*, – прошептала Ледяная Скорбь. Артас устремился к своему отцу, который стоял на постаменте, взирая на него с сомнением. В комнате было несколько охранников, но они не будут помехой для него, Ледяной Скорби и двух сопровождающих его помощников. Артас смело забрался по ступеням трона и схватил своего отца за руку.

Артас отодвинул свой клинок, направив лезвие на отца. Руны Ледяной Скорби вспыхнули в нетерпенье. И затем последовал шепот, не от меча, а из памяти...

...голос темноволосого принца, словно из прошедшей жизни...

– *Он был убит. Близким другом... Она убила его. Нанесла предательский удар прямо в сердце…*

Артас встряхнул головой, заставив голос замолкнуть.

– Что это? Сын мой, что ты делаешь?

– Я становлюсь королем… Отец.

И голод Ледяной Скорби был утолен.

Тогда Артас дал им волю – своим новым, беспрекословным, послушным слугам. Быстро расправившись с охранниками, видевшими убийство его отца, он понесся, преисполненный холодной решимостью, обратно во внутренний двор.

Это было безумие.

То, что когда-то было пиршеством, стало бойней. То, что когда-то было празднованием, теперь стало кровавой мясорубкой. Немногие сбежали. Большая часть тех, кто ждал в течение многих часов в шеренге, чтобы встретить своего принца, теперь лежали мертвыми, с застывшей кровью, истекшей из их ужасных ран, с отрезанными конечностями, переломанными телами. Послы лежали вместе с простолюдинами, мужчины и женщины – с детьми, все были равны перед смертью.

Артаса не беспокоило, какова теперь будет их судьба – стать падалью для ворон или новыми пустышками, послушными его приказам. Он оставит их своим капитанам, Фалрику и Марвину, столь же бледным, как и он, и в два раза беспощаднее его. Артас шел по пути, по которому он прибыл сюда, сосредоточившись лишь на одной вещи.

Зачистив внутренний двор, он выбежал из него, оставив лишь трупы, поднятые и покинутые. Ни одна лошадь теперь не желала нести его; звери сходили с ума, лишь учуяв его запах и запах тех, кто следовал за ним. Но он теперь не уставал; однако шепот преследовал его, и это была не Ледяная Скорбь или Король Лич, говорящий с ним через рунный клинок. Он стремительно продолжал свой бег, ноги несли его в одно местечко, где он не был уже несколько лет.

Голоса кружились в его голове, воспоминания, отрывки бесед:

– Ты же знаешь, что тебе еще не разрешали на нем ездить.

– Ты пропустил свои уроки. Опять.

Ужасные вопли измученного Непобедимого, эхом отзывающиеся в его голове. Свет, задержавшийся на один ужасный миг, как будто решая, достоин ли он его благодати. Лицо Джайны, когда он порвал с ней отношения.

– Послушай меня, мальчик. Тьма уже опустилась на землю, и ничто не в силах остановить ее. Чем яростнее ты будешь бороться с врагами, тем быстрее твои люди окажутся в их власти.

– …Это тебе не испорченный урожай! Это город, где полно живых людей!

– ...Мы знаем мало, слишком мало – и не можем же мы вырезать весь город только из животного страха!

– Ты солгал своим людям и предал наёмников, которые сражались за тебя!.. Это не мальчик Теренаса.

Но все они не могли понять, не могли увидеть правду. Джайна – Утер – Теренас – Мурадин. Все они в некий момент, словом или взглядом, сказали ему, что он был неправ.

Он замедлил свой темп, поскольку прибыл в поместье. Его слуги побывали здесь еще до него, и сейчас здесь были только трупы, валяющиеся на земле. Артас остался безучастным, несмотря на мимолетную боль, которая все еще всколыхнулась в нем; но им, по крайне мере, повезло просто умереть. Это просто мужчина, женщина и юнец его лет.

И львиный зев… он цвел так бурно в этом году, показалось ему. Артас подошел и протянул руку, чтобы коснуться одного из красивых, высоких, синих как лаванда цветов, но затем остановился, вспомнив о лепестке розы.

Он пришел сюда не ради цветов.

Он развернулся и направился к могиле, которой было почти семь лет. Трава уже скрыла лежанку, но надгробие сохранилось, как и надпись на нем. Но Артасу не надо было ее читать, чтобы знать, что покоится здесь.

Он постоял еще секунду, более тронутый смертью того, кто был в могиле, чем собственного отца от своей руки.

Теперь сила твоя, – пришел шепот. – Поступай, как хочешь.

Артас протянул одну руку, твердо сжимая другой Ледяную Скорбь. Темный свет начал обвивать его протянутую руку, постоянно увеличивая скорость. Затем свет ринулся с его пальцев, словно змея, дергающаяся и извивающаяся по своей воле, и пронзил землю.

Артас почувствовал, как темный свет объединился там со скелетом. Радость охватила его, и слезы нахлынули на глаза. Он поднял руку, взывая к мертвому существу, очнувшемуся после семилетнего сна в прохладной темной земле.

– Восстань! – скомандовал он, слово словно само вырвалось у него из груди.

Могила зашевелилась, земля разверзлась. Костистые ноги искали копытами опоры на рыхлой почве; прорывая землю, вырвался череп. Артас наблюдал за этим, затаив дыхание, на его по-прежнему бледном лице сияла улыбка.

Я видел, как ты родился, – подумал он, вспоминая плеву, окутывающую карабкующегося, влажного, небольшого нового жителя этого мира. – Я помог тебе войти в этот мир, и я помог тебе его покинуть… и теперь моей волей ты будешь рожден

заново.

Костяной конь изо всех сил пытался выбраться на землю и, наконец, ему это удалось, его передние ноги встали твердо, и он поднялся. Красный огонь горел в его пустых глазницах. Он откинул голову, встал на дыбы и, так или иначе, радостно заржал, хотя его легкие уже давно сгнили.

Дрожа, Артас протянул руку к нежити, которая тут же ткнулась в его ладонь своей костистой мордой. Семь лет назад он привел эту лошадь к смерти. Семь лет назад он пролил слезы, замерзшие на его лице, ибо он пронзил мечом верное сердце своего любимого животного.

Он в одиночку нес вину все это время. Но теперь он понял – это все было частью его судьбы. Если бы он не убил своего коня, то он не мог бы теперь вернуть его. Будучи живым, он испугался бы его. Но этот конь был мертвым, с горящими глазами, костями, скрепленными некромантской магией, которой теперь мог владеть Артас. Благодаря подарку таинственного Короля Лича, лошадь и наездник могли, наконец, воссоединиться, как им было и предначертано. Не было никакой ошибки семь лет назад; он не ошибался. Ни тогда, ни теперь.

Ни когда-либо.

И это было доказательством.

Кровь его отца все еще сочилась и покрывала Ледяную Скорбь. На всей земле, которой он теперь правил, пребудет смерть. И изменения.

– Это королевство будет уничтожено, – пообещал он своему любимому коню, набросив свой плащ по его костяную спину и взобравшись на него. – И на его обломках возникнет новый порядок, который станет основой мира!

Конь заржал.

Вместе они были непобедимы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ТЕМНАЯ ГОСПОЖА

Интерлюдия

Сильвана Ветрокрылая, бывший генерал следопытов Кель'Таласа, банши и Темная Госпожа Отрекшихся шла по Королевскому кварталу с той быстрой и мягкой походкой, что и при жизни. Для бытовых дел она всегда входила в свое тело. Ее кожаные ботинки беззвучно шагали по каменным залам Подгорода, но глаза ее подданных неустанно следили за своей госпожой. Она была бесподобна, она никогда не ошибалась.

Когда-то ее волосы были золотыми, глаза синими, а кожа как свежий персик. Когда-то она была жива. Теперь пряди волос, спрятанные под иссиня-черным капюшоном, были чернее полуночной тьмы. Она носила добротные кожаные доспехи, не скрывавшие ее стройного и сильного тела – те же, что и при жизни. Ее уши подергивались от каждого звука. Она не часто выходила из своих палат – она правила этим городом, и мир сам приходил к ней.

Вокруг нее бегал мастер-аптекарь Фаранелл, глава Королевского Фармацевтического Сообщества. Он живо разговаривал с ней, как-то глупо улыбаясь.

– Я так рад, что вы согласились прийти, моя госпожа, – говорил он, стараясь кланяться, идти и говорить одновременно. – Вы приказали доложить вам, если наши эксперименты пройдут удачно, и говорили, что хотели бы увидеть наши…

– Я знаю, что приказывала, Доктор, – оборвала его Сильвана, как только они начали спускаться по извилистому коридору в трущобы Подгорода.

– Да, да, да, конечно! Нам вот сюда, – они вошли в зал, который мог бы показаться человеку со слабой психикой домом ужасов. На большом столе нежить деловито сшивала части разных трупов, что-то напевая себе под нос. Сильвана легонько улыбнулась.

– Приятно видеть, что кому-то так нравится его работа, – сказала она, лукаво улыбаясь. Ученик немного оторопел, но потом низко поклонился.

Где-то низко гудел и трещал электрический заряд. Алхимики суетились вокруг лабораторных столов, смешивая зелья и записывая результаты экспериментов. Стоял странный запах гноя и химикатов вперемешку с чистым и сладким ароматом трав. Сильвана на миг застыла. Запах трав заставил ее… заскучать по дому. К счастью, это чувство быстро прошло. Такие чувства не могут жить долго.

– Покажи, – приказала она. Фаранелл поклонился и проводил

ее через главный зал, мимо подвешенных на крюках кусков чьих-то тел, в маленькую комнатку.

Она услышала тихий плач. Войдя внутрь, Сильвана увидела клетки, что стояли на полу или висели на цепях, привязанных к потолку. В каждой из них были подопытные. Несколько людей. Несколько отрекшихся. Их усталые глаза были как у заточенных в неволе зверей, скованных глубоко въевшимся страхом.

Терпеть им осталось недолго.

– Как вы можете себе представить, миледи, – сказал Фаранелл, – для опытов довольно трудно найти нежить Плети. Конечно, в качестве подопытных существ, отрекшиеся подходят не хуже Плети. Но я рад сообщить вам, что наши полевые испытания прошли весьма успешно.

Последние слова взволновали Сильвану, и она украсила аптеку своей редкой и все еще красивой улыбкой.

– Это меня весьма радует, – сказала она.

Доктор задрожал от восторга. Он подозвал к себе своего ассистента Кивера, отрекшегося, чей мозг, видимо, пострадал от первой смерти – он все время бормотал о себе что-то от третьего лица. Бубня себе под нос, он вытащил двух подопытных кроликов из клеток. Первой была человеческая женщина, которая не была окончательно скована страхом и еще могла тихонько плакать. Мужчина-отрекшийся же казался совершенно безразличным к происходящему вокруг и шел совершенно спокойно. Сильвана обвела его взглядом.

– Преступник?

– Конечно, моя госпожа.

Она на миг задумалась, так ли оно было на самом деле. Но решила, что это не важно. Даже так он послужит Отрекшимся. Девушка упала на колени. Кивер наклонился и дернул ее за волосы. Она вскрикнула, открыв рот, и он влил ей туда содержимое чашки, заставив проглотить.

Сильвана наблюдала за тем, как она боролась. Отрекшийся возле нее без лишнего шума взял у Фаранелла чашу и выпил до дна.

Все произошло быстро. Девушка скоро прекратила сопротивляться, ее тело забилось в припадках. Кивер отпустил ее и почти что с любопытством стал смотреть, как из ее рта, ушей, глаз и носа начала стекать кровь. Сильвана обратила свой пристальный взгляд к отрекшемуся. Он все еще тихо стоял на ногах. Она нахмурилась.

– Быть может, все не так хорошо, как ты…

Отрекшийся передернулся. Он изо всех сил попытался устоять на ногах, но его ослабелое тело предало его, и он тяжело

рухнул на пол. Все отступили назад. Сильвана увлеченно смотрела на подопытного, и ее рот приоткрылся от восторга.

– То, что нужно? – спросила она Фаранелла. Людская женщина в последний раз всплакнула, глядя на потолок широко открытыми глазами. Алхимик счастливо кивнул.

– Самое оно, – сказал он, – Как видите, результаты…

Отрекшийся на полу дрыгнулся, и из дырок на его коже полился темный гной. Затем он опять замер.

– … весьма радуют.

– И вправду, – сказала Сильвана. Она едва могла скрыть восторг. “Радуют” – это не то слово.

– Чума, что убивает и людей, и Плеть. И, видимо, моих подданных вместе с ними – они ведь тоже нежить, – она посмотрела на него пылающими серебристым светом глазами. – Мы должны позаботиться, чтобы она никогда не попала в чужие руки. Результаты могут быть… плачевными.

– Действительно могут, моя госпожа, – выдавил он из себя.

Вернув лицу маску бесчувствия, она вернулась в королевские кварталы. Сейчас ее заботили тысячи вещей, но самой главной ее мыслью, яркой, как плетеный человечек в костре на Тыквовине, была одна:

Наконец, Артас, ты заплатишь за содеянное. Люди, такие же, как ты, будут уничтожены. Твоя Плеть будет остановлена. Ты уже не спрячешься за легионами своих безвольных мертвых кукол. И мы будем так же милосердны к тебе, как и ты был к нам.

Хоть Сильвана хотела казаться бесчувственной, она не смогла не улыбнуться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Артас думал, скача верхом на верном ему даже в смерти Непобедимом в сторону Андорала, какой же иронией было то, что он должен был воскресить убитого им некроманта Кел'Тузада.

Ледяная Скорбь шептала ему, но ему не нужен был голос меча – голос Короля-лича, как он сам себя окрестил – чтобы увериться в простой истине. Пути назад не было. Так же, как и желания вернуться.

После падения Столицы Артас совершил паломничество паладина, только в его темной ипостаси. Он шел из города в город вдоль своих земель, обращая к себе народ своими новыми силами. Плеть, как окрестил это Кел'Тузад, была вполне подходящим названием. Орудие для самобичевания, которую использовали крайне фанатичные священники, чтобы очистить себя от грехов. Его же Плеть очистит землю от живых. Сам он стоял будто на грани двух миров. Он не умирал, но шепот Короля-лича называл его *рыцарем смерти*, а его кожа, волосы и глаза выцвели, будто говоря, что это – больше, чем просто красивый титул. Он не знал, кто он. Ему было все равно. Он нес волю Короля-лича, в его руках была Плеть, и странным и омерзительным образом он заботился о ней.

Теперь Артас служил Королю-личу через одного из его сержантов, повелителя ужасов, точь-в-точь как Мал'Ганис. Тоже ирония. И ему тоже все равно.

– Я – повелитель ужаса, как и Мал'Ганис, но я – не враг вам, – говорил ему Тикондрий, его губы искривились в до презрения высокомерной улыбке. – Напротив, я пришел вас поздравить. Ты прекрасно справился с испытанием. Убил отца, отдал эти земли во власть тьмы. Короля-лича радует твой… энтузиазм.

После этих слов, Артас ощутил сразу два родных чувства – радость и боль.

– Да, – ответил он, стараясь сохранить твердый голос пред взором демона, – Все, чем я дорожил в этой жизни, я принес в жертву ему. И ничуть не жалею об этом. В моем сердце нет места для стыда и раскаянья!

И в глубине души он услышал другой шепот, не Ледяной Скорби: *Лжец*.

Он заставил это странное чувство замолчать. Так или иначе, голос повиновался. Он не мог сейчас позволить себе размякнуть. Это как гангрена: не вырежешь сейчас – потом будет поздно.

Тикондрий, казалось, этого не заметил. Он указал рукой на

Ледяную Скорбь.

– Рунный клинок, покоящийся в твоих ножнах, был выкован моими братьями давным-давно. Король-лич позволил ему поглощать души смертных. Твоя душа стала первой.

Внутри Артаса взволновались чувства. Он взглянул на клинок. Слова Тикондрия зацепили его. *Поглощать*. Если бы Король-лич попросил его душу в обмен на спасение его народа, он бы отдал ее. Но Король-лич не просил – он просто взял. И теперь она там, внутри пылающего холодным светом меча, так близко к Артасу, что принц – точнее, король – мог почти коснуться ее. И что же, Артас получил то, чего просил? Его народ был спасен?

А какое это имеет значение?

– Ну что ж – я проживу и без нее, – сказал он, заметив пристальный взгляд Тикондрия. – И что же от меня нужно Королю?

– Тебе предстоит возродить Культ Проклятых, чтобы с его помощью исполнить великую задачу – возродить некроманта по имени Кел'Тузад.

Ему сказали, что его останки покоятся в Андорале, где Артас и оставил их – кучу разлагающейся зловонной плоти. В Андорале, откуда начало распространяться зараженное чумою зерно. Он вспомнил, с какой ненавистью он накинулся тогда на некроманта – та ненависть давно прошла. Его бледные губы изогнулись в улыбке. Ирония.

Дома, которые тогда горели пламенем, теперь были обугленными кусками древесины. Никто не спасет тех мертвецов, что станут между ним и его целью… Или не… Артас нахмурился и потянул за уздечку. Непобедимый тут же остановился. После смерти он оставался таким же послушным, как и при жизни. Артас бросил взгляд на кучку существ, бродящих вокруг. Крохотные лучики света, что сияли в этот пасмурный день, отражались в их…

– Доспехах! – вскрикнул он. Вдоль кладбища и вокруг одной маленькой гробницы караулили мужчины в доспехах. Он прищурился, а потом в удивлении уставился на них. Не просто живые, не просто воины, а паладины! Он знал, зачем они здесь. Кел'Тузад, оказывается, был интересен не только ему.

Но он расторг орден. Никаких паладинов больше *нет*, тем более – здесь. Ледяная Скорбь томно шептала ему. Она жаждала крови. Артас вынул из ножен рунный клинок, и одно его появление вдохновило небольшую армию мертвых. Непобедимый помчался вперед, и на лицах стражей кладбища с его появлением читался страх. Они боролись отважно, но были обречены. Они и

сами знали – это было видно в их глазах.

И только он опустил Ледяную Скорбь, чувствуя, с какой радостью она приняла новые души, как услышал голос за своей спиной.

– Артас!

Артас уже слышал этот голос, но не мог припомнить где. Он оглянулся. Человек был высоким и статным. Он снял свой шлем, и теперь он видел густую бороду, по которой Артас и узнал его.

– Гавинрад! – удивленно сказал он. – Давно не виделись!

– Не слишком давно. Где тот молот, что мы тебе дали? – с отвращением сказал Гавинрад. – Оружие паладина. Оружие чести.

Артас вспомнил. То был тот человек, что возложил молот к его ногам. Как чисто, как ясно, как просто все казалось в те дни.

– У меня теперь оружие получше, – сказал Артас. Он поднял Ледяную Скорбь. Она билась в его руке от нетерпения. Но в его мыслях зародилась прихоть, и он повиновался ей.

– С дороги, брат! – сказал он с несвойственной мягкостью в голосе – Я пришел за парой старых костей и не хочу, чтобы мне мешали! Ради того дня, ради ордена, в котором мы были, не заставляй меня поднимать на тебя руку и дай пройти.

Густые брови Гавинрада сдвинулись, и он плюнул в сторону Артаса.

– Не могу поверить, что когда-то мы называли тебя своим братом! Зачем только Утер поручился за тебя? Твое предательство разбило Утеру сердце! Он готов был отдать за тебя жизнь – и вот твоя благодарность? Я знал, что избалованному принцу не место в рядах ордена! Ты осквернил имя Серебряной Длани!

Внутри Артаса вспыхнула ярость, так быстро, так сильно, что он едва ею не захлебнулся. Да как он смеет! Артас – рыцарь смерти, длань Короля-лича! Жизнь, смерть, жизнь после смерти – все повинуется его воле. А Гавинрад посмел плюнуть на его предложение разойтись с миром? Артас оскалил зубы.

– Нет, *брат*, – мягко проговорил он, – Я убью тебя, и подниму назад, как своего слугу. И заставлю петь под мою дудку. И вот *это*, Гавинрад, осквернит имя Серебряной Длани.

Он с улыбкой поддразнил его к себе. Нежить и культисты, что пришли за ним, тихо ждали позади. Гавинрад не набросился на него, но собрался и воздал мольбу Свету, что уже его не спасет. Артас позволил ему закончить молитву, позволил ему зажечь свой молот пламенем праведного гнева, как делал и он сам когда-то. С Ледяной Скорбью в руках и властью, данной Королем-личем, он знал, что Гавинрад обречен.

И вправду. Паладин бросил в бой все свои силы – но и этого

оказалось мало. Артас играл с ним, делая вид, что молитва Гавинрада сломила его, но вскоре ему наскучили игры, и он сразил бывшего брата по оружию одним мощным взмахом клинка. Он ощутил, что Ледяная Скорбь поглотила еще одну душу, и вздрогнул, когда безжизненное тело Гавинрада рухнуло на землю. Несмотря на обещание, данное ему перед боем, Артас позволил паладину умереть навсегда.

Коротким жестом он приказал своим слугам откопать труп. Сам он оставил Кел'Тузада гнить там, где он умер, но кто-то, скорее всего верные последователи некроманта, возвели для его тела целый маленький склеп. Теперь послушники Культа Проклятых умчались к гробнице и с трудом отодвинули крышку. Внутри был гроб, и его быстро вытащили наружу. Артас с улыбкой легонько пнул его.

– Следуй за мной, некромант, – насмешливо сказал он, когда ящик перенесли на борт транспортного средства, прозванного "труповозкой", – Силы, которым ты служил, вновь призывают тебя.

Я же говорил: моя смерть ничего не изменит.

Артас оцепенел. Он уже почти привык слышать голоса в голове. К голосу Короля-лича, что шептал ему через Ледяную Скорбь, так точно привык. Но это был не Король-лич. Он узнал этот голос. Он слышал его прежде, но тогда голос был высокомерным и едким, а не тихим и заговорщическим.

Кел'Тузад.

– Что за… Теперь я слышу призраков?

И не только слышал. Видел. Одного уж точно. Перед его глазами медленно появилась фигура Кел'Тузада, прозрачная и легкая, с зияющими темными дырами вместо глаз. Но это явно был он, и его призрачные губы изогнулись во всезнающей улыбке.

Я рад, что не ошибся в тебе, принц Артас.

– Вас только за смертью посылать, принц, – прогромыхал сердитым басом, казалось, неоткуда взявшийся Тикондрий, и призрак – если он и был там – исчез. Артас встрепенулся. Ему только показалось? Вместе с душою он стал терять разум?

Тикондрий, ничего не заметив, сбросил крышку гроба и с отвращением увидел внутри почти сгнивший труп Кел'Тузада. Артас ожидал, что смрад будет ужаснее, но все равно было мерзко. Он вспомнил, как прошла уже почти целая жизнь с тех пор, как он поразил некроманта своим молотом и как на его глазах труп начал разлагаться.

– Останки почти разложились. Мы не довезем их до Кель'Таласа.

Артас с радостью отвлекся от созерцания мертвеца.

– Кель'Талас? Золотой эльфийский край…

– Да. Только сила Солнечного Колодца эльфов может вернуть Кел'Тузада к жизни, – хмурый взгляд повелителя ужаса помрачнел еще больше, – У паладинов хранится особая урна. В ней мы сможем привезти останки некроманта в нужное место в сохранности.

Повелитель ужаса ухмыльнулся. За этой задачей стояло больше, чем казалось на первый взгляд. Артас хотел было спросить его, но сдержался. Если Тикондрий не рассказал подробности – значит, и не расскажет. Он пожал плечами, оседлал Непобедимого и поскакал, куда ему велели.

А за спиной его слышался зловещий хохот демона.

Тикондрий был прав. Вдоль дороги шла маленькая похоронная процессия. Артас узнал ее по церемониям – это были похороны генерала или важного сановника. Несколько человек в доспехах строем шли впереди. Один, посреди процессии, нес что-то в сильных руках. Слабые лучики света заиграли на его доспехах и на том, что он нес – на урне, о которой говорил Тикондрий. И вдруг Артас понял, что так позабавило Тикондрия.

Ноша паладина была особой, броня – единственной в своем роде. Артас схватил во внезапно ослабевшие руки Ледяную Скорбь. Он приказал несметному полчищу спуститься вниз и, немного встревоженный, пошел за ним.

Хоть процессия и состояла из знатных борцов, но она была небольшой, и ее легко было окружить. Они обнажили клинки и молоты, но не стали нападать, ожидая приказов человека, что держал в руках урну. Утер – это не мог быть никто иной – держал себя в руках. Он бросил взгляд на бывшего ученика. Его лицо оставалось безразличным, хоть и куда более уставшим, чем его помнил Артас, но глаза горели праведной яростью.

– Пес всегда вернется к своей рвоте, – процедил Утер, его слова хлестали как кнут. – Я молил Свет, чтобы ты остался в стороне.

Артас вздрогнул, но ответил грубым голосом.

– Для меня это только начало пути. А ты, я вижу, все еще называешь себя паладином, хоть я и распустил орден.

Утер засмеялся, но в его смехе была неприкрытая горечь.

– Будто ты имел право сам его распустить. Я отвечаю перед Светом, мальчишка. Как и ты когда-то.

Свет. Он все еще помнил его. Его сердце пошатнулось в груди, и на миг он опустил меч. Тогда в его уме зашептал голос, что напомнил ему о власти, данной ему теперь, и о том, что он не получил бы ее, следуя стезям Света. Артас крепко сжал в руках

Ледяную Скорбь

– Когда-то я делал много глупостей, – парировал он. – Но теперь уже нет.

– Твой отец правил этой страной пятьдесят лет, а ты уничтожил все за несколько дней. Но разрушать легче, чем строить, правда?

– Как трогательно, Утер. Жаль, у меня нету времени на разговоры о былом. Я приехал сюда за урной. Отдай мне ее – и ты умрешь без мучений.

Никакой пощады. Никакой, даже если он будет молить о ней. Особенно если он будет молить. Слишком много связывало их в прошлом. Слишком много чувств было между ними.

Теперь Утер был в гневе и испепелял взглядом Артаса.

– В ней – *прах* твоего отца, Артас. Неужели ты осмелишься вновь оскорбить его память?

Внезапно Артаса поразило.

Отец…

– Я и не знал, что в этой урне, – пробормотал Артас, как Утеру, так и самому себе. Это было второй причиной, вызвавшей ухмылку на лице повелителя ужаса. Он знал, что было в урне. Испытание во время испытания. Мог ли Артас поднять руку на наставника? Мог ли осквернить прах своего отца? Артасу стало дурно от всего этого. Он обратил это в гнев, поднял Ледяную Скорбь.

– Но это и не важно. Я получу то, зачем пришел. Так, или иначе.

Ледяная Скорбь задрожала в руках и мыслях, ожидая схватки. Артас приготовился напасть. Утер оценил его взглядом и медленно поднял свой пылающий молот.

– Я не хочу в это верить, – сказал он, и Артас с ужасом понял, что на его глазах появились слезы. – Когда ты был молодым и самовлюбленным, я считал это просто ребячеством. Когда в тебе родилось упрямство, я решил, что это просто стремление вырваться из тени своего отца. А в Стратхольме… прости меня Свет… я молился, что ты сможешь увидеть свои ошибки и вернуться на свой путь. Я не мог поднять руку на сына моего правителя.

Артас улыбнулся, и они двое стали кружить друг против друга.

– Но сейчас-то придется.

– Это была моя последняя клятва твоему отцу. Моему другу. Я обязан похоронить его с почестями, даже если его, беспомощного и безоружного, убил его собственный сын.

– Ты умрешь ради клятвы.

– Может быть, – Утера, казалось, это совсем не беспокоило. – Я лучше умру, исполняя свой долг, чем буду жить твоей милостью. Я рад, что он умер. Рад, что он не видит, во что ты превратился.

Эти слова… больно задели его. Артас сам не ожидал этого. Он остановился, и внутри его вскипели чувства. И Утер воспользовался этой заминкой, чтобы напасть.

– Во имя Света! – крикнул он, взмахнув со всей силой молотом. Светлое оружие просвистело возле Артаса.

Он уклонился в последний момент, и его лицо ощутило ветер, разрезанный молотом. Лицо Утера было спокойным, сосредоточенным… и смертельным. Это был его долг, он знал это – убить изменника и остановить распространение зла.

Так же и Артас знал, что обязан избавиться от человека, который когда-то научил его жить. Он должен избавиться от прошлого… всего своего прошлого. Иначе оно всегда будет следовать за ним, искушая возможностью раскаянья и прощения. С диким криком Артас опустил Ледяную Скорбь.

Молот Утера блокировал удар. Два человека смотрели друг на друга, их глаза разделяло несколько дюймов, и каждый из них старался пересилить другого, пока Утер не откинул Артаса назад. Парень споткнулся, и Утер продолжил натиск. Его лицо было непоколебимо, но глаза были решительными и жестокими. Казалось, он сражался так, будто его победа неизбежна. Самоуверенность сыграла с Артасом злую шутку. Ведь никогда раньше он не был сильнее Утера, пока не…

– Все закончится здесь, парень! – громогласно сказал Утер. Артас с ужасом увидел, что паладин весь пылал ярким светом. Не только его молот, но и все его тело, будто сам он был оружием Света, что сразит Артаса. – Во имя правосудия!

Молот опустился. Артас тяжело выдохнул, когда молот ударил его прямо в живот. Лишь его доспехи спасли его, выдержав даже удар пылающего молота светоносного паладина. Артас растянулся на земле, Ледяная Скорбь выпала из его рук, и он из последних сил пытался подняться или хотя бы дышать. Свет… он отвернулся от него, он предал его. И теперь он отомстил через Утера Светоносного, своего величайшего защитника, наделив его своим блеском и славой.

Жар, окутавший Утера, раскалился, и Артас согнулся в муках, ведь он обжигал его глаза и душу. Он был не прав, когда предал его, ужасно не прав, ведь теперь милосердие и любовь покинули его, оставив лишь зияющую рану. Он посмотрел вверх, на чистый белый свет, что был в глазах Утера, и заплакал, готовясь к смертельному удару.

Он выхватил меч, сам того не понимая – или он вскочил ему в руки по собственной воле? В том хаосе, что царил в его голове, Артас не мог узнать ответ. Все, что он знал – это то, что в его руках теперь Ледяная Скорбь, а в голове – шепот.

Там где есть Свет – есть и тень. Там где есть день – есть и ночь. И даже самую яркую свечу можно загасить.

Как и самую светлую жизнь.

Он взглотнул комок в горле и снова смог дышать. И вот тогда Артас сумел заметить, что Свет вокруг Утера чуточку потускнел. А затем Утер поднял молот, чтобы нанести Артасу последний удар.

Но Артаса там уже не было.

Если Утер был как медведь, громадный и могучий, то Артас был подобен тигру, сильному, быстрому и ловкому. Молот, могучее и Светом благословенное оружие, не предполагал быстрого боя, что отлично подходило к стилю боя Утера. Ледяная Скорбь же, хоть и была огромным двуручным клинком, казалось, могла сражаться и самостоятельно.

Он вновь бросился в бой, отставив самоуверенность и теперь сражался во всю силу. Он не замедлил напасть на Утера первым, не дал паладину опомниться, чтобы поднять молот и опять нанести сокрушительный удар. Утер с удивлением смотрел на него, но свет, что ярко пылал в его теле, рассеивался с каждой секундой.

Рассеивался перед властью, данной Королем-личем.

Снова и снова Ледяная Скорбь наносила удары – что отражались то головкой молота, то рукоятью, то доспехами, больно укусив паладина прямо в то место, где наплечник крепится к нагруднику.

Утер выругался и отступил назад. Из его ран лилась кровь. Ледяная Скорбь жаждала большего, и Артас готов был ей его дать.

С диким ревом Артас набросился на противника. Молот, огромный и светозарный, упал из обессилевших пальцев Утера, когда Ледяная Скорбь вгрызлась в его руку. Удар изогнул нагрудный доспех Утера. Спустя мгновение второй удар в то же самое место разломил его и меч вонзился в его грудь. Накидка Утера, синяя в золоте, в цветах Альянса, которому он когда-то служил, упала на заснеженную землю, и Утер Светоносный тяжко пал на колени. Он посмотрел на Артаса. Он тяжело дышал, кровь сочилась из его рта, лилась на бороду, но на его лице не было ни намека на поражение.

– Надеюсь, для тебя уже приготовлено место в аду, – он кашлял, захлебываясь кровью.

– Боюсь, мы этого никогда не узнаем, Утер, – холодно сказал Артас, поднимая Ледяную Скорбь, что почти пела, в ожидании последнего удара. – Все дело в том, что я собираюсь жить вечно.

Он опустил рунный клинок прямо вниз, сквозь горло, чтобы заставить его непокорный голос навсегда замолчать, прямо в его большое сердце. Утер умер на месте. Артас вытащил клинок и, потрясенный, отступил назад. Конечно, только из-за ликования.

Он встал на колени и поднял урну. Он держал ее в руках несколько долгих мгновений, и тогда медленно разломил печать и опрокинул ее, высыпая содержимое. Прах короля Теренаса упал, подобно серому дождю, на снег. Внезапно поднялся ветер. Серый пепел, который был всем, что осталось от короля, побежал за ветром, будто стремясь укутать рыцаря смерти. Артас оступился назад. Его руки сами по себе поднялись, чтобы прикрыть лицо. Он закрыл глаза и отвернулся, но слишком поздно. Пепел вызвал удушье, и он закашлялся. Он пытался протереть руками лицо, стереть пепел, что забивал его горло, жалил глаза. Он пытался его выплюнуть, его подташнивало.

Артас глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки. Спустя мгновение он встал прямо. Если у него теперь и были какие-то чувства, то они засели так глубоко, что он и сам не знал о них. С каменным лицом он повернулся к вонючей труповозке, везшей останки Кел'Тузеда, и показал урну одному из служителей Плети.

– Положи некроманта сюда, – приказал Артас.

Он оседлал Непобедимого.

Кель'Талас был совсем недалеко.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Все следующие шесть дней, что они добирались до земель высших эльфов, Артас разговаривал с тенью Кел'Тузада и за эти дни многих обратил на свою сторону.

Он двигался на восток от Андорала с мясными фургонами, мимо небольших деревень Поля Джанис, Сада Далсона и Кущи Гаррона, через реку Тондорил в восточную часть Лордерона. Восставшие жертвы чумы были повсюду, и от простого мысленного приказа они бежали к ногам, как верные псы. Заботиться о них было просто – они питались мертвечиной. Это было очень… опрятно.

Артас ожидал, что за ним пойдет такое: жертвы чумы, поганища, сшитые из разных частей, призраки павших. Однако его новые союзники сначала испугали, потрясли его, а потом порадовали.

Его армия была уже на полпути к Кель'Таласу, когда он впервые увидел их. Издалека показалось, будто сама земля пришла в движение. Но нет, это были какие-то звери. Рогатый скот или овцы, сбежавшие из загонов, когда их хозяева обратились в нежить? Медведи или волки, пожиравшие трупы? А затем Артас разинул рот от удивления и крепко сжал Ледяную Скорбь, не веря тому, что видел.

Они двигались не как четырехногие существа. Они бежали, неслись, передвигаясь по холмам и траве как…

– Пауки, – прошептал он.

Эти жуткие пурпурно-черные твари быстро перебирали свои бесчисленные ноги, несясь к Артасу. Они шли за ним – они…

– Этих новых воинов благосклонно послал тебе Король-Лич, – раздался голос Кел'Тузада. Призрака, вероятно, видел и слышал только Артас, и в последнее время он появлялся все чаще и чаще. Недавно он начал сеять подозрения в рыцаре смерти. Не о себе – о Тикондрие и других демонах. "Не доверяй повелителям ужаса", – говорил он. "Они служат Королю-Личу тюремщиками. Я все расскажу тебе… когда вернусь в этот мир".

У них было достаточно времени; Артас задумывался, а не соблазнял ли его Кел'Тузад, как наживкой, сведениями, чтобы удостовериться, что Артас выполнит задание.

Теперь Артас спросил:

– Он послал этих… ко мне? Кто они такие?

– Когда-то они были нерубами, – ответил Кел'Тузад. – Потомками древней и гордой расы, зовущейся акирами. При

жизни они были высокоразвиты, а их воля была посвящена уничтожению всех, кто не походил на них.

Артас посмотрел на тварей, похожих на пауков, с дрожью отвращения.

– Мило. А теперь?

– Теперь это те, кто пал, сражаясь с тем, кому мы служим. Он поднял их и их повелителя, Ануб'арака, в нежизни, и теперь они пришли помочь тебе, принц Артас. Служить твоей и его славе.

– Пауки-нежить, – размышлял Артас. Они были огромны, омерзительны и смертоносны. Они, стрекоча, быстро ползли, шаг в шаг с трупами, призраками и поганищами. – Чтобы сражаться с эльфами Кель'Таласа.

У этого Короля-Лича, кем бы он ни был, был талант к драматизму.

Прибытие Артаса, конечно же, не осталось незамеченным. Всем было известно, что эльфы обучали превосходных разведчиков. Скорее всего, к тому моменту, как Артас их заметил, вести о его прибытии уже разлетелись. Но это не имело значения. Силы, которые он собрал, выросли до невероятных размеров, и он был уверен, несмотря на довольно колкое предупреждение Кел'Тузада, что сможет войти в удивительную, вечную землю, быстро пересечь ее и добраться до Солнечного Колодца.

Они захватили пленника, юного жреца, который, демонстрируя неповиновение, нечаянно выболтал кое-какую важную информацию. Артасу хотел использовать ее верно и мудро. К тому же нашелся еще один, в отличие от жреца с охотой пожелавший предать свой народ и родину ради могущества, которое ему пообещали Артас и Король-Лич.

Рыцаря смерти удивило, как быстро этот эльфийский маг повернулся к нему. Удивило и встревожило. Когда-то Артас был любим своим народом, как прежде был любим его отец. Артасу было приятно греться теплым одобрением тех, кто служил под его началом. Он уделял время на то, чтобы узнать их имена, выслушать истории об их семьях. Он хотел, чтобы они любили его. И они любили, преданно следуя за ним, как, например, Капитан Фалрик.

Но Артасу следовало допустить тот факт, что эльфийские лидеры тоже любят свой народ. Артас допускал, что они останутся им верными. И вот, этот маг предал свой народ всего-навсего за обещание могущества, его простую, сияющую привлекательность.

Смертных можно развратить. Смертных можно склонить или купить.

Он взглянул на свою армию и улыбнулся. Да… она лучше.

Верность не ставится под сомнение, когда те, кем он повелевал, не могли сделать ничего, кроме как исполнить его волю.

– Это правда, – с трудом выдохнул разведчик. – Это все правда.

Сильвана Ветрокрылая, предводительница следопытов Луносвета, хорошо знала этого эльфа. Сведения от Келмарина всегда была подробными, а главное – правдивыми. Она выслушала его, не желая верить, зная, что не осмелится.

Конечно, они уже слышали слухи. Что некая чума распространилась по землям людей. Но кель'дораи считали, что на своей родине они в безопасности. За столетия их земли устояли под натиском драконов, орков и троллей. И уж тем более то, что происходило в людских землях, их не затронет.

Однако же, затронуло.

– Ты уверен, что это Артас Менетил? Принц?

Келмарин кивнул, все еще пытаясь отдышаться.

– Да, леди. Я слышал, так его называли те, кто служат ему. И после всего того, что я увидел, не думаю, что слухи о том, что он убил отца и стал причиной тех бед в Лордероне, преувеличены.

Сильвана слушала его с широко открытыми голубыми глазами, будто разведчик выдумал историю настолько сказочную, чтобы в нее можно было поверить. Восставшие трупы, свежие и уже иссохшие; громадные, бездумные твари, сшитые из разных частей тел; неизвестные летающие звери, похожие на каменные изваяния, пробужденные к жизни; огромные пауки, которые напомнили ей легенды об исчезнувших акирах. И вонь – Келмарин, не склонный к преувеличениям, дрожащим голосом говорил о том зловонии, что опережало эту армию. Деревья, первый бастион защиты, падали под странными военными машинами, которых он привез. Сильвана вспомнила красных драконов, которые не так давно поджигали их рощи. Луносвет выстоял, но лес сильно пострадал. Так же, как теперь страдают они…

– Леди, – закончил Келмарин, подняв голову и кинув на нее печальный взгляд. – Если он прорвется, не думаю, что у нас хватит сил, чтобы победить его.

Эти горькие слова вызвали в ней гнев, который придал ей сил.

– Мы кель'дореи, – резко сказала она, выпрямившись. – Наши земли неприступны. Он не войдет. Не бойся. Для начала ему надо узнать, *как* снять чары, защищающие Кель'Талас. И даже тогда, ему надо это еще попробовать сделать. Куда более сильные и мудрые враги уже пытались захватить наше королевство. Верь,

друг мой. В силу Солнечного Колодца… и в силу и волю нашего народа.

Когда Келмарина отвели туда, где он мог поесть и восстановить силы, прежде чем вернуться на свой пост, Сильвана обратилась к своим следопытам.

– Я хочу сама увидеть этого людского принца. Если Келмарин прав… нам следует подготовиться для упреждающего удара.

Сильвана лежала на вершине огромных врат, которые наряду с зазубренным кольцом гор защищали ее землю. Она была одета целиком в удобную кожаную броню, а за спиной весел лук. Она с Шелдарис и Вор'атилом, двумя другими следопытами, ушедшими вперед и дожидавшимися ее с подкреплением, смотрели в изумлении, пораженные ужасом. Как и предупреждал Келмарин, они почувствовали вонь гниющей армии еще задолго до того, как увидели ее.

Артас ехал на скелете коня с огненными глазами, сбоку был привязан большой, и как она могла судить, рунический меч. Люди в черных одеяниях шли вперед, повинуясь его приказам. Так же, как и мертвые. Сильвана едва сдержала свой гнев, пока ее взгляд бегал по целой коллекции разнообразных гниющих трупов, и она, молча, радовалась тому, что ветер переменился и теперь уносил от нее зловоние.

Она обозначила свой план, быстро двигая длинными пальцами, и разведчики кивнули. Они мягко отступили назад, безмолвные, словно тени, и Сильвана обратила свой взор к Артасу. Казалось, что он ничего не заметил. Он все еще выглядел как человек, хоть и бледный, а его волосы уже были не золотыми, как ей его описывали когда-то, а белыми. Как же тогда он мог все это терпеть? Окруженный мертвецами, ужасным зловонием, гигантскими тварями…

Она содрогнулась и заставила себя сосредоточиться. Нежить, которая ему подчинялась, просто стояла, ожидая приказов. Люди – некроманты, подумала Сильвана, и на нее накатила волна отвращения – были слишком заняты созданием новых чудовищ, чтобы расставлять часовых. Словно они и не думали, что могут принять поражение.

Их самонадеянность станет их погибелью.

Она ждала, наблюдая, пока ее лучники не заняли позиции. Предупрежденная Келмарином, она собрала почти две трети всех своих следопытов. Она твердо верила, что Артас не сможет преодолеть волшебные эльфийские врата, защищающие Кель'Талас. Чтобы сделать это, ему просто не хватит знаний. Но… до этого она тоже не верила вещам, которые, однако, теперь

видела собственными глазами. Лучше устранить угрозу здесь и сейчас.

Она бросила взгляд на Шелдарису и Вор'атила. Они заметили ее взгляд и кивнули. Они были готовы. Сильване хотелось нанести удар, застать врага врасплох, но принципы чести запрещали ей. Ведь никто не сложит песен о том, как генерал следопытов, Сильвана Ветрокрылая, защитила свою родину бесчестным путем.

– За Кель'Талас, – прошептала она на выдохе и вышла.

– Вам здесь делать нечего! – прокричала она, ее голос был ясным, мелодичным и сильным.

Артас развернул своего коня-скелета – на мгновение Сильване стало жаль бедное животное – и встал к ней лицом к лицу, пристально ее изучая. Некроманты замолчали, повернувшись к своему господину и ожидая инструкций.

– Я Сильвана Ветрокрылая, генерал следопытов Луносвета. Советую вам повернуть назад.

Губы Артаса – серые, серые на белом лице, хотя почему-то она знала, что он все еще жив – скривились в улыбке. Он развеселился.

– Это тебе надо повернуть назад, Сильвана, – ответил он, намеренно опустив ее чин. Его голос звучал бы приятным баритоном, если бы не был оттенен… чем-то. Чем-то, что заставило даже ее пылкое сердце на мгновение замереть, когда она услышала его. Она взяла себя в руки.

– Сама смерть пришла в ваши земли.

Ее голубые глаза сузились.

– Делай, что хочешь, – с вызовом ответила она. – Эльфийские врата, ведущие в наше королевство, надежно защищены. Тебе не пройти.

Она натянула тетиву на луке – сигнал к атаке. Через секунду в воздухе прожужжали дюжины стрел. Сильвана выбрала целью человеческого – или когда-то бывшего человеком – принца, и прицелилась она как никогда метко. Просвистела стрела, прямо в неприкрытую шлемом голову Артаса. Но за миг она увидела бело-синюю вспышку.

Сильвана смотрела в изумлении. Быстрее, чем она могла осознать, Артас поднял свой меч, руны на котором испускали то самое ледяное бело-синее сияние, и перерезал стрелу пополам.

– В битву, мои воины – убейте их всех, чтобы они смогли служить мне и моему повелителю! – закричал Артас. Его голос отдавал эхом со странной силой. И теперь мертвая лошадь несла его с неестественной быстротой вперед, и она поняла, что его ужасающие войска пошли в наступление.

Когда они понеслись к ней и ее следопытам, она подумала о рое насекомых, совершенных в своем бездумном единстве. У лучников были свои инструкции – вырезать сначала живых, а затем горящими стрелами предать огню мертвых. Первый град стрел накрыл почти всех сектантов. Второй залп пылающих стрел обрушился на ходячие трупы. Но, даже задержавшись – некоторые сгорали как сухой фитиль, сырые и гниющие, они нахлынули волной.

Каким-то образом они умудрялись вскарабкаться по почти вертикальным стенам из земли и камней, где расположились ее следопыты. К счастью, некоторые так сильно разложились, что их гниющие конечности отрывались от тел. Но падение их не останавливало. Они все напирали вперед, вверх, навстречу ее следопытам, которым теперь пришлось обнажить свои мечи. Они были прекрасными воинами и превосходно сражались в ближнем бою. Сражались против тех, кого останавливала потеря крови или рук и ног. Но против них…

Мертвые лапы, оканчивающиеся не пальцами, а когтями, добрались до Шелдарисы. Со страхом на лице, рыжеволосая эльфийка яростно сражалась, ее губы шевелились в воинственном кличе, которого Сильвана не слышала. Но они все наступали, окружая ее, и Сильвана чувствовала глубокую боль, видя, как Шелдарис пала под их натиском.

Она натягивала тетиву и отпускала, натягивала и отпускала, быстрее, чем мысли пролетали в ее голове, сосредоточившись на битве. Краем глаза она увидела, как одна из гигантских крылатых тварей с серой, как камень, кожей, устремилась вниз в трех метрах от нее. Ее морда, как у летучей мыши, исказилась в ликовании, когда она спустилась вниз и легко, словно плод с дерева, схватила Вор’атила и понесла его ввысь. Ее когти глубоко вонзились в плечи воина, и кровь брызнула на Сильвану, когда тварь устремилась вверх со своей добычей.

Вор’атил бился в хватке зверя, его пальцы нашли и вынули кинжал. Сильвана со стонущей нежити внизу переключила свое внимание на чудовище сверху. Она выстрелила прямо в его шею.

Стрела отскочила, без всякого вреда. Существо повернуло свою голову и зарычало, устав развлекаться с Вор’атилом. Оно отпустило одну руку и полоснуло своими когтями по шее воина, небрежно бросило его и развернулось, в поисках новой жертвы.

В безмолвном горе, Сильвана смотрела, как ее друг бездыханным рухнул на землю в кучу мертвых сектантов, которых убили ее следопыты.

Она открыла рот от удивления.

Сектанты зашевелились.

Из их тел торчали оперенные стрелы, порой в одном трупе их было больше дюжины, а они все еще шевелились.

– Нет, – не веря увиденному, прошептала она. Ее полный ужаса взгляд обратился к Артасу.

Принц смотрел прямо на нее, ухмыляясь мерзкой улыбкой. Одной могучей рукой в рукавице он сжимал рунический клинок. Другая была поднята в манящем жесте, и пока она смотрела, еще один убитый человек зашевелился и неуклюже поднялся на ноги, выдергивая стрелу из своего глаза, будто вытаскивая щепку из одежды. Ее атака ничего не стоила Артасу. Любой падший будет поднят его темной магией. Он видел в ее глазах, как она все поняла и разгневалась, и громко засмеялся.

– Я же пытался сказать тебе, – кричал он, его голос заглушал шум битвы. – А ты все снабжаешь меня новыми рекрутами…

Он повторил жест, и еще одно тело задергалось, будто его тащили вверх и заставляли встать на ноги. Тело, стройное и мускулистое, с длинными черными волосами, собранными сзади в конский хвост, со смуглой кожей и заостренными ушами. Кровь все еще ручейками сочилась из четырех ран на горле, а голова качалась из стороны в сторону, переломанная шея не могла удержать ее. Мертвые, некогда голубые как летнее небо, глаза искали Сильвану. И медленно он начал двигаться к ней.

Вор’атил.

В этот момент она почувствовала, как под ней слегка вздрогнули врата. Она была так растеряна убийством и воскрешением тех, кому следовало остаться мертвым, что не заметила его осадные орудия, маневрирующие на поле боя. К вратам издалека шагали твари размером с огра, собранные из разных трупов. А вместе с ними громадные пауки.

Затем что-то с мягким хлюпающим звуком ударилось об стену. Влага обрызгала Сильвану. На долю секунды ее разум отказывался принять то, что она видела, но реальность происходящего взяла вверх.

Артас не только поднимал трупы высших эльфов. Он метал их тела – или их куски – назад в Сильвану, как снаряды.

Сильвана тяжело сглотнула, а затем отдала приказ, который еще только несколько минут назад и представить себе не могла, что когда-нибудь отдаст.

– Шинду фала на! Отходим ко вторым вратам! Отступаем!

Те, что остались – *ах*, как до жалости мало их было, но, по крайней мере, они были живы и сражались под ее командованием – тут же повиновались, поднимая раненых и закидывая их себе на плечи, ручейки пота стекали по их бледным лицам, на которых отражался тот же с трудом сдерживаемый страх, что терзал и ее.

Они убегали. Это нельзя было назвать по-другому. Это было не организованное, скоординированное, военное отступление, а настоящее бегство. Сильвана бежала, помогая нести раненых, как только могла, и мысли в ее голове сменялись так же быстро, как они бежали.

Позади себя она услышала звук, который доселе было невозможно даже представить, звук ломающихся врат и рев нежити, воющей в своем триумфе. Ее сердце, казалось, вот-вот разорвется в муках.

Он сделал это – но как? Как?

Его голос, сильный, звучный, оттененный этой непонятной силой чего-то темного и ужасного, прогремел над всеобщим шумом.

– Эльфийские врата пали! Вперед, мои воины! Вперед – к победе!

Почему-то для Сильваны самым страшным, самым ужасным в этом ликующем, злорадном зове была… *привязанность*… которая чувствовалась в нем.

Она схватила за рукав молодого мужчину, бегущего рядом с ней.

– Тел'кор, – крикнула она. – Отправляйся на Плато Солнечного Колодца. Расскажи им о том, что мы здесь видели. Скажи им – чтобы были готовы.

Тел'кор был достаточно юным, чтобы позволить разочарованию промелькнуть на его красивом лице при мысли, что он не будет участвовать в битве, однако он кивнул своей золотой головой в знак понимания. Сильвана колебалась.

– Леди?

– Скажи им – возможно, нас предали.

Тел'кор побледнел и кивнул. Он помчался как стрела, выпущенная из лука. Он был хорошим лучником, но Сильвана не питала иллюзий, что один лишний лук мог переломить исход сражения. Но если же маги, контролирующие и направляющие энергии Солнечного Колодца, будут знать, что им грозит – это может.

Теперь они бежали на север, и когда ее войска пересекали мост, она неожиданно остановилась на бегу, резко развернулась и взглянула назад.

Сильвана с трудом дышала. Она ожидала увидеть, как идет Артас и его армия тьмы. Это должно было быть ужасно: нежить, поганища, летающие, похожие на летучих мышей, твари, гигантские пауки – целые сотни, с безжалостной решимостью несущиеся вниз.

Подобно тому, как удар оставляет рану, плуг оставляет

борозду, земля, по которой прошли мертвые, была черной и бесплодной. Даже хуже; Сильвана вспомнила сгоревшие леса, оставленные после себя орками, и их природа со временем восстановит. Но это – это был жуткий темный след смерти, будто омерзительная сила, державшая эти трупы в подчинении, убивали саму землю там, где они шли. Яд, они были как яд, а эта темная магия – порождением безумца.

И это должно быть остановлено.

Она остановилась только на мгновение, хотя ей показалось, будто была целую жизнь.

– Стойте! – закричала она ясным, сильным и решительным голосом. – Здесь мы остановимся.

Они на мгновенье растерялись, затем все поняли. Она быстро раздавала инструкции, а они неслись их выполнять. Многие из них замерли в ужасе, только сейчас бросив ошеломленный взгляд на раненную землю, которая так ужаснула их генерала, но они быстро оправились. Потом будет время, чтобы обеспокоиться об исцелении измученной земли. Сейчас они должны остановить распространение страшного шрама.

Вонь обгоняла армию, но Сильвана и ее следопыты уже были готовы к ней. Она уже не ослабляла их, как раньше. Она стояла на мосту с высоко поднятой головой, ее черный капюшон скользнул, обнажив ярко-золотые волосы. Армия мертвых замедлилась, а потом и вовсе остановилась, озадачившись этим зрелищем. Мерзкие фургоны, осадные машины и катапульты с грохотом остановились. Скелет коня Артаса встал на дыбы, он нагнулся и погладил костлявую шею, словно живого зверя. Сильвана почувствовала тошнотворную дрожь, когда животное ответило на прикосновение хозяина.

– Хорошая работа, – сказал Артас, его голос сквозил шутливостью, похожей на теплоту.

– Надеюсь, это не те самые ох-какие-невероятные эльфийские врата, о которых я так наслышан.

Сильвана заставила себя улыбнуться в ответ.

– Нет, не совсем. Но тебе это покажется неприятным препятствием.

– Леди, это всего-навсего обыкновенный мост. Ну вот, опять, как же эльфы любят надевать на кошек бумажные гривы и называть их львами.

На миг она оглядела его армию, ее гнев смешался с притворным самодовольством.

– Ты прошел через эти врата, убийца, но следующие тебе не по плечу. Внутренние врата Луносвета открываются особым ключом, который тебе никогда не достать!

Она кивнула своим спутникам, и те побежали через мост, чтобы присоединиться к своим товарищам на другой стороне.

Все шутливость Артаса испарилась, его тусклые глаза сверкнули. Рука в перчатке сжала рунический клинок. Швы на ней затрещали.

– Ты зря теряешь время, женщина. Нельзя остановить неизбежное. Хотя я нашел забавным смотреть, как ты убегаешь.

Теперь Сильвана рассмеялась разгневанным, удовлетворенным голосом, который шел из самых глубин ее души.

– Думаешь, я убегаю от тебя? Сразу видно, что ты никогда не имел дела с эльфами.

Хоть что-то, подумала она, было восхитительно просто. Сильвана подняла свою руку, бросила абсолютно не магическое, довольно практичное зажигательное устройство, и побежала, пока мост взорвался. Серебряные и золотые деревья радушно приняли их, склонившись и скрыв их от врага. Прежде, чем уйти слишком далеко, она услышала нечто, что заставило ее свирепо улыбнуться.

– Эта женщина начинает действовать мне на нервы.

Да. Действовать тебе на нервы. Изводить тебя, как воробей ястреба. Элрендар делит пополам Леса Вечной песни, и нескоро ты найдешь переправу для своих чудовищных машин. Она понимала, что это была лишь задержка, не более. Но если армия задержится достаточно долго, возможно, она успеет отправить в город сообщение.

Ее охватило беспокойство. Кажется, Артас в высшей степени был уверен, что сможет преодолеть магию, защищавшую эльфийские врата. Он уже показал некую осведомленность, когда смог уничтожить первые врата. Конечно, они не были защищены магией так, как вторые. Да и как она могла судить, высокомерие – его нормальное состояние, но… возможно ли это?

Пилящая ее неуверенность, которая побудило ее добавить последнее предупреждение в сообщение Тел’кора к магам, вновь зашевелилась внутри нее.

Знал ли Артас о ключе?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАЯ

Предатель, волшебник по имени Дар'кхан Дратир, должен был все упростить. И в какой-то мере, конечно, он это сделал. В противном случае Артас никогда бы не узнал о Ключе Трех Лун – магическом предмете, который был разбит на три отдельных лунных кристалла, спрятанных в хорошо охраняемых, потаенных местах Кель'Таласа. Каждый храм, говорил ему эльф, с радостью предав свой народ, был построен на пересечении линий леи, подобно самому Солнечному Колодцу. Линии леи были кровеносной системой земли, перенося вместо алой жидкости магию. Соединенные таким образом, кристаллы создавали энергетическое поле, известное как Бан'дориэль – Страж Врат. Все, что ему теперь было нужно – найти эти места: Ан'телас, Ан'дарот и Ан'овин – вырезать охрану и найти лунные кристаллы.

Но и исключительно миловидные, на удивление упорные эльфы оказались не простым испытанием. Артас восседал верхом на Непобедимом, изредка касаясь Ледяной Скорби, и размышлял на тему того, как такая хрупкая на вид раса может сопротивляться его армии. Ибо теперь это была именно армия – сотни солдат, поголовно мертвые, а потому их было значительно сложнее уничтожить.

Умная уловка генерала следопытов, заключавшаяся в подрыве моста, и верно, стоила Артасу драгоценного времени. Река тянулась через весь Кель'Талас, пока не поднималась напротив нескольких угорий к востоку – которые снижали мобильность его боевых машин не меньше воды.

Какое-то время это отняло, но реку они пересекли. Пока он обдумывал решение, что-то на закорках разума зашевелилось болью, покалывающее ощущение, которое он не мог в полной мере распознать. Раздосадованный, он решил не обращать внимание на странное ощущение и приказал нескольким своим неизменно преданным солдатам создать собственный мост – мост из гниющей плоти. Множество солдат забрело в воду и просто легло на дно, слой за слоем, пока, наконец, нельзя было перевезти шаткие мясные фургоны, катапульты и требушеты. Некоторая нежить была бесполезна, поскольку их тела были слишком изломаны или разорваны, чтобы сохранить цельность. Этих Артас почти нежно освободил из-под своего контроля, даруя истинную смерть. Их тела, весьма кстати, отравят чистую речку. Еще одно оружие.

Он, конечно, мог легко пересечь реку, что и сделал.

Непобедимый без колебаний погрузился в воду, и Артасу вдруг вспомнился роковой прыжок лошади в середине зимы, когда во время прыжка она поскользнулась на обледенелых камнях, также беспрекословно послушная воле хозяина, что и теперь. Воспоминание обрушилось на него совершенно неожиданно, и целый миг он не мог дышать, настолько его захлестнули боль и чувство вины.

Все прошло так же быстро, как началось. Теперь все было лучше. Он больше не был тем эмоционально неуравновешенным ребенком, мучимым стыдом и чувством вины, что, всхлипывая на снегу, поднимал тогда меч, чтобы пронзить сердце верного друга. Нет, да и Непобедимый не был ныне обычным смертным существом, чтобы ему повредила такая малость. Оба они теперь были сильней. Могущественней. Непобедимый пребудет вечно, находясь в услужении у хозяина, как и всегда. Он не познает ни жажды, ни боли, ни голода, ни усталости. А он, Артас, возьмет то, что захочет и когда захочет. Больше не будет ни молчаливого неодобрения отца, ни ворчания святоши Утера. Не будет неопределенных взглядов Джайны, со складкой, пробежавшей над бровями в этом до боли знакомом выражении...

Джайна...

Артас ожесточенно потряс головой. У Джайны был шанс присоединиться к нему. Она отказалась. Отвергла его, хотя клялась, что никогда этого не сделает. Он ничего ей не должен. Теперь им командовал лишь Король-лич. Эта смена мыслей успокоила его, Артас улыбнулся и похлопал выпуклый позвоночник мертвого зверя, который кивнул в ответ. Конечно, его взволновала именно та прекрасная и упрямая предводительница следопытов, которая заставила его засомневаться – пусть даже на мгновение – в правильности выбранного им пути. У нее тоже был шанс. Артас пришел ради конкретной цели, и цель эта состояла не в том, чтобы уничтожить Кель'Талас и его жителей. Не воспротивься они ему, он оставил бы их в покое. Не он, а ее острый язычок и дерзкое поведение навлекли рок на ее народ.

Вода просачивалась в стыки его доспехов и штанов, рубашка и стеганка, которые он носил под металлической броней, намокли и замерзли. Артас этого не чувствовал. Мгновение спустя, Непобедимый поднялся, карабкаясь на противоположный берег. Последние из мясных фургонов уже выкатывались на берег, и более-менее целые трупы выползли на землю. Остальные лежали там, где повалились, и некогда кристально чистая вода омывала их.

– Вперед, – сказал рыцарь смерти.

Следопыты отступили к деревне Легкий Ветерок. Едва спал шок, местные сделали все, что могли: кто ухаживал за ранеными, кто предложил те оружие и навыки, что у них были. Сильвана приказала тем, кто не мог сражаться, как можно скорей отправляться в Луносвет.

– Ничего не берите, – произнесла она, когда женщина кивнула и поспешила подняться по рампе в верхнюю часть дома.

– Но в наших комнатах наверху...

Сильвана развернулась, ее глаза просто горели.

– Вы еще не поняли? К нам идут мертвые! Они не чувствуют усталости, не замедляют шаг, они подбирают наших павших и вливают их в свое войско! Мы не более чем задержали их. Берите семью и бегите!

Женщину, похоже, ответ генерала следопытов застал врасплох, но она повиновалась, потратив лишь несколько секунд, чтобы собрать свою семью, и потом они устремились по дороге к столице.

Артас не остановится надолго. Сильвана пробежалась быстрым оценивающим взглядом по раненым. Никого здесь нельзя оставлять. Их тоже понадобится эвакуировать в Луносвет. Что касается тех немногих, что были еще здоровы, ей от них нужно было еще больше. Может быть, все, что у них есть. Как и она, все они поклялись защищать свой народ. Пришел день расплаты.

Поблизости, меж Элрендаром и Луносветом, был шпиль. Что-то вселяло в нее уверенность, что Артас сумеет пересечь реку и продолжит марш. Продолжит коверкать землю пурпурно-черным шрамом. Шпиль был бы хорошим местом, чтоб держать оборону. Узкие рампы не дадут нежити навалиться настоящей армадой, что в прошлый раз и стало причиной поражения, к тому же, в здании несколько уровней, все открытые. Она и ее лучницы смогут нанести большой урон его войскам, прежде чем будут...

Сильвана Ветрокрылая, генерал следопытом Луносвета, сделала глубокий вздох, плеснула воды себе на горящее лицо, жадно глотнула успокаивающей жидкости и воспряла, чтобы подготовить уцелевших и раненых, но способных двигаться, к тому, что, безо всякого сомнения, станет их последней битвой.

Они чуть не опоздали.

Уже тогда, когда следопыты поднимались на шпиль, который станет их бастионом, воздух, прежде столь сладкий и свежий, был испорчен болезненным запахом разложения. Над их головами парили лучники верхом на дракондорах. Великолепные ало-

золотые существа безрадостно тянули свои, как у змей, головы против поводьев. Они тоже чуяли смерть, и это их тревожило. Никогда еще прекрасные звери не были вынуждены служить такую ужасную службу. Один из всадников подал знак Сильване, и она ответила тем же.

– Нежить заметили, – невозмутимо сообщила она своим бойцам. Те кивнули. – По местам. Спешите.

Они повиновались, будто хорошо смазанный гномий механизм. Всадники на дракондорах поднялись южнее, в сторону надвигающегося врага. Отряд лучниц и пехоты также поспешил выдвинуться вперед – первая линия обороны. Ее лучшие лучницы устремились вверх по изогнутым рампам шпиля. Остальные рассыпались у подножия строения.

Ждать им пришлось недолго.

Если в ней и теплилась робкая надежда, что каким-то образом численность врага после той задержки уменьшится, она разбилась, как прекрасный кристалл о каменный пол. Теперь она бегло взглянула на омерзительный авангард: гниющая нежить, за ней скелеты и огромные трехрукие поганища, и в каждой его конечности было по тяжелому оружию. Над ними, словно грифы, летали, кружа, на вид как каменные звери.

Они побеждают…

Как странны пути разума, думала Сильвана с нотками мрачного юмора. Теперь, когда приближался час ее верной смерти, в голове ее играла древняя песня, та, которую она любила петь с другими детьми из ее семьи, когда был мир, и все они были вместе. Аллерия, Вериса и их младший брат, Лират – в сумерках, когда мягкие лиловые тени нежно все укрывали, и сквозь земли летел сладкий запах океана и цветов.

Анар'ала, анар'ала белоре, кель'дорай, шинду фалла на… Во имя света, во имя солнечного света, высшие эльфы, наши враги побеждают…

Она не сразу осознала это, но ее рука взметнулась вверх, чтобы сомкнуться на ожерелье, которое она носила на стройной шее. Это был подарок от старшей сестры, Аллерии, но вручила его ей не Аллерия, а одна из ее помощниц, Верана. Аллерия исчезла, растворилась в Темном Портале в попытке остановить Орду, не дать ей снова творить зверства как в Азероте, так и в других мирах.

Она так и не вернулась. Она расплавила ожерелье, данное ей родителями, и сделала из трех камней для каждой из сестер Ветрокрылых по ожерелью. Камнем Сильваны был сапфир. Она наизусть знала надпись: "*Сильване. С вечной любовью, Аллерия*".

Она подождала, сжимая ожерелье, которое ей всегда давало

связь с погибшей сестрой, потом медленно с усилием отняла руку. Сильвана сделала глубокий вдох и выкрикнула:

– В атаку! За Кель'Талас!

Они их не остановят. На самом деле, она и не ждала, что остановит их. По выражениям страшных, залитых кровью лиц вокруг себя Сильвана поняла, что ее следопыты знали это не хуже ее. Пот заливал ей лицо. Ее мускулы вопили в изнеможении, но Сильвана Ветрокрылая сражалась. Она стреляла, натягивала, стреляла и вновь натягивала так быстро, что движения рук смазывались. Когда рой трупов и монстров подобрался слишком близко для стрел, она отшвырнула лук и схватила свой короткий меч и кинжал. Она крутилась и била, бессвязно крича.

Рухнул еще один, голова слетела с плеч, лишь чтобы быть раздавленной, словно дыня, под ногами подобных ему. Два других монстра хлынули вперед, чтоб занять его место. И Сильвана сражалась, как дикая рысь лесов Вечной Песни, выливая всю свою боль и ярость в атаку. Она заберет с собой столько, сколько сможет.

Они побеждают…

Они все нажимали, они слишком близко, гнилое зловоние почти раздавило их. Теперь их слишком много. Сильвана не медлила. Она будет сражаться, пока ее не уничтожат, пока…

Напор трупов внезапно исчез. Они отступили и недвижно стояли. Хватая воздух ртом, Сильвана глянула вниз с холма.

Он был там, ждал верхом на своем мертвом скакуне. Когда он внимательно разглядывал ее, ветер играл в его длинных белых волосах. Она выпрямилась, смахивая с лица кровь и пот. Когда-то он был паладином. Ее сестра любила одного вроде него. Вдруг Сильвану охватила горячая радость, что Аллерия мертва и не может этого видеть, не может видеть, что бывший воин Света делал со всем, что Ветрокрылые любили и берегли.

Артас поднял мерцающий рунический клинок в формальном приветствии.

– Я преклоняюсь перед твоей отвагой, эльфийка, но игра окончена, – что странно, говорил он так, будто подразумевал комплимент.

Сильвана сглотнула, рот ее был сух, словно кость. Она сжала хватку на оружии.

– Значит, я встану здесь, палач. Анар'ала белоре.

Его серые губы дернулись в судороге.

– Как пожелаете, генерал следопытов.

Он даже не позаботился соскочить на землю. Вместо этого скелетообразный скакун взвыл и ринулся на нее. Артас левой рукой сжал поводья, правой вытаскивая тяжелый меч. Сильвана

лишь единожды всхлипнула. Ее губы не издали крика ни страха, ни сожаления. Лишь короткий резкий всхлип бессильной злобы, ненависти, праведной ярости на то, что она была не в силах их остановить, даже если отдала все, что у нее было, даже ценой своей жизни.

Аллерия, сестра, я иду.

Она встретила смертоносный клинок в лобовой атаке, ударив собственным оружием, которое при ударе рассыпалось. А потом рунный клинок вонзился в нее. Он был холоден, так холоден, когда резал ее, будто был изо льда.

Артас нагнулся к ней, взгляд его замер на ее глазах. Сильвана кашляла, брызги крови испещряли его мертвенно бледное лицо. Было это лишь ее воображением, или в его по-прежнему прекрасных чертах мелькнула тень сожаления?

Он рванул свое оружие назад, и она упала, кровь из нее хлынула рекой. Сильвана содрогалась на холодном каменном полу, каждое движение раздирало ее агонией. Ее рука глупо дрожала на зияющей ране в ее животе, будто бы она могла зажать ее и остановить поток.

– Кончай с этим, – шепнула она. – Я заслужила… чистую смерть.

Его голос наплыл на нее откуда-то, когда ее глаза сомкнулись.

– После всего, через что ты заставила меня пройти, женщина, покой смерти – последнее, что я бы тебе дал.

На один удар сердца в ней шевельнулся колючий страх, но потом он растворился, как растворилось все остальное. Он поднимет ее, как одну из тех гигантских шаркающих тварей?

– Нет, – прошептала она, голос звучал откуда-то издалека. – Ты… не посмеешь…

А потом это ушло. Все это ушло. Холод, смрад, жгучая боль. Было мягко и тепло, темно, тихо и спокойно, и Сильвана позволила себе утонуть в приветственной тьме. Она, наконец, могла отдохнуть, могла сложить оружие, которое, служа своему народу, так долго носила.

А потом…

Агония пронзила ее, такая мука, которой она никогда прежде не знала, и Сильвана внезапно осознала, что никакая боль физическая, которую она испытывала прежде, не была и бледной тенью этой пытки. Это была мука духа, души, покидающей безжизненное тело и захватываемой в ловушку. Рвущая, раздирающая, отнимающая от того теплого убежища тишины и недвижности. Насильственность добавила изощренности мукам, и Сильвана почувствовала, как раздается крик, прокладывая себе

путь из далеких глубин, сквозь губы, которые – она откуда-то знала это – больше не были осязаемыми, низкий режущий скорбный крик страдания, которое больше не принадлежало одной ей, которое заставляло замирать сердца, кровь стыть в жилах.

Тьма в ее взоре рассеялась, но краски не вернулись. Впрочем, чтобы видеть его, своего мучителя, ей не нужен был ни красный, ни синий, ни желтый цвет; он был белых, серых и черных цветов даже в полном красок мире. Рунный клинок, что отнял ее жизнь, отнял и поглотил душу, блестел и светился, а свободная рука Артаса взметнулась в зовущем жесте в тот момент, когда он вырвал ее душу из успокаивающих объятий смерти.

– Банши, – сказал он ей. – Ею я тебя сделал. Твоя боль может обрести голос, Сильвана. Я дам тебе лишь это. Это больше, чем получают другие. И так ты будешь причинять боль другим. Теперь, беспокойный следопыт, ты будешь служить.

Ужаснувшись сверх меры, Сильвана воспарила над своим окровавленным, изломанным телом, всматриваясь в собственные застывшие глаза, а потом назад, в Артаса.

– Нет, – произнесла она пустым и мрачным голосом, который, тем не менее, можно было узнать. – Я никогда не буду служить тебе, мясник.

Он сделал жест, незначительный, пошевелись укрытым латной перчаткой пальцем. Ее спина изогнулась в агонии, из нее исторгся еще один крик, и она поняла с мучительно-яростным чувством горя, что совершенно бессильна перед ним. Она была его инструментом, как гниющие трупы и бледные, зловонные поганища.

– Твои следопыты тоже служат, – произнес он. – Теперь они в моей армии, – Он колебался, и в голосе его было неподдельное сожаление, когда он говорил. – Все это не должно было быть так. Знай, что судьба – твоя, их и всего твоего народа – выбрана вами самими. Но мне нужно идти к Солнечному Колодцу. И ты мне поможешь.

Ярость внутри Сильваны росла, будто живой зверек в бесплотном теле. Она парила рядом с ним, его новая прекрасная игрушка, а тело ее было брошено в один из мясных фургонов – кто знает, для какого извращенного плана, придуманного Артасом. Она никогда не отдалялась от рыцаря смерти более чем на метр, как будто между ними была связующая нить.

И она начала слышать шепот.

Поначалу Сильвана гадала, не сошла ли она с ума в этой новой, отвратительной ипостаси. Но вскоре стало ясно, что даже

прибежище безумия ей недоступно. Голос в ее разуме сначала был неразборчив, и в своем презрении она не желала его слышать. Но вскоре она осознала, кому он принадлежит.

Артас бросал на нее косые взгляды, когда они продолжали его неумолимый марш к Луносвету и дальше, тщательно за ней следя. В какой-то момент, когда эта армия, безвольной частью которой она была, двигалась вперед, уничтожая по мере продвижения все на своем пути, она расслышала голос очень четко.

Моему торжеству ты служишь, Сильвана.. Ради мертвых ты трудишься. Послушания ты будешь жаждать. Артас – первый и самый любимый из моих рыцарей смерти, он будет повелевать тобой вечно, и ты найдешь это радостным.

Артас видел, как она содрогнулась, и улыбнулся ей.

Если она думала, что презирала его, когда впервые увидела перед вратами Кель'Таласа, когда чудесная земля за ними была еще чиста и не знала смертоносных шрамов; если думала, что ненавидела его, когда его слуги убивали ее воинов и воскрешали как безжизненных марионеток, когда он пронзил ее единственным диким ударом своего чудовищного рунного клинка – то это было ничто перед тем, что она ощущала сейчас. Свеча перед солнцем, шепот перед криком банши.

Никогда, сказала она голосу в своей голове. *Он управляет мной, но Артас не может сломить мою волю.*

Глухой, холодный смех был единственным ей ответом.

Они продолжали идти, за Деревню Легкого Ветерка и Восточное Святилище. Остановились они у самых ворот Луносвета. Голос Артаса не мог так разноситься, но Сильвана знала, что, когда он стоял перед вратами, он был слышен в любой точке города.

– Жители Луносвета! Я дал вам довольно возможностей сдаться, но вы упрямо отказались. Знайте же, что сегодня весь ваш род и ваше древнее наследие сгинут! Сама смерть пришла, чтобы захватить обитель эльфов!

Она, генерал следопытов Сильвана Ветрокрылая, была выставлена перед своими сородичами как пример того, что их ждет, если они не сдадутся. Они не сдались, и за это она горячо любила их, даже тогда, когда темный хозяин заставлял ее служить ему.

Так пал он, сверкающий, прекрасной город магии, его великолепие разбилось и рассыпалось обломками, когда армия нежити – Плеть, как она слышала, называл их Артас с чувством извращенной привязанности в голосе, – продолжала наступать. Как и прежде, Артас поднимал павших на службу, и если бы у

Сильваны еще было сердце, оно бы разбилось при виде того, как столь много друзей и любимых волочилось бок о бок с ней, бессмысленно послушных. Они шагали через город, рассекая его надвое мерзким фиолетово-черным шрамом, и его жители, сгибаясь к собственным ногам, с ранами, раздробленными черепами, волоча за собой выпущенные внутренности, тащились за ними.

Она надеялась, что канал между Луносветом и Кель'Данасом станет неодолимой преградой, и на мгновение эта надежда будто осуществилась. Артас натянул поводья, уставившись на блистающую в лучах солнца синюю воду, и нахмурился. Мгновение он сидел на своем неестественном скакуне, хмуро сведя белые брови.

– Ты не можешь заполнить трупами этот канал, Артас, – Сильвана злорадствовала. – Здесь и целого города не хватит. Здесь ты остановишься, и твое поражение сладко.

А потом то существо, что было когда-то человеком и, по всеобщему мнению, хорошим человеком, обернулось и усмехнулось в ответ ее надоедливым словам неповиновения, отправляя в приступ агонии и вырывая из бесплотных губ новый режущий души крик.

Он нашел решение.

Он швырнул Ледяную Скорбь к берегу, почти с восторгом наблюдая, как она крутилась – один оборот за другим, – чтобы приземлиться, вонзившись острием в песок.

– Внемлите Ледяной Скорби...

Сильвана тоже слышала его, голос Короля-лича исходил от нечестивого оружия, когда перед ее пораженным взором вода, плещущаяся у исписанного рунами клинка, начала оковываться льдом. Льдом, который он, его воины и орудия могли пересечь.

Они боролись на Кель'Данасе, боролись всем, что в себе имели. Когда перед Артасом появился Анастериан, его пламенная магия пронеслась опустошением по ледяному мосту рыцаря смерти, но Артас оправился. Он нахмурился, сверкнув глазами, обнажил Ледяную Скорбь и устремился к эльфийскому королю.

Даже если она отчаянно надеялась, что Анастериан одолеет Артаса, Сильвана знала, что он не сумеет. Три тысячелетия покоились на этих плечах, белому цвету волос, ниспадавших почти к самым ногам. Причиной была не темная магия, а старость. Некогда он был могучим воителем, и до сих пор был мощным магом, но ее новому призрачному взору открывалась в нем некоторая хрупкость, которой она не замечала, когда еще дышала. Но он стоял, в одной руке его древнее оружие, Фело'мелорн, "Удар Пламени", в другой – посох с блистающим

кристаллом.

Артас рубанул, но Анастериан уже не стоял перед мчащимся во весь опор скакуном. Каким-то образом, быстрее, чем Сильвана могла заметить, он припал на колено, взмахнув Фело'мелорном, и в ровном ударе по передним ногам коня начисто отсек их. Конь разразился криком и рухнул вместе со своим седоком.

– Непобедимый! – кричал Артас, выглядя так, будто его скрутил приступ боли, в то время как мертвая лошадь каталась по земле, пытаясь подняться, две недостающие ноги не давали ей. Сильване это показалось странным боевым криком, если учесть, что Анастериан лишь получил преимущество. Но лицо, которое Артас обратил к королю эльфов, было полно нагой ярости и боли. Теперь он выглядел почти человечным, тем, кто видел что-то любимое им в муках. Он с трудом поднялся, в смятении оглядываясь на коня, и на дикий миг Сильване подумалось, что, может быть...

Древнее эльфийское оружие не чета руническому клинку, Сильвана знала, оно не сравнится с ним, не сможет. Оно с лязгом треснуло, когда два меча столкнулись, и отсеченный осколок, бешено вращаясь, отлетел прочь, когда пал Анастериан, а его душа была оторвана от него и поглощена мерцающей Ледяной Скорбью, как было и со многими другими.

Он распластался на льду, безвольный, в ширящейся луже крови, с белыми волосами, разметанными, словно саван, когда Артас устремился к мертвому коню и принялся прилаживать отсеченные ноги, ставя на место кости, в то время как тот подпрыгивал вокруг него, тыкаясь мордой. И Сильвана, хоть знала, что это причинит боль тем, кого она еще любила, не смогла снести тяжесть боли, мучений, горящей и полной ненависти к Артасу и всему, что он сделал. Ее голова запрокинулась, она развела руки, открывая рот, и из ее неосязаемого горла исторгся крик, прекрасный и ужасный одновременно.

Она кричала и прежде, когда он ее пытал. Но то была лишь ее собственная боль, ее мука. А это было большим. Пытка, агония, да, но еще больше, чем это, ненависть столь непомерная, чистая. Она слышала, как другие крики боли смешивались с ее собственным, видела, как эльфы падали на колени, зажимая кровоточащие уши. Некоторые падали, их броня растрескивалась и осыпалась зазубренными обломками, сами кости ломались под плотью.

Даже Артас на минуту уставился на нее, его белые брови сошлись вместе в оценивающем выражении. Она хотела остановиться. Хотела заставить себя замолчать, заглушить этот

крик разрушения, который лишь помогал тому, кого она столь страстно ненавидела. Наконец, он истончал, стерся под ее болью, и Сильвана, банши, болезненно безмолвная, рухнула наземь.

– Воистину, ты прекрасное оружие, – прошептал Артас. – И, может статься, обоюдоострый клинок. Я буду следить за тобой.

Ужасная армия двигалась. Артас достиг плато. Он добрался до него и вырезал тех, кто охранял Солнечный Колодец, заставив ее участвовать в резне. А потом он обрушил на ее народ последний ужас, пройдя к величественному бассейну сияния, которое тысячелетия поддерживало кель'дораев. Рядом с ним, ожидая, стояла фигура, которую Сильвана узнала – Дар'Кхан Дратир.

Да, именно он предал Кель'Талас. На его ухоженных руках, даже больше, чем на руках Артаса, была кровь тысяч. В ней бушевала ярость. Она смотрела, как мерцание, которое, как она знала, было золотистым, играло на чертах Артаса, смягчая их и давая притворную теплоту. Потом он вытряхнул содержимое изысканно изготовленной урны в воды, и свечение изменилось. Оно начало пульсировать и скручиваться, и внутри, в центре водоворота испорченного магического мерцания...

…Тень…

Даже после всего, свидетелем чего она стала в этот черный день, после того, чем она стала, Сильвана была поражена тем, что восстало из осквернённого Солнечного Колодца, поднимаясь и вздымая руки к небесам. Рогатый смеющийся скелет с пылающими огнем глазницами. Вокруг него извивались цепи, его пурпурные одежды трепетали с каждым его движением.

– Я перерожден, как и было обещано. Король-лич даровал мне вечную жизнь!

Так все было ради этого? Ради воскрешения этой одной-единственной сущности? Вся резня, пытки, ужасы, порча необъяснимо ценного и жизненно важного Солнечного Колодца, разрушение тысячелетнего уклада жизни – ради этого?

Она с тошнотой глядела на хихикающего лича, и единственным, что дало ей хоть немного забыть об агонии, было видеть, как Дар'Кхан, пытаясь предать своего хозяина так же, как предал свой народ, умер, как и она, от острой Ледяной Скорби.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Прохладный ветер взъерошил белые волосы Артаса, обдувая его улыбающееся лицо. Как приятно было снова оказаться в холодных краях этого мира. Земля эльфов с ее вечным летом, запахом цветов и трав тревожила его. Она напоминала ему сады Даларана, где он подолгу проводил время с Джайной; львиный зев усадьбы Бальнира. Уж лучше ветер, очищающий разум, и холод, подавляющий воспоминания. Память о минувших событиях больше ему была не нужна, она была его слабостью, которой не было места в сердца Артаса Менетила.

Он был, как всегда, на своем верном коне, Непобедимом. Из Кель'Таласа он унес с собой одно плохое воспоминание – тот подонок, король Анастериан, трусливо накинулся не на наездника, а на невинного коня, сломав тому ноги точно так же, как это было у Непобедимого перед самой смертью. Происшествие вынудило Артаса вновь вернуться в прошлое к той ужасной трагедии, глубоко затронув его, а в случае с Анастерианом – заставив люто разгневаться, что, в конце концов, хорошо послужило ему для завершения их битвы. Перед ним и позади него через заснеженный проход шла его армия, неутомимая, не чувствующая холода. Где-то среди этой ужасной процессии была банши. Артас позволил Сильване пока что остаться рядом с ним. Его более интересовал Кел'Тузад, безмятежно парящий возле него, если такой эпитет вообще можно было применить к личу. Он был тем, кто направлял Плеть в эти далекие промерзшие земли, и до сих пор Артас не подвергал его распоряжения сомнению. Но поход становился скучным, и ему стало любопытно. Принц почувствовал, что он ухмыльнулся.

– Так ты не злишься на меня, – язвительно заметил он, – за то, что я когда-то убил тебя?

– Не будь глупцом, – ответил воскрешенный некромант. – Король заранее предупредил меня о том, чем закончится наша встреча.

Это удивило Аратса.

– Король-лич знал, что я убью тебя? – он нахмурился, мельком взглянув на клинок, который свисал с бедра. Ныне он молчал, дремал. От него больше не исходило шепотов, и руны не пылали силой.

– Конечно, – ответил Кел'Тузад с превосходством в замогильном голосе. – Он выбрал тебя на роль главного героя задолго до того, как появилась Плеть.

Тревога Артаса усугубилась. Никто не спросил его и не *рассказал* о его судьбе. Но принял бы он ее, зная правду? Да, он сам так решил. Ему не нравилось, что им управляют, но он знал, что нужно было умерить свой нрав, если ему суждено было стать грозным оружием. Он должен был пойти шаг за шагом навстречу своей судьбе или же отречься от нее. Но тогда бы он был с Джайной, а Утер и его отец были бы…

– Если он столь всемогущ, почему он позволяет повелителям ужаса командовать собой?

– Они – слуги тех, кто создал нашего властелина: огненных лордов Пылающего Легиона.

Эта фраза вызвала дрожь у Артаса. Пылающий Легион. Всего лишь два слова, но мощь, которая скрывалась в них, будоражила кровь. Его Ледяная Скорбь замерцала.

– Это могучая армия демонов, уже покорившая множество миров, – голос Кел'Тузада словно вгонял его в транс, и Артас на мгновение сомкнул глаза. За закрытыми веками в его уме предстали сцены, о которых рассказывал лич. Он видел красное небо над красным миром. По горной местности лилась волна существ. Они бежали словно гончие, но они были не настоящими зверьми – их рты были полны ужасных острых зубов, и из их плеч росли странные щупальца. Каменные валуны падали на землю, оставляя за собой след из зеленого пламени, оживая и превращаясь в големов, идущих навстречу своим противникам.

– Теперь они хотят придать огню этот мир. Наш господин был создан, чтобы подготовить их приход. А повелители ужаса надзирают за ним.

Видение в разуме Артаса сменилась. Он взирал на врата из камня. Он понял, что это был Темный Портал, хотя никогда раньше его не видел. Тот излучал зеленый огонь, и у него столпилось множество демонов. Артас завертел головой, и видение исчезло.

– То есть эпидемия в Лордероне, цитадели Нордскола, битва в землях эльфов… это все приготовления к приходу каких-то демонов?

– Да. Со временем ты поймешь, что вся наша история – лишь репетиция грядущей битвы.

Артас начал обдумывать услышанное. Ледяная Скорбь определенно пробудилась, и он снял рукавицу со своей правой руки, чтобы погладить свой меч. Холод, продирающий кости, был настолько силен, что даже его рука, рука рыцаря смерти, которому обычный холод был нипочем, заболела, как только он дотронулся до меча. До него вновь дошел шепот, и он улыбнулся.

– Есть что-то еще, лич? – спросил он, развернувшись к

Кел'Тузаду. – Ты упомянул, что повелители ужаса держат нашего господина в заключении. Расскажи мне все.

У Кел'Тузада, не обладающего более плотью, нельзя было рассмотреть выражение лица, чтобы понять, о чем он думает. Но Артас заметил, как нежить немного сгорбилась, что означало его нерешительность. Тем не менее, он сказал.

– Мы сделали первый шаг – создали Плеть и уничтожили всех, кто мог противостоять Легиону.

Артас кивнул.

– То есть войска Лордерона… и эльфов, – он почувствовал комок в горле, но решил не придавать этому значение.

– Именно. Теперь мы должны призвать повелителя демонов, который начнет вторжение, – лич указал своим костяным пальцем туда, куда они направлялись. – Неподалеку отсюда расположен лагерь орков. На их территории находятся врата, ведущие в мир демонов. С помощью этих врат я смогу связаться с повелителем и получить у него новые указания.

Артас спокойно сидел на Непобедимом. Его мысли вновь утянули его в прошлое, когда он сражался с орками рядом с Утером Светоносным в Странбраде. Он вспомнил, что орки приносили людей в жертву своим повелителям – демонам. Тогда он с Утером чувствовали отвращение и были сильно потрясены. Сам Артас тогда словно обезумел, так что Утеру пришлось прочесть ему лекцию о том, что нельзя сражаться с гневом в сердце. "Если мы позволим нашим эмоциям обратиться к жажде крови, то мы не будем ничуть лучше этих мерзких орков," – упрекнул его Утер.

Что ж, Утер был мертв, и хотя Артас все равно убивал орков, теперь он работал на демонов. Возле глаза дернулся мускул.

– Так чего же мы ждем? – огрызнулся он и пустил Непобедимого вскачь.

Орки сражались смело, но, как и все прошлые попытки остановить Плеть, – бесполезно. Артас вышел вперед, верхом на Непобедимом, ловко перепрыгивая лежащие тела орков. Он долго изучал врата. Три каменных плиты были слишком изысканы, чтобы быть созданными этой зверской расой. Врата соседствовали с огромными костями животных, пылающими тусклым красным оттенком. Внутри пространства, заключенного между каменными плитами, вяло циркулировала зеленая энергия. Проход в другой мир. Джайна могла им заинтересоваться – но страх пересилил бы ее любопытство. Именно это делало ее слабой.

Именно это… делало ее Джайной…

– Все дикари перебиты, – сплюнул Артас. – Врата теперь в твоем распоряжении, лич.

Могучий скелет весь дрожал от восхищения, заскользив вперед и сложив руки, словно в молитве. Лестница вела к арке; Артас заметил, что лич не поднялся ни на одну ступень. Он стоял у фундамента портала, из уважения – или из прагматического желания избежать быстрой смерти. Артас отошел назад, пристально наблюдая за происходящим с Непобедимого.

– Взываю к тебе, Архимонд! Твой верный слуга жаждет лицезреть тебя!

Зеленый туман продолжил кружиться в водовороте. Вскоре Артас смог разглядеть в нем фигуру, в чем-то похожую на повелителей ужаса, с которыми он уже был знаком, а чем-то отличающуюся от них.

У существа, которое увидел Артас, была сине-серая кожа, правда из-за окружавшего его зеленого света нельзя было сказать наверняка. Несомненно, демон этот был силен – мощная грудь, огромные крепкие руки. А нижняя часть тела походила на козлиную: ноги Архимонда были изогнуты коленьями в обратную сторону и заканчивались не ступнями, а раздвоенными копытами. Хвост позади него дергался, что было совсем не похоже на спокойного и сдержанного Архимонда. Руки, плечи и голени были облачены в золотую, мерцающую броню с выступающими черепами и шипами. С подбородка свисали два длинных и тонких щупальца. Но что сильнее всего привлекало внимание к его вытянутому лицу, так это глаза, пылающие ядовито-зеленым огнем, более ярким и более четким, чем кружащийся зеленый туман. Хотя физически Архимонд не был в этом мире, Артас почувствовал присутствие демона, от которого он не мог пошевелиться.

– Ты произнес мое имя, лич – я пришел, – сказал демон, его резонансный голос каждым слогом откликался в костях Артаса. – Ты – Кел'Тузад, не так ли?

Кел'Тузад склонил свою рогатую голову. Артас чувствовал раболепие лича.

– Да, о Великий. Это я призвал вас. Прошу, расскажите, как мне ускорить ваш приход в этот мир. Я существую лишь для того, чтобы служить вам.

– Есть особый том, который тебе нужно найти, – провозгласил повелитель демонов. Его взгляд скользнул к Артасу, демон на мгновенье посмотрел на него, и тут же отвернулся. Это вызвало у Артаса раздражение. – Единственная сохранившаяся книга заклинаний Медива, Последнего из Хранителей. Только его потерянные знания способны перенести меня в этот мир. Ищите

город смертных, что называется Даларан. Книга хранится там. На закате третьего дня ты начнешь обряд.

Образ исчез. Артас долго еще смотрел туда, где был Архимонд.

Даларан. Величайшая концентрация магии в Азероте после Кель'Таласа.

Даларан. Там училась Джайна Праудмур. И весьма вероятно, Джайна все еще там. На мгновенье в нем вспыхнула вспышка боли.

– Даларан защищают самые сильные маги Азерота, – медленно сказал он Кел'Тузаду. – Нам не удастся скрыть свое наступление. Они будут готовы.

– Как был готов Кель'Талас? – рассмеялся во весь голос Кел'Тузад. – Вспомни, с какой легкостью эта армия сокрушила его. И там будет то же самое. Кроме того, напомню тебе... я был членом Кирин Тора и приближенным к Архимагу Антонидасу. Даларан был моим домом, когда я еще был смертным во плоти. Я знаю все его секреты, все его защитные заклинания, способы оказаться там, где они даже и не думали ставить охрану. Как это мило – навести ужас на тех, кто заставлял меня отречься от моего пути, от моей судьбы. Не бойся, рыцарь смерти. Мы не можем потерпеть неудачу. Никто и ничто не может остановить Плеть.

Краем глаза Артас уловил движение. Он развернулся и увидел бестелесный дух некогда живой Сильваны Ветрокрылой. Очевидно, она слышала их беседу и заметила его реакцию на новый приказ.

– Этот разговор о Даларане тронул тебя, – лукаво заметила она.

– Замолчи, призрак, – пробормотал он, вспомнив против воли, как он впервые прошел врата Даларана, сопровождая Джайну. Невинность того времени теперь была ему уже недоступна.

– Возможно, кто-то, о ком ты заботился? Приятные воспоминания?

Проклятая банши не отставала. Он отдался гневу, сжал руку, и она закорчилась от боли, пока он не отпустил ее.

– Больше ни слова об этом, – предупредил он. – Не мешай нам.

Сильвана молчала. Но на ее бледном, призрачном лице появилась дикая самодовольная усмешка.

– Я могу помочь, – голос Джайны был спокоен, чего сама она не ожидала. Она находилась рядом со своим наставником, Антонидасом, в его любимом, по-домашнему уютном кабинете,

где всегда царил кавардак. – Я достаточно обучена для этого.

Архимаг стоял и смотрел в окно, сжав руки за спиной, как будто ничего страшного не происходило, и он просто наблюдал, как внизу студенты проводят практику.

– Нет, – спокойно заявил он. – У тебя иная задача, – он повернулся к ней, и ее сердце сжалось, лишь она увидала выражение его лица. – Задача, от которой я… и Теренас, да хранит Свет его душу… уклонились. Он отказался выслушать того странного пророка, и был убит его же сыном, а его королевство лежит теперь в руинах, по которому бродят лишь мертвецы.

Даже сейчас внутри Джайны все сжалось при его упоминании. Артас…

Ей все еще было сложно поверить в происходящее. Она любила его, так сильно… она любила его до сих пор. Она постоянно молилась, тихо и незаметно ото всех, чтобы он был под каким-то контролем, которому он не мог сопротивляться. Ибо если он сделал все это по собственной воле...

– Пророк говорил и со мной, но я высокомерно решил, что знаю больше всех. И вот, моя дорогая, мы пришли к тому, что сейчас имеем. Все мы живем – и умираем – по нашему выбору. – Антонидас печально улыбнулся. Ее глаза покраснели, она заморгала, не желая пролить ни слезинки.

– Я останусь. Я могу...

– Ты должна беречь тех, о ком обещала заботиться, Джайна Праудмур, – строго сказал Антонидас, его лицо стало суровее. – Будет ли тут одним магом больше или меньше… это ничего не изменит. Сейчас тебя ждут другие.

– Антонидас … – ее голос оборвался на полуслове. Она бросилась к нему и крепко обняла. Она так прежде никогда не делала; она боялась сделать это. Но теперь он казался… старым. Старым, слабым и, что хуже всего, смирившимся. – Я останусь. Я могу...

– Дитя, – нежно сказал он, гладя по ее спине, затем фыркнул от смеха. – Нет, ты уже не дитя. Ты – женщина и настоящий лидер. И все же… тебе лучше идти.

Снаружи прозвучал голос, сильный, звонкий и знакомый. В Джайну словно ударила молния. У нее замерло дыхание, она отпустила своего наставника и отошла назад.

– Волшебники Кирин Тора! Я – Артас, первый из рыцарей смерти великого Короля-лича! Я приказываю вам открыть ворота и склониться перед силой Плети!

Рыцарь смерти? Потрясенная Джайна вопросительно уставилась на Антонидаса, который грустно ей улыбнулся.

– Я решил уберечь тебя от этого… по крайне мере до этого момента.

Все вокруг нее закружилось. Артас… *здесь*…

Архимаг подошел к балкону. Небольшой взмах скрюченных годами рук, и его голос стал столь же громок, как и у Артаса.

– Приветствую тебя, принц Артас, – сказал Антонидас. – Как поживает твой благородный отец?

– Антонидас, – ответил Артас. Где он был? Снаружи? Увидела бы она его, если бы подошла к Антонидасу на балконе? – Не нужно лицемерия.

Джайна посмотрела в другую сторону и вытерла слезы на глазах. Она изо всех сил пыталась что-то сказать, но слова словно застревали в горле.

– Мы ждали твоего визита, Артас, – спокойно продолжил Антонидас. – Волшебники создали ауру, которая уничтожит твоих мертвецов, если они попытаются подойти к городу.

– Твои фокусы не остановят меня, Антонидас. Вероятно, ты уже слышал, что произошло в Кель'Таласе? Они тоже думали, что неуязвимы.

Кель'Талас.

Джайне стало нехорошо. Она была в Даларане, когда от горстки выживших, которым удалось сбежать, пришла весть о том, что произошло в Кель'Таласе. Здесь же находился тогда и принц кель'дораев. Она никогда не видела Кель'таса таким… таким сердитым, таким расстроенным, таким грубым. Она подошла к нему, желая выразить сочувствие и оказать поддержку, но он взвинтился и посмотрел на нее с такой яростью, что она отскочила от него.

– Не говори ничего, – прорычал Кель. Его руки были сжаты в кулаки; к своему ужасу она поняла, что он едва сдерживает себя, что не ударить ее. – Глупая девчонка. И *это* чудовище ты затащила себе в постель?

Джайна моргнула, ошеломленная грубостью слов обычно очень культурного эльфа.

– Я…

Но ему ее слова были не интересны.

– Артас – убийца! Он погубил тысячи невинных жизней! На его руках столько крови, что целого океана не хватит, чтобы смыть ее. И ты *любила* его? Предпочла его *мне*?

Его голос, обычно такиой сладкий и сдержанный, сломался на последнем слове. Джайна чувствовала, как слезы текут по ее лицу – внезапно она все поняла. Он набросился на нее, потому что не мог напасть на своего настоящего врага. Он чувствовал себя беспомощным, бессильным и бил в ближайшую цель – в нее,

в Джайну Праудмур, любви которой он так желал и не смог добиться.

– О… Кель'тас, – сказала она тихо, – он свершил… ужасное, – начала она. – То, что пострадал твой народ…

– Да ты ничего не знаешь о страдании! – закричал он. – Ты – всего лишь ребенок, с детскими мозгами и детским сердцем. Сердцем, которое ты отдала этому… этому… он убил их, Джайна. А затем он поднял из мертвых их *трупы*!

Джайна безмолвно уставился на него, его слова совсем не жалили ее теперь, когда она узнала причину их жестокости.

– Он убил моего отца, Джайна, как он убил своего. Я… я должен был быть там.

– Чтобы умереть рядом с ним? С остатками твоего народа? Что хорошего в том, чтобы бросаться своей жизнью ради…

Едва слова слетели с ее губ, как она поняла, что совершила ошибку, сказав это. Кель'тас напрягся и резко перебил ее.

– Я мог бы остановить его. Я должен был, – он выпрямился, и его неприветливость внезапно испарилась, холод сменился огнем. Он поклонился ей, слишком низко. – Я ухожу из Даларана как можно скорее. Здесь меня больше ничто не держит, – Джайна вздрогнула от его пустого, отреченного голоса. – Я был величайшим глупцом, полагая, что кто-то из вас, людей, может помочь мне. Я оставляю это место дрожащим дряхлым магам и честолюбивым юнцам. Никто из вас не может помочь нам. Мои эльфы нуждаются во мне, чтобы я повел их теперь, когда мой отец…

Он затих и с трудом сглотнул.

– Я должен идти к ним. К тем немногим, кто выжил. К тем, кто пережил и переродился в крови тех, кто ныне служит твоему *возлюбленному*.

Он ушел прочь, пылая яростью каждой частицей своего высокого изящного тела, и в своем сердце Джайна чувствовала его боль.

И теперь он был здесь; Артас был здесь, во главе армии нежити, будучи рыцарем самой смерти. Голос Антонидаса вырвал ее из царства грез, и она заморгала, пытаясь вернуться к реальности.

– Отведи свои войска, или мы будем вынуждены применить против тебя свою силу! Делай свой выбор, рыцарь смерти, – Антонидас отошел от балкона и повернулся к Джайне. – Джайна, – сказал он обычным голосом, – сейчас мы установим блокирацию телепортации. Тебе нужно идти, пока ты не оказалась здесь в ловушке.

– Возможно, я смогу достучаться до него… возможно, я

смогу… – она затихла, услышав в ее же словах несбыточные мечты. Она не смогла даже помешать ему убить невинных в Стратхольме, или остановить поход в Нордскол, хотя она была уверена, что это ловушка. Он не послушал ее тогда. Если Артас действительно был под темным контролем, как она могла отговорить его теперь?

Она глубоко вздохнула и отошла, Антонидас слегка кивнул ей. Было так много, о чем она хотела сказать этому человеку, своему наставнику, своему примеру для подражания. Но все, что она могла сделать – лишь изобразить неуклюжую улыбку. Он шел на битву, и они оба знали, что это будет его последнее сражение. Она не могла найти слов даже для прощания.

– Я позабочусь о наших людях, – с трудом выдавила из себя она, воспользовалась заклинанием телепортации и исчезла.

Первый этап битвы был окончен, Артас получил то, ради чего пришел сюда. Артас получил нужную им магическую книгу Медива. Она была большой, и необычно тяжелой даже для своего размера, обернутой в красную кожу с золотым переплетом. На обложке красовалось изображение черного ворона с распахнутыми крыльями. На книге все еще была свежая кровь Антонидаса. Интересно, не станет ли она от этого еще сильнее?

Непобедимый, на котором он сидел, затопал копытом и встряхнул шеей, будто у него была плоть, которую дразнили мухи. Они были на вершине холма, спускавшегося к Даларану. Его башни по-прежнему сверкали в свете солнца золотистыми, белыми и фиолетовыми переливами, но улицы его теперь были умыты кровью. Те маги, что сражались с ним всего несколько часов назад, стояли теперь возле него. Большая часть из них была слишком помята, чтобы быть хоть как-то полезной, их можно было разве что бросить в битву в качестве пушечного мяса. Но другие… другими можно было еще воспользоваться, их навыки, которыми они владели при жизни, хорошо послужат Королю-личу после смерти.

Кел'Тузад был словно ребенок на Зимнем Покрове. Он пролистывал книгу Медива, с головой окунувшись в свою новую игрушку. Это раздражало Артаса.

– Магический круг приготовлен в точности по твоим указаниям, лич. Ты готов начать обряд?

– Почти, – ответил мертвец. Фаланги пальцев перелистнули еще одну страницу. – Здесь столько всего. Познания Медива не ограничиваются одними лишь демонами. Я подозреваю, что он был гораздо сильнее, чем мы когда-то подозревали.

Пока ему отвечал Кел'Тузад, рядом с ними появился темно-

зеленый водоворот, из которого материализовался Тикондрий. Раздражение Артаса стало еще сильнее, ибо повелитель ужаса говорил с ними, как всегда, с нескрываемым пренебрежением.

– Его силы не хватило даже на то, чтобы избежать смерти – вот что главное. Достаточно того, что сегодня мы завершим начатую им работу. Приступай!

И затем он быстро покинул их. Кел'Тузад воспарил прямо в круг. Место было размечено четырьмя небольшими обелисками. В их центре был начерчен круг с мистическими знаками. Кел'Тузад взял книгу с собой, и как только он был на месте, линии круга ожили и зажглись фиолетовым сиянием. Одновременно послышался шум, треск, и вокруг лича возникли восемь столбов из пламени. Кел'Тузад развернулся, и пристально посмотрел на Артаса своими пылающими глазами.

– Живые, что еще остались в Даларане, ощутят силу заклятья, – предупредил Кел'Тузад. – Они не должны прервать ритуал, иначе мы потерпим неудачу.

– Я сохраню твои кости, лич, в целости и сохранности, – заверил его Артас.

Как и обещал Кел'Тузад, было сравнительно легко ворваться в Даларан, уничтожить тех, кто поддерживал защитную магию от нежити, и забрать то, ради чего они пришли. Артас смог расправиться с Архимагом Антонидасом, крайне могущественным человеком, по крайней мере, так он когда-то считал.

Если Джайна был там, она бы к нему вышла, он был в этом уверен. Взывала бы к тому, что между ними когда-то было, как она уже пыталась сделать раньше. Ныне у нее не было бы ни шанса, в отличие от того раза, вот только...

Он был рад, что не столкнулся здесь с нею.

Внимание Артаса внезапно привлекло другое. Врата открывались, и серые губы Артаса изогнулись в улыбке. Раньше у Плети было преимущество в элементе неожиданности. Да, в Даларане всегда проживало множество сильных магов. Но в городе не было обученного ополчения, да и не все маги были из Кирин Тора. И все же у Даларана было несколько стражей, и с ними шутки были плохи.

Они телепортировали армии.

Великолепно. Хорошая драка – вот что было нужно, чтобы отвлечься от мыслей о Джайне Праудмур и о том, каким он был в юности.

Он взялся за Ледяную Скорбь, чувствуя, как она покалывает в его руке, слыша убаюкивающий ласкающий голос Короля-лича.

– Ледяная Скорбь жаждет крови, – сказал он свои войскам, указывая мечом на защитников великого города магов. – Давайте

утолим ее голод.

Армия Плети заревела, над всей этой какофонией был четко слышен страдающий вопль Сильваны, заставивший Артаса усмехнуться. Даже после смерти, даже вынужденная повиноваться, она бросала ему вызов, и он наслаждался, натравливая ее на тех, кого она защищала. Непобедимый напрягся и с безумным ржанием пустился вскачь.

Несколько ужасных слуг осталось, чтобы защищать Кел'Тузада, но большинство ринулось за своим повелителем. Артас узнавал одеяния тех, кого телепортировал Кирин Тор, дабы защитить свой город. Когда-то они были его друзьями, но то было в прошлом и уже его не интересовало, как, скажем, вчерашняя погода. Ему стало лучше, он чувствовал лишь радость Ледяной Скорби, сверкающей и поющей, пожинающей урожай душ, возвышаясь и ниспадая, пробивая кольчугу словно бумагу.

После того, как пала первая волна солдат, вставшая в ряды Плети или лежавшая там, где пала, прибыла вторая волна. Там были маги, одетые в фиолетовые одежды Даларана с вышитым символом великого Ока. Но и к Артасу подоспела подмога.

Демоны, похоже, были готовы помочь мертвым ценою своей жизни.

С небес падали огромные камни, оставляя за собой зеленое пламя скверны. Земля задрожала там, где они падали, и из образовавшихся кратеров поднимались существа, похожие на каменных големов, живущих за счет мерзкой зеленой энергии.

Артас обернулся через плечо. Кел'Тузад поднялся в воздух еще выше, его руки раскинулись в стороны, его рогатая голова откинулась назад. От него, потрескивая, струилась энергия, перед личом начал формироваться зеленый шар. Затем лич резко опустил руки и вышел из круга.

– Приди, лорд Архимонд! – прокричал Кел'Тузад. – Приди в этот мир и позволь нам насладиться огнем твоей силы!

Зеленый шар запульсировал, расширился, став больше и засверкав ярче. Внезапно столб пламени устремился ввысь, чему ответило несколько молний, ударивших рядом с кругом. А затем, где не было ничего, выросла фигура – высокая, сильная, изящная, темная и опасная. Артас вернулся на поле битвы. Враг отступал – видимо маги поняли, что произошло, и их войска развернулись и поспешили в безопасное место – ненадолго, думал Артас – в Даларан. И когда они бежали, над полем боя разнесся мощный, отдававший эхом голос.

– Трепещите, смертные! Зло пришло в этот мир!

Артас поднял руку, и этим простым жестом приказал Плети остановиться и вернуться. Пока он скакал обратно к Кел'Тузаду,

все время поглядывая на гигантского повелителя демонов, к ним присоединился Тикондрий. Как обычно, когда опасность *уже* миновала.

Повелитель ужаса низко поклонился. Артас потянул уздечку, остановившись невдалеке от них, предпочтя просто наблюдать.

– Лорд Архимонд, все готово

– Хорошо, Тикондрий, – ответил Архимонд, кивнув меньшему демону, чтобы тот встал.

– Король-лич нам больше не нужен. Отныне ты будешь командовать армией Плети.

Артас почувствовал огромное облегчение оттого, что часами медитировал, учась дисциплине. Только это не дало ему выпустить на волю свою ярость и гнев. Но все равно Непобедимый почувствовал его напряжение и нервно задергался. Он сжал узды и заставил мертвое животное утихнуть. Король-лич им больше не нужен? Почему? Да кем был этот демон, и что будет с ним? Что будет с Артасом?

– Скоро я начну вторжение. Но сначала я преподам урок этим жалким волшебникам… я превращу их город в прах истории.

Он зашагал вперед, с гордой и прямой осанкой, копыта решительно стучали с каждым его шагом, броня мерцала в розовом, золотом и сиреневом цветах сгущающихся сумерек. Возле него с почтением семенил Тикондрий. Артас подождал, пока они не отойдут от них, прежде чем наброситься на Кел'Тузада.

– Он что, шутят? Что будет с нами?

– Терпение, молодой рыцарь. Король предвидел и это. Ты еще сыграешь свою роль в его великом плане.

Сыграет? Артас буравил взглядом некроманта, его ноздри чуть ли не испускали пар, но он сдержал свой гнев. Если кто-нибудь – демон или даже сам Король-лич – хотя бы на мгновенье подумает, что Артас – всего лишь орудие, которым можно так просто попользоваться и выкинуть, то Артас докажет, что тот ошибается. Он прошел через слишком многое – потерял слишком много, отрекся от слишком многого, что было ему дорого – чтобы теперь оставаться в стороне.

Это не могло кончиться вот так.

Это *не* кончится вот так.

Земля загрохотала. Непобедимый тревожно задергался, вставая на дыбы, словно пытаясь касаться земли. Артас быстро взглянул на город магов. В это время дня его башни были особенно прекрасны, они источали гордость, великолепие и роскошь в спускающемся полумраке сумерек. Но вдруг он услышал гулкий шум разрушения. Вершина самой высокой и

самой красивой башни города внезапно накренилась и упала, медленно и неумолимо, будто ее кто-то разломил посередине огромной невидимой рукой.

Остальная часть города пала моментально, разбившись в дребезги и раскрошившись в пыль, шум разрухи эхом отдавался в ушах Артаса. Он вздрогнул от этих звуков, но не смел отвести взгляд.

Он вспомнил, как пал Луносвет. Как он направил на него Плеть. А это… так небрежно, так непринужденно… Луносвет был с трудом завоеванным призом. Архимонд, казалось, мог уничтожить самые великие города людей, даже не находясь там.

Артас подумал об Архимонде и Тикондрие. Задумавшись, он потер свой подбородок.

И за его поясом пылала Ледяная Скорбь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Кел'Тузад – это лич, которого очень полезно держать при себе, – думал Артас, стоя на верхушке изумрудного холма, в ожидании.

Он был абсолютно предан Королю-личу, даже убедительно прикидываясь верным псом Архимонда и Тикондрия, когда те были рядом. Артас решил затаиться. Он и себе-то не верил так сильно, как Кел'Тузаду. Эти двое демонов думали, что могут списать их со счетов. Скоро они поймут, насколько были неправы. Они беспечно оставили Книгу Медива в руках лича. А он ведь и без нее прекрасно знал заклятия столь мощные, что Артас и представить себе не мог последствия их применения.

– Третья часть плана, – сказал ему непринужденно, будто говорил о погоде, Кел'Тузад в тот самый день, когда демоны оставили их. – Это – истинный замысел Легиона.

Артас помнил все, что Кел'Тузад уже рассказал ему. Первым шагом было создание Плети, затем – вызов Архимонда. Теперь он слушал его с неприкрытым интересом. Кел'Тузад продолжил рассказ.

– Легион теперь может отобрать всю магию и вытянуть всю жизнь из этого мира. И для этого он хочет использовать могущество эльфийского Источника Вечности. Чтобы достичь его, они должны будут разрушить то единственное, в чем содержится самая чистая жизненная сила на всем Азероте. Источник Вечности находится за океаном, на континенте Калимдор. И то, что мешает Легиону добраться до его могущества, называют Нордрассил… Мировое Древо. Оно дает калдораям бессмертие, и они навеки связаны с ним.

– Калдорай? – Артас запутался. – Я знаю о кель'дорай. Они какая-то другая раса эльфов?

– Первородная раса, – исправил его Кел'Тузад. – Но эти детали не важны. Дело в том, что мы должны помешать Легиону достигнуть своей цели. И есть один калдорай, который может нам в этом помочь.

Вот так и случилось, что, используя магию, Кел'Тузад телепортировал Артаса в эти далекие земли, на этот холм, с которого прекрасно было видно округу. Здешние леса были пышными и здоровыми, но Артас замечал, что ее уже где-то поблизости терзал Легион. Там земля, деревья и животные не погибли, но были осквернены. Пожирая жизнь.

На соседнем холме кто-то появился, и Артас улыбнулся про

себя. Это был тот, кого он ждал.

Эти “ночные эльфы” были совсем другими. Его кожа была бледно-лавандовой, покрытой вдоль и поперек вьющимися татуировками и шрамами, вырезаными на ней в ритуальных узорах. На глазах у него была повязана черная ткань, но он, казалось, прекрасно видел свой путь. Он держал оружие, которого Артас прежде никогда не видел. Это был не простой меч, с твердой рукоятью и лезвием: два зазубренных клинка, пылающих блекло-зеленым пламенем демонической порчи.

Этот явно раньше сотрудничал с демонами.

Артас решил помешкать немного и понаблюдать за ним. Ночной эльф – Иллидан Ярость Бури, как представил его Кел’Тузад – гневался на себя. Очевидно, насчет него у многих были большие заблуждения, и он страстно желал мести и столько силы, сколько мог пообещать ему Кел’Тузад.

Артас улыбнулся.

– Я свободен после десяти тысяч лет тюрьмы! Но мой родной брат по-прежнему считает меня подлецом! – разглагольствовал Иллидан. – Я покажу ему свою истинную силу! Я докажу, что демоны не властны надо мной!

– Ты в этом уверен, охотник на демонов? – спросил Артас, и ночной эльф оглянулся на него, взмахнув клинками. – Ты точно знаешь, что твоя воля принадлежит тебе?

Эльф, быть может, и был слеп в обычном понимании этого слова, но Артас понял, что тот смотрел на него. Иллидан презрительно фыркнул.

– От тебя разит могилой, смертный. Ты пожалеешь, что встал у меня на пути.

Артас усмехнулся. Ему давно не хватало хорошей дуэли.

– Ну, нападай, – сказал он. – Увидишь, мы стоим друг друга.

Непобедимый, который скучал по схваткам не меньше хозяина, вскочил на дыбы и понесся вниз с холма. Иллидан зарычал и помчался ему на встречу.

Это как танец, – подумал Артас, когда два воина встретились. Иллидан был ловок и силен, его навыки были демонически велики. Но и Артас был не простым воином, а Ледяная Скорбь – не простым клинком. Схватка была жестокой и быстрой. Артас был прав – они стоили друг друга, и ни один не мог одолеть другого. Вскоре они, тяжело дыша, расступились.

– Этот поединок может продолжаться вечно, – сказал Иллидан. – Ладно. Говори, что тебе нужно?

Артас опустил Ледяную Скорбь.

– Из того, что ты говорил, я понял, что вас и ваших союзников окружает нежить. Во главе их армии стоит повелитель ужаса по

имени Тикондрий. У него есть могущественный колдовской артефакт – Череп Гул'Дана. Именно он – источник скверны, охватившей ваши леса.

Иллидан поднял голову.

– И ты хочешь, чтобы я украл его? Почему?

Седые брови Артаса поднялись в удивлении. Этот парень действительно скор. Он заслужил полуправдивого ответа.

– Скажем так… Я не люблю Тикондрия, а моему господину было бы… выгодно поражение Легиона.

– С какой стати, я должен верить твоим словам, человечишка?

– Справедливый вопрос, – Артас пожал плечами. – Тогда я отвечу. Мой повелитель видит все, охотник на демонов. Он знает, что ты всегда стремился к силе. Теперь же она сама идет к тебе в руки. Только возьми ее, – и от твоих врагов не останется мокрого места.

Рука Артаса сжалась в кулак перед слепыми глазами Иллидана, и тот, как Артас и ожидал, обратив на жест внимание, посмотрел на перчатку.

Иллидан медленно поднял голову и посмотрел в лицо Артасу. Ему было не по себе оттого, что слепой так хорошо видел. Эльф глубокомысленно кивнул. Больше ничего не сказав, Артас повернул Непобедимого и умчался прочь.

Кел'Тузад скоро призовет его назад. Все шло по плану Короля-лича. Он лишь надеялся, что Иллидан сделает все как положено. Если только… не будет никаких осложнений.

У нее ничего в этой жизни не осталось. У нее даже не было сил сопротивляться тому, кто в вопле даровал ей новую жизнь.

Но у Сильваны Ветрокрылой осталась воля. Почему-то Артас не сломил ее. Он делал так с остальными. Почему же она одна не стала его бездумной прислужницей? Причиной тому была ее сила воли, или он просто мучил ее? Банши, которой она стала, никогда об этом не узнает. Но если ее воля осталась при ней лишь по прихоти Артаса, то она будет смеяться последней.

Так себе поклялась Сильвана. А она всегда держала слово.

С тех пор как Артас Менетил и его Плеть прошлись по ее любимой родине, в мире случилось много нового. Очень много.

Ее так называемый "повелитель" восстал, не желая быть просто пешкой. Вместе с высокомерным летающим мешком костей, Кел'Тузадом, по чьей вине был развращен великолепный Солнечный Колодец, они сплели заговор против повелителя ужаса Тикондрия и лорда Архимонда, которого сам же Кел'Тузад и привел в Азерот. Сильвана следила за всем происходящим. Ведь

ей необходимо было знать об Артасе все: его планы, способы ведения войны, его ошибки и слабости.

Он не стал убивать Тикондрия сам, как сделал это с Мал'Ганисом. О нет, коварный человеческий принц обманом заставил марать за себя руки другого. Иллидан, так звали беднягу. Артас учуял в Иллидане жажду силы и использовал это против него. Он подстрекнул его выкрасть Череп Гул'Дана, легендарного орка-чернокнижника. Сделав это, Иллидан убил Тикондрия. Артас избавился от повелителя демонов, а Иллидан получил артефакт, насытивший его жажду силы. Видимо, все прошло по плану. Артас – а потому и Сильвана – больше ничего не слышал об Иллидане.

Что до Архимонда… Могущественный демон, сумевший разрушить величественный город магов Даларан лишь одним заклинанием, пал от силы жизни, которую пришел поглотить. Теперь Сильвана ненавидела жизнь с той же силой, что и Легион, и поэтому весть о его падении приняла неоднозначно. Ночные эльфы пожертвовали своим бессмертием, чтобы победить его. Чистая, великая сила природы уничтожила демона изнутри, и Мировое Древо лишилось своих сил в катастрофе, разразившейся сильнейшей взрывной волной. И когда Архимонд пал, от него остался только скелет, а с его смертью пошли прахом все планы Легиона захватить этот мир.

Сильвана вернулась с прошлого к реалиям настоящего, когда ее ухо уловило где-то имя покойного и никем не оплакиваемого повелителя демонов.

– Вот уже несколько месяцев нет никаких известий от лорда Архимонда, – сказал их предводитель, Детерок, нетерпеливо цокая копытом. – Сколько можно присматривать за этой поганой нежитью? Зачем мы здесь торчим?

Они стояли там, где когда-то были сады дворца, по которому не так давно шел Артас, чтобы убить собственного отца и выпустить на свой народ смерть. Сады давно сгнили – так же, как и люди.

– Детерок, нам приказано наблюдать за этими землями, – упрекнул его тот, кого звали Балназзар. – Мы должны оставаться здесь, и следить за тем, чтобы армия Плети была готова к выступлению.

– Верно, – прогрохотал третий, Вариматас. – Но мы уже давно не получали никаких указаний.

Сильвана едва могла поверить собственным ушам. Она обернулась к Кел'Тузаду. Она презирала его так же силно, как рыцаря смерти, которому он так верно служил, но она умело скрывала свою неприязнь.

– Легион уже несколько месяцев как разбит, – спокойно сказала она. – Неужели они ничего не знают?

– Сложно сказать, – ответил лич. – Но чем дольше они будут командовать, тем хуже для Плети. Если только…

Его прервал звук, который Сильвана не ожидала услышать в этих краях, – звук разбивающихся ворот. Оба мертвеца оглянулись на шум, а демоны, которые всегда настороже, сердито зарычали и согнули черные перепончатые крылья.

Пылающие глаза Сильваны расширились в удивлении, ведь в проеме врат стоял ни кто иной, как сам Артас. Его все тот же мертвый конь чуть ли не прыгал под ним. На нем не было шлема, и его волосы растрепались по лицу. На нем была самодовольная улыбка, которую Сильвана так презирала. Она захотела сжать призрачные руки в кулаки, но все, что она смогла, находясь под его властью, это слегка подернуть пальцами.

– Приветствую вас, повелители ужаса! – сказал он, и его голос был звучным и веселым. Демоны уставились на него, явно не понимая причин для подобной дерзости.

– Как мило, что во время моего отсутствия королевство не осталось без присмотра. Премного благодарен, но больше в ваших услугах я не нуждаюсь.

Несколько секунд они просто смотрели на него. Наконец, Балназзар не выдержал и ответил.

– Это наша земля. Плеть принадлежит Легиону!

Вот и началось, – подумалось Сильване.

– Уже нет, демон, – ликующе продолжил Артас, улыбка становилась все шире и шире. – Армии твоих повелителей разбиты. Легиона больше нет. Пришла пора уйти и вам.

Все еще усмехаясь, он поднял Ледяную Скорбь. Руны вдоль клинка плясали и сияли светом. Он потянул за узду, и его мертвый конь пошел в сторону трех демонов.

– Последнее слово еще не сказано, смертный! – вызывающе крикнул Детерок. Повелители ужаса оказались шустрее мертвого коня Артаса, и Ледяная Скорбь взвыла от разочарования, когда пронзила лишь воздух. Демоны создали порталы и скрылись. Артас нахмурился, но к нему быстро вернулось хорошее расположение духа. Сильвана поняла, что он собирается когда-нибудь найти их, и их смерть – лишь вопрос времени.

Он оглянулся и посмотрел в глаза Сильване, подзывая ее к себе. Она вынуждена была повиноваться. Кел'Тузад же не нуждался в приказах и сам счастливо помчался к хозяину, как верный пес.

– Мы знали, что ты вернешься к нам, принц Артас! – восторженно говорил лич.

Артас лишь бросил взгляд на своего верного слугу, и вновь уставился на Сильвану.

– Я тронут, – сказал он с сарказмом. – Ты тоже ждала моего возвращения, моя маленькая банши?

– Да, – холодно ответила Сильвана. Это была правда. Она ждала, что он вернется, чтобы отомстить. Он дернул палец, требуя от нее большего ответа, и она задохнулась от пронзившей ее боли.

– Принц Артас, – добавила она.

– Изволь обращаться ко мне как к королю. Ведь это моя земля. Я родился, чтобы править ею – так и будет. Когда-то…

Он оборвал речь резким вздохом. Его глаза расширились, а лицо исказилось от боли. Он согнулся к костистой шее своего коня, его руки, закованные в перчатки, крепко сжали уздечку. Крик острой боли вырвался из его груди.

Сильвана смотрела на него с удовольствием, которого не знала со дня падения Кель'Таласа. Она упивалась его болью, как нектаром. Хоть она понятия не имела, почему он страдал, но наслаждалась каждой секундой этого зрелища.

Он с трудом поднял голову. Его глаза уставились на то, что она не могла увидеть, и он протянул туда руку, моля о помощи.

– Боль… невыносима, – прорычал Артас, стиснув зубы. – Что со мной?

Казалось, будто он слушал ответ неслышимого голоса.

– Король Артас! – кричал Кел'Тузад. – Вам нужна помощь?

Артас ответил не сразу. Он тяжело дышал, затем медленно сел, явно пересиливая себя.

– Нет, нет, боль ушла, но… я совсем… *лишился* сил.

Он был в замешательстве. Если бы у Сильваны все еще билось сердце, оно бы подпрыгнуло от этих слов.

– Что-то здесь не так. Я…

Его вновь пронзила боль. Его тело забилось в судорогах, голова откинулась вниз, когда рот открылся в беззвучном крике, вены на шее выпучились как веревки. Кел'Тузад летал вокруг своего обожаемого хозяина, как суетливая няня. Сильвана просто холодно смотрела на него, пока судорога не прошла. Медленно и осторожно он соскочил с Непобедимого. Его обутые в латные сапоги ноги с грохотом ступили на каменные плиты, и он тяжело упал. Лич протянул свою костяную руку, чтобы помочь принцу – то есть самопровозглашенному королю – встать на ноги.

– Мои старые комнаты, – выдохнул Артас. – Я должен отдохнуть… Меня ждет дальняя дорога.

Сильвана смотрела ему вслед. Слабо шатаясь, он пошел к комнатам, где вырос. Ее губы согнулись в улыбке…

… а призрачные пальцы ее рук на мгновение дернулись, а затем яростно сомкнулись в кулаки.

В этот день в Серебряном бору было на удивление тихо и спокойно. Мягкий туман витал возле укутанной сосновыми иголками земли. Сильвана знала, что если бы у нее было физическое тело, она бы почувствовала этот мягкий и густой ковер, могла бы вдохнуть шикарный запах вечнозеленых трав сырого воздуха. Но она ничего не чувствовала. Она плыла, бестелесная, к месту встречи. И так рвалась туда, что почти не сожалела о нехватке чувств.

После “успеха” с Сильваной, Артас взял в моду обращать красивых, гордых и целеустремленных женщин кель’дорай в банши. Он отдал их ей в подчинение, как при жизни генералу следопытов, бросал, как кость, будто она верный пес. Он не понимал, что пес уже не такой уж и верный. После подслушанной беседы повелителей ужаса она отправила одну из своих банши к ним, для переговоров и сбора информации.

Демоны с удовольствием приняли ее посла, и дали согласие встретиться с ее хозяйкой сегодня вечером, чтобы обсудить что-то, “что будет выгодно Королеве банши в ее нынешнем положении”.

В глубине лесов она разглядела слабый зеленоватый свет и помчалась к нему. Она убедилась, что они ждали ее, как и говорили – три великих демона повернулись к ней, и их крылья задрожали, выдавая их волнение.

Первым обратился к ней Балназзар.

– Леди Сильвана! Мы так рады вашему приходу.

– Как я могла не прийти? – ответила она. – Не знаю почему, но голос Короля-лича больше не звучит в моей голове. Теперь я снова принадлежу себе.

Это и вправду было так. И только силой вновь обретенной воли она смогла не выдать голосом своего восторга. Она не хотела, чтобы они догадались о большем, чем она хотела рассказать.

– Думаю, повелителям ужаса известна причина этой перемены.

Они перекинулись взглядами, и на их лицах появились улыбки.

– Нам удалось узнать, что Король-лич теряет свою силу, – сказал Вариматас с адским ликованием в голосе. – Она угасает. И вместе с ней угасает его способность командовать нежитью. Такими, как ты.

Если это правда, то это – замечательные новости. Но

Сильвана еще не верила, что это правда.

– А король Артас? – спросила она, не в силах удержать насмешку в голосе, называя рыцаря смерти этим титулом. – Что с его силами?

Балназзар вольно махнул рукой.

– Его время прошло. Несмотря на то, что его рунный клинок Ледяная Скорбь обладает огромной магической силой, сила самого Артаса скоро исчезнет. Это неотвратимо.

Сильвана бы не стала судить столь категорично. Она уже раз недооценила Артаса, и вместе с ненавистью в ее холодном сердце теперь жило и чувство вины за его кровавую победу.

– Вы намерены избавиться от него и хотите, чтобы я помогла вам в этом? – спросила она прямо.

Детерок, казавшийся среди них самым ответственным, спокойно стоял позади, пока его братья говорили с Сильваной. Они были сердиты и разгневаны, но его лицо оставалось беспристрастным. Наконец он заговорил холодным тоном, выказывающим полное отвращение.

– Пусть Легион разбит, но мы натрезимы. Мы не позволим какому-то смертному помыкать нами, – он сделал паузу и посмотрел на каждого из них. – Артас будет уничтожен.

Его пылающие зеленым огнем глаза уставились на Сильвану.

– Как ты следила за нами, маленький призрак, так и мы следили за тобой. Просто очевидно, что Кел'Тузад слишком верен своему господину и ни за что не предаст его. Кажется, что… они привязались друг к другу. – Его серые губы изогнулись в опасной улыбке. – Но ты…

– Я ненавижу его, – она даже и не надеялась скрыть от них эту правду, даже если бы хотела – так отчаянно горело в ней это чувство. – Это и единит нас, повелители ужаса. У меня есть свои причины для мести. Артас уничтожил мой народ и превратил меня в это… чудовище.

Она на миг замолчала. Ненависть к Артасу и к тому, что он с ней сделал, была столь сильна, что у нее отняло дар речи. Они ждали, терпеливо, самодовольно.

Они думали, что смогут использовать ее. Не тут-то было.

– Может быть, я и приму участие в вашем заговоре, но сделаю это по-своему, – она стремилась к этому, как и ее союзники, но они должны были знать, что она не станет чьей-либо пешкой. – Я не поменяю одного хозяина на другого. И если вам нужна моя помощь – вы согласитесь.

– Тогда мы убьем рыцаря смерти вместе, – улыбнулся Детерок.

Сильвана кивнула, и улыбка промелькнула на ее призрачном

лице.

Твои дни на исходе, король Артас Менетил. И я… я сама поведу отсчет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Артас тяжело потер пальцами виски, снова и снова прокручивая в голове видение. Раньше он связывался с Королем-личом только через Ледяную Скорбь. А теперь с тяжелой болью и слабостью он впервые *увидел* того, кому так долго служил.

Король-лич был один посреди обширной пещеры, заключенный в тюрьму из того же неестественного льда, что и Ледяная Скорбь. Но та глыба была не гладкой, по форме его тела, а неровной, будто кто-то оторвал кусок и отбросил прочь. Спрятанного в толще льда Короля-лича сложно было разглядеть, но его голос разрезал разум рыцаря смерти так, что тот лишь вскрикнул в муках.

– Ледяной Трон в опасности! Я слабею… У нас мало времени. Ты должен немедленно отправится в Норскол! – а затем слова пронзили Артаса как копье. – *Я приказываю тебе!*

С каждым таким видением Артасу становилось дурно и больно. Его великая сила, которая восхищала его, когда он был человеком, ушла бесследно, и он стал еще слабее прежнего. Он был слаб и уязвим… Он боялся и представить, что такое случится после того, как впервые схватил Ледяную Скорбь и отвернулся от всего, во что раньше верил. Он с трудом взобрался на Непобедимого и поехал на встречу Кел'Тузаду.

Лич ждал его, паря, как обычно, над землею. В его движениях читалось беспокойство.

– Значит, все стало только хуже? – спросил он.

Артас замешкался. Должен ли он рассказывать личу о своих сомнениях? Нет, – решил он. Бывший некромант никогда не подводил его. Он всегда был верен Королю-личу и ему, Артасу.

Король кивнул. Он подумал, что еще чуть-чуть и его голова от слабости отвалится.

– Да. Я так ослаб, что могу командовать лишь своими собственными воинами. Король-лич предупредил меня, что если я вскоре не доберусь до Нордскола, то все будет кончено. Мы должны как можно скорее…

Если бы пылающие пустые глазницы могли выражать тревогу, то Кел'Тузад сделал бы это.

– Конечно, Ваше Величество. Вас не бросят вот так. Мы отправимся так скоро, как пожелаете…

– Планы изменились, король Артас. Ты никуда не едешь.

Его силы настолько ослабли, что он даже не ощутил, как они пришли. Они застали его врасплох, и Артас лишь смотрел, как его

окружают трое повелителей ужаса.

– Убийцы! – закричал Кел'Тузад. – Это ловушка! Защищайте короля от…

Но его крики заглушил звук захлопнувшихся врат. Артас взял в руки Ледяную Скорбь. Впервые верный меч казался ему тяжелым и почти безжизненным. Руны вдоль клинка не сияли, и он казался просто куском металла, а не красивым и идеальным оружием, каким был всегда.

Нежить набросилась на него, и на мгновение он ясно вспомнил свою первую схватку с ходячими мертвецами. Он будто снова стоял возле маленького сельского домика, ошарашенный запахом гнилой плоти и до смерти испуганный тем, что мертвые тела напали на него. Он давно забыл страх или отвращение к ним. Он даже в как-то к ним привязался. Они были его подданными. Он очистил их от жизни, заставил служить во славу великого Короля-лича. Они не двигались и не сражались, – это *он* передвигал их и сражался ими. А теперь они были подвластны повелителям ужаса. Применив всю силу, что у него осталась, Артас стал как-то отбиваться. Он и не думал, что когда-нибудь его нежить обернется против него.

Звуки боя перекричал злорадный голос Балназзара.

– Лучше бы тебе было не возвращаться сюда, человек. Ты стал слаб, и мы отобрали себе почти всю твою армию. Недолго же вы правили, *король* Артас.

Артас стиснул зубы, и откуда-то из глубин у него взялись силы для схватки. Он *не* умрет здесь.

Но их было так много… Так много тех, кем он еще недавно без труда сам повелевал, – теперь они неумолимо восстали против него. Он знал, что это лишь бездумные тела, и они будут повиноваться кому угодно, кто будет сильней. Но все-таки… это было больно. Он *создал* их…

Силы покидали его, и один раз он не смог отразить удар прямо в грудь. Слабенький меч зазвенел, ударившись о доспехи и не ранив его. Но он был взволнован тем, что какой-то вурдалак пробил защиту.

– Их так много, мой король! – сказал могильным голосом Кел'Тузад, и этот тенор верности пробил слезу на глазах Артаса. – Бегите! Бегите из города! Я найду другой выход и буду ждать вас где-то в лесу. Это – ваш единственный шанс, мой господин!

Он знал, что лич был прав. С громким криком Артас неуклюже соскочил с коня. Один взмах его руки, и Непобедимый превратился в призрачного неуловимого коня и исчез. Артас призовет его снова, когда выберется отсюда. Он бросился в атаку, слабеющей хваткой держа Ледяную Скорбь и начал размахивать

ею. Не для того, чтобы сразить противников – их и вправду было слишком уж много – а чтобы просто расчистить путь.

Врата были закрыты, но в этом дворце он вырос, и он знал его как свои пять пальцев. Знал каждые врата, каждую стену, каждый закоулок. И вместо того, чтобы ломится во врата, которые он все равно сам не смог бы открыть, он побежал в глубь дворца. Нежить помчалась за ним. Артас бежал сквозь коридоры мимо залов, которые когда-то были покоями королевской семьи, в которых он когда-то гулял за руку с Джайной. Он споткнулся, и мысли пришли в себя.

Как он докатился до такого… Он бежал сквозь пустынный дворец, а за ним гнались творения его же рук, его подданные. Он поклялся защищать их. Но нет… он же сам убил их. Предал их ради власти, сулимой Королем-личем. Власть, что теперь вытекала из него как кровь из открытой раны.

Отец… Джайна…

Он отмахнулся от воспоминаний. Ему нельзя было отвлекаться. Здесь ему помогут не бессмысленные воспоминания, а сила и ловкость.

По узким коридорам за ним успели угнаться лишь пара мертвецов, и он успел запереть двери, чтобы остановить и их. Наконец, он добрался до своих покоев и до тайного выхода в стене. У него, родителей и Калии, у всех был такой выход… известный только им, Утеру и епископу. Всех их теперь не было. Артас отодвинул настенный гобелен, за которым была маленькая дверь. Он припрятал ее и захлопнул за собой.

Артас побежал дальше, вниз, по закрученной лестнице, что вела его на свободу. Дверь была спрятана еще и магией, так что внешне ее было не заметить на фоне дворцовых стен. Задыхаясь, Артас выбежал наружу, на тусклый свет Тирисфальских лесов. Он тут же услышал шум битвы, не давшей ему времени отдышаться. Он испугом смотрел на них. Нежить… сражалась друг с другом.

Конечно… кое-кто остался под его властью. Они все еще были его подданными…

Его инструментом. Его оружием. Но не подданными.

Какое-то время он смотрел на них, прислонившись к холодной стене. Поганище, управляемое врагами, оторвало голову с длинными ушами и швырнуло ее в сторону. Он почувствовал отвращение и к той и к другой нежити. Гнилые, чудом не разваливающиеся на части, едва волочащие ноги. Кто бы ими ни управлял, они были отвратительны. Что-то замелькало перед глазами. Над землей парил несчастный призрак. Когда-то он был маленькой девочкой. До того, как она умерла. Он убил и ее, или она погибла по его вине. Его *подданная*. Она, казалось,

еще была связана с тем миром. Казалось, она помнила, что значит быть человеком. Он мог использовать ее. И он использовал. Протянул руку к этой полупрозрачной девочке, которую создал из жажды власти.

– Ты должна помочь мне, маленькая тень, – сказал он таким добрым голосом, как только мог. – Ты же поможешь мне?

Ее лицо засияло, и она подплыла к нему.

– Я живу только, чтобы служить вам, король Артас, – сказала она. Ее голосочек был звонким и милым, несмотря на страшное эхо. Он заставил себя улыбнуться. Было проще иметь дело с гнилыми кусками мяса. Но и у нее были свои преимущества.

Большим усилием воли он призвал всех, кого смог, чуть не задохнувшись от напряжения. Они пришли. Они служили бы любому, кто сильнее. С диким ревом Артас спустился к тем, кто смел встать на пути его судьбы, которая досталась ему дорогою ценою. Но чем больше мертвецов возвращались на его сторону, тем больше приходило, чтобы убить его. Он был слаб, очень слаб, и его могли защитить лишь эти куски мяса. Он дрожал и задыхался, поднимая Ледяную Скорбь бессильными руками. Земля задрожала под ним, и Артас, подняв глаза, увидел трех поганищ, мчавшихся на него.

Он крепко схватил Ледяную Скорбь. Он, Артас Менетил, король Лордерона, не сдастся без боя.

Дрожь земли оборвалась мучительными криками. Как призраки птиц, блеклые существа взлетели и стали летать вокруг поганищ, сбивая их столку, и вдруг нырнули прямо внутрь чудовищ.

Гнилые и червивые исполины замерли на месте, а затем обратились против вурдалаков, нападавших на Артаса. На блеклом лице рыцаря смерти появилась усмешка. Банши. Он-то думал, что Сильвана тоже освободилась от его воли и из ненависти готова была наброситься на него вместе со своими призраками. Или еще хуже – стала одной из пешек его врагов. Но вот, бывший генерал следопытов осталась верна ему.

С помощью захваченных банши поганищ натиск вурдалаков был быстро остановлен и вскоре Артас стоял, хватаясь за сердце, рядом со множеством тел уже действительно мертвых мертвецов. Поганища стали кромсать друг друга топорами. Артас задался вопросом, смогут ли их сшить назад создавшие их некроманты. Когда чудовища упали наземь, духи, что завладели ими, вырвались на свободу.

– Спасибо вам, дамы. Приятно видеть, что вы и ваша госпожа остались моими союзниками.

Они, паря, ответили мягкими и отдающими эхом голосами.

– Да, ваше величество. Она отправила нас, чтобы мы нашли вас. Мы приехали проводить вас через реку. Как только мы пересечем ее, мы найдем убежище где-то в лесах.

Где-то в лесах – то же самое сказал и Кел'Тузад. Артасу стало еще легче. Его правая и левая рука действовали согласовано.

– Непобедимый, ко мне! – крикнул он, и из клочка тумана появился призрак, быстро набравший очертания коня. Спустя мгновения появился и сам Непобедимый во плоти. Артас рад был заметить, что призыв коня почти не отнял у него сил. Непобедимый любил своего хозяина. Вот, что он сделал действительно правильно. Он никогда и ни за что не обернется против него, – а это больше, чем может самый верный соратник. Он с трудом оседлал коня, пытаясь не показывать слабость перед банши и другими мертвецами.

– Ведите меня в вашей госпоже и Кел'Тузаду, – сказал он.

Они повиновались и уплыли от дворца куда-то в сердце лесов Тирисфаля. С внезапной нерешимостью Артас заметил, что они проходят мимо усадьбы Бальнира. К счастью, банши не стали вести его туда, а повернулись к холмам, за которыми была обширная равнина.

– Вот это место, сестры. Мы остановимся здесь, ваше величество.

Не было ни следа ни Сильваны, ни Кел'Тузеда. Артас потянул Непобедимого за узду, оглядываясь по сторонам.

– Почему здесь? – спросил он – Где ваша госпожа?

Его вновь пронзила боль, и он вскрикнул, схватившись за грудь. Непобедимый взволнованно прыгал под ним, и он из последних сил вцепился в него. Вид сине-зеленой поляны растворился, и теперь он видел лишь синевато-белый зал Ледяного Трона. Голос Короля-лича врезался в его сознание, и Артас едва удерживал слезы.

– Нас обманули! Иди ко мне! *Повинуйся!*

– Какого… Что происходит? – Артас стиснул зубы. Он моргнул, и видение полностью исчезло. Он с трудом поднял голову и оглянулся.

Она вышла из леса, держа в руках лук. На одно дикое мгновение ему показалось, что он снова в Кель'Таласе и перед ним – живая эльфийка. Но нет, ее волосы были черными, как полночь в новолуние, с белыми прядями. Ее кожа была бледная с синеватым оттенком, ее глаза пылали серебром. Это была Сильвана, – но это была и не она. Эта Сильвана не была ни живой, ни бестелесной. Каким-то образом она вернула себе тело, которое он приказал надежно спрятать в железной гробнице, что лишь прибавило ей мучений. Но теперь она снова была в нем.

Он отчаянно пытался сквозь дикую слабость и боль понять, что здесь происходит. Сильвана всадила стрелу в свой длинный лук, потянула и прицелилась. Ее губы изогнулись в улыбке.

– На этот раз тебе не уйти, Артас.

Она выпустила стрелу.

Стрела пронзила его левое плечо, проникла сквозь броню, словно она была не тоньше бумаги, усилив его боль. Он ничего не понимал, – Сильвана была превосходным стрелком. Она не могла промахнуться с такого расстояния. Почему в плечо? Он инстинктивно поднял правую руку, но понял, что не может даже пошевелить пальцами. Руки онемели, как и тело, и ноги…

Он повалился на шею Непобедимого, делая все возможное, чтобы удержаться непослушными руками на своем коне. Ему удалось лишь повернуть голову, чтобы посмотреть на нее и произнести:

– Предательница! Что ты со мной сделала?

Она улыбнулась. Она была довольна. Медленно, томно она подошла к нему. Она была одета в ту же одежду, которая была на ней в момент ее смерти, выставляя напоказ свою бледную синевато-белую кожу. Странно, но на ее теле не было шрамов от многочисленных ран, которая она получила от него в тот день.

– Эту отравленную стрелу я приготовила специально для тебя, – произнесла она, приблизившись к нему. Она положила свой лук за спину и потянулась за кинжалом. – То, что ты сейчас испытываешь, – лишь малая толика боли, терзающей мою душу.

Артас сглотнут. Рот пересох, словно там был песок.

– Тогда прикончи меня.

Она отбросила назад свою голову и рассмеялась пустым и призрачным хохотом.

– Быстрая смерть… вроде той, которой ты наградил меня? – удовольствие на ее лице исчезло так же быстро, как и пришло, ее глаза вспыхнули огнем. Она все приближалась к нему, пока не оказалась на расстоянии вытянутой руки. Непобедимый нерешительно дергался от близости с банши, и сердце Артаса чуть не остановилось, когда он едва не упал с коня.

– Нет. Ты дал мне хороший урок, Артас Менетил. Ты научил меня, как безрассудно оказывать милосердие своим врагам и как наслаждаться их муками. И, как своему наставнику, я покажу тебе, как хорошо я усвоила урок. Ты будешь страдать, как и я. Мой яд не даст тебе убежать.

Только глаза Артаса еще могли двигаться, и он беспомощно наблюдал, как она подняла кинжал.

– До встречи в аду, сукин сын.

Нет. Только не так – парализованным и беспомощным…

Джайна…

Внезапно Сильвана отскочила назад, бледная рука, сжимающая кинжал, задергалась и опустила оружие. Судя по ее лицу, она была крайне удивлена. Еще мгновенье, и перед ним появилась маленькая тень, которая уже приходила на помощь Артасу, радостная от мысли, что она помогла спасти своего короля. Счастливая служить.

– Назад, безмозглые твари! Ваше время еще не пришло, мой король!

Кел'Тузад! Он вернулся, как и обещал, найдя Артаса даже там, куда завлекла его эта предательница. И он прибыл не один. С ним было около дюжины воинов нежити, и они бросились на Сильвану и ее банши. У него вновь появилась надежда, но он был все еще парализован и не мог шевелиться. Он наблюдал за битвой, бушующей вокруг него, и через несколько секунд стало очевидно, что Сильване надо отступать.

Она стрельнула в него своим взгляд, и вновь ее глаза стали красными.

– Так просто ты от меня не отделаешься, Артас! Я *никогда* не остановлю охоту за тобой.

Артас смотрел на нее, пока она не растаяла в тени. Последнее, что он увидел от нее, были ее темно-красные глаза. Как только исчезла госпожа, другие банши под ее командованием тоже испарились. Кел'Тузад поспешил к Артасу.

– Она ранила вас, мой господин?

Артас мог только уставиться на него, паралич был таким сильным, что он даже не мог шевелить губами. Костяные руки ухватились с удивительной учтивостью за стрелу и вытащили ее. Артас едва удержался, чтобы не вскрикнуть от боли. Его красная кровь была перемешана с клейким черным веществом, которое Кел'Тузад тщательно принялся исследовать.

– Действия яда скоро пройдет. Похоже, он был должен лишь обездвижить вас.

Конечно, подумал Артас; иначе ей бы не понадобился кинжал. Его охватило облегчение, граничащее с истощением. Он был близко – слишком близко – к смерти. Если бы не верность лича, эльфийка бы расправилась с ним. Он попытался снова что-то сказать и у него получилось.

– Я… ты спас меня.

Кел'Тузад склонил свою костистую рогатую голову.

– Я рад, что был полезен, мой король. Но вы должны спешить в Нордскол. Все готово для вашего путешествия. У вас будут для меня еще распоряжения?

Кел'Тузад был прав. Артас уже чувствовал какое-то

оживление, хотя все еще не мог двигаться самостоятельно.

– Я должен спешить к Королю-личу как можно скорее. Еще немного, и… я не знаю, что нас ждет впереди, и вернусь ли я из этого путешествия. Я хочу вверить эту землю тебе. Ты должен заботиться о ней до моего возвращения.

Он доверял личу не из-за привязанности к нему или веры в него, просто для него это был холодный расчет, свершившийся факт. Кел'Тузад был нежитью, связанной с повелителем, которому они оба служили. Взгляд Артаса остановился на маленьком призраке, парящем и улыбающемся ему в несколько метров от них, затем он посмотрел на гниющие бестолковые трупы, которые бы спрыгнули с утеса, если бы он приказал им.

Это просто мертвое мясо и заблудшая душа. Не личности. И они никогда ими не станут. Что бы ни говорила улыбка этой маленькой тени.

– Это честь для меня, мой лорд. Я сделаю все, как вы приказали, король Артас.

Теперь у нее было тело, которым она раньше владела, немного изменившимся, но и она не была уже прежней. Сильвана бежала огромными легкими прыжками, как это делала при жизни, носила ту же броню. Но все было теперь не так. Она навсегда, безвозвратно изменилась.

– Госпожа, вас что-то беспокоит?

Сильвана очнулась от своих дум и посмотрела на банши, одну из многих, что парила возле нее. Она могла летать вместе с ними, но она предпочла тяжесть, связь с землей ее материального облика, который она вернула себе.

– А тебя нет, сестра? – коротко ответила она. – Несколько дней назад мы были всего лишь рабами Короля-лича. Нашей единственной задачей было убивать его врагов. А теперь мы … свободны.

– Госпожа, я не понимаю вас. – Банши была совершено запутана. – Мы вновь хозяева самим себе. Не за это ли вы боролись? Я думала, вы будете вне себя от радости.

Сильвана засмеялась, сознавая, что она была близка к истерии.

– Что за радость может быть в этом проклятьи? Мы все еще нежить, сестра, и чудовища. – Она протянула руку, посмотрела на свою сине-серую плоть, прочувствовала холод, который прицепился к ней словно вторая кожа. – Кто мы, если не рабы этого проклятья?

Он многое забрал у нее. Даже если она продлила его смерть на сутки… недели… она бы все равно не смогла заставить Артаса

страдать также сильно. Его смерть не вернет мертвых к жизни, не очистит Солнечный Колодец, ни сделает ее снова живой, с персиковой кожей и золотистыми волосами. Но она чувствовала себя… превосходно.

Он ускользнул от нее несколько дней тому назад. Его лакей, лич, прибыл в самый неподходящий момент. Теперь Артас, пытающийся излечить себя, был слишком далеко от ее цепких рук. Она узнала, что он оставил Кел'Тузада, дабы тот правил этими чумными землями. Но все было в порядке. Она была мертва. Теперь у нее была вечность, чтобы подготовить достойную месть.

Уголком глаза она заметила какое-то постороннее движение, она изящно развернулась, приготовив лук и стрелу одним быстрым движением. Раскрылся кружащийся портал, и перед ней появился Вариматас, покровительственно улыбавшийся, глядя вниз на нее.

– Приветствую тебя, леди Сильвана, – демон даже поклонился. Сильвана приподняла свою бровь. Ей не пришлось долго догадываться, что он имел в виду. – Мы с братьями крайне признательны тебе за помощь в свержении Артаса.

Значит, она сыграла для них роль. Как будто это была своего рода театральная пьеса.

– Свергла? Что ж, можно и так это назвать. Он унесся далеко отсюда, в этом я уверена.

Могучий демон пожал плечами, слегка раскрыв свои крылья при жесте.

– Как угодно, больше он не побеспокоит нас. Я пришел, чтобы предложить тебе встать на сторону нового мирового порядка.

"Нового порядка". Не очень-то он новый, подумала она; то же рабство, лишь другой хозяин. Больше ее это не интересовало.

– Вариматас, – холодно произнесла она. Она ему не поклонилась в ответ. – Мне было нужно одно – увидеть труп Артаса. Я потерпела неудачу при первой попытке, и теперь мне надо собрать все свои силы для следующего раза. У меня нет ни времени, ни желания заниматься вашей мелочной политикой и дележкой власти.

Демон возмутился.

– Осторожнее, миледи. Не стоит сердить нас. Мы будущее этих… Чумных Земель. Или ты присоединишься к нам и приобретешь свою толику власти, или тебя просто вышвырнут вон.

– Вы? Будущее? Кел'Тузад не ушел вместе со своим драгоценным Артасом. Недаром он остался здесь. Но, возможно, лич, перерожденный сущностью могущественного Солнечного

Колодца – ничто перед существами, столь сильными, как ты.

Ее голос был полон презрения, отчего повелитель ужаса нахмурился.

– Я слишком долго жила как рабыня, повелитель ужаса, – забавно, она все еще использовала слово "жила", притом, что была мертва. Похоже, что старые привычки уходят с трудом. – Я билась изо всех сил, чтобы стать чем-то большим, во что превратил меня этот ублюдок. Теперь я могу сама собой повелевать, и я выбираю свой собственный путь. Легион побежден. Ты последний оставшийся пережиток. Ты вымирающий вид. Я не собираюсь жертвовать своей свободой ради того, чтобы подчиняться таким глупцам, как ты.

– Как пожелаешь, – прошипел Вариматас в ярости. – Вскоре ты получишь наш ответ.

Рассерженный, он телепортировался прочь.

Она попала в прямо в цель, – уходя, он дрожал от возмущения. Она сразу это заметила. Его было легко возмутить; они отправили его, ибо даже не думали, что она представляет хоть какую-то угрозу.

Ей нужно было больше, чем горстка банши, чтобы биться с Аратсом. Она нуждалась в армии, городе мертвых… ей понадобиться весь Лордерон. Отрекшиеся, как она прозвала эти потерянные души, которые более не дышали, но у кого все еще сохранилась своя воля. Более того, она нуждалась не только в своих призрачных сестрах, чтобы побороть трех братьев демонов. А может быть ей нужно противостоять всего лишь двум братьям?

Сильвана Ветрокрылая снова подумала о Вариматасе, как легко им можно было манипулировать.

Возможно, он мог оказаться полезным для нее.

Да. Она и Отрекшиеся найдут свой собственный путь в этом мире… и они убьют любого, кто встанет у них на пути.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Нордскол. Странное чувство, что он вернулся домой. Когда показался берег, Артас вспомнил свое первое прибытие сюда, его сердце переполнялось болью от предательства Джайны с Утером, от необходимости того, что он был вынужден совершить в Стратхольме. Так много произошло, что казалось, будто с тех пор минула целая жизнь. Тогда в его сердце была жажда мести повелителю демонов, обратившего его людей в ходячих мертвецов. Теперь он правил этими ходячими мертвецами и был союзником Кел'Тузада.

Странные изгибы и повороты судьбы.

Он не чувствовал холода, как и тогда. Как и его люди, которые следовали за ним так преданно; смерть притупляла чувства к таким вещам. Только люди-некроманты кутались от стонущего и плачущего ледяного ветра и снега, который начал медленно падать, когда они бросили якорь и стали высаживаться.

Артас с трудом двинулся с гребной лодки на берег. Возможно он и не чувствовал холода этой земли, но его силы ослабли. Как только его нога коснулась земли, Артас почувствовал его – Короля-лича. Не разумом, не говорящим с ним через Ледяную Скорбь, хотя рунический клинок, слегка усиленный, слабо сиял. Нет, Артас чувствовал его *здесь*, своего господина, как не чувствовал раньше. И было колющее чувство возросшей угрозы. Он вернулся к остаткам тех, что следовали за ним по берегу – вурдалакам, призракам, теням, поганищам, некромантам.

– Мы должны спешить, – крикнул он. – Королю-личу грозит опасность. Мы должны как можно быстрее добраться до Ледяной Короны.

– Мой повелитель! – закричал один из некромантов и показал пальцем. Артас повернулся, доставая Ледяную Скорбь.

Через завесу падающего снега он смог разглядеть красно-золотые фигуры, зависшие в воздухе. Они приблизились ближе, и его глаза сузились в удивлении и гневе, поскольку он узнал их и знал, кто их хозяин.

Дракондоры. Он был поражен. Он же почти уничтожил высших эльфов. Как могло случиться так, что выжило достаточно, чтобы перегруппироваться, не говоря уже о том, чтобы определить, куда он отправился, и встать здесь у него на пути? Медленная улыбка растянулась на его красивом лице, и он почувствовал тайное чувство восхищения.

Дракондоры подлетели ближе. Он поднял Ледяную Скорбь в

приветствии.

– Я должен признать, – произнес он, – что удивлен видеть здесь кель'дораев. Я уж думал, что здешний холод слишком силен для таких неженок.

– Принц Артас! – раздался голос одного из наездников, животное которого зависло над Артасом. Его голос звучал ясно, чисто и сильно. – Теперь ты видишь здесь не кель'дораев. Мы *син'дорай* – эльфы крови! Мы поклялись отомстить за гибель Кель'Таласа. Эта мертвая земля… будет очищена! Отвратительные твари, которых ты сотворил, в конце концов, обретут настоящий покой. А ты, убийца, наконец-то получишь по заслугам.

На секунду он развеселился. Их было так мало. Артас понял, что, видимо, смотрит на остатки практически вымершей расы. И они просто пришли за ним? Тут его самодовольство переросло в раздражение. Несмотря на его усталость, ярость наполнила его голос, когда он закричал:

– Нордскол принадлежит Плети, эльф, и скоро вы присоединитесь к ней! Вы совершили ужасную ошибку, появившись здесь!

Появились еще дракондоры вместе с пешими следопытами. Небеса затмили стрелы, бесчисленные как снежные хлопья, осыпая и пронзая нежить. Большинство, однако, не пало; наконечники стрел их вовсе не беспокоили, если не прокалывали жизненно важные места.

Даже не обеспокоясь тем, чтобы оседлать Непобедимого, Артас бросился в битву. Ледяная Скорбь была голодна; казалось, что она набирает энергию и силу, как и сам Артас, с каждой поглощенной ею яркой, светлой душой. Посреди шума битвы он услышал голос, который был глубоким и холодным, будто сам Нордскол кричал из-за холма над ними.

– Во славу Плети! Уничтожим их во имя Нер'зула!

Несмотря на все, что он видел, несмотря на все, что он сделал, Артас почувствовал, как холод пробежал по нему от звука этого леденящего кровь голоса. Он отважился бросить быстрый взгляд наверх, и его глаза округлились от того, что он увидел.

Нерубы! Конечно – ведь это была их родина. Его сердце подскочило, когда они двинулись вперед. Сквозь снег он мог различить их очертания, знакомую, тревожащую, стремительную скорость, с которой пауки надвигались на свою добычу. Артас должен был отдать этим так называемым син'дораям должное – они отважно сражались – но их безнадежно превосходили по численности, и вскоре Артас стоял в море тел в красных и золотых одеяниях. Он поднял свою руку, и, один за другим,

мертвые эльфы задергались и стали, шатаясь, подниматься на ноги, глядя на него остекленевшими глазами.

– Больше воинов для того, кому мы служим, – сказал Артас. Он вновь огляделся, и его глаза остановились на главном нерубе.

Он был больше тех, кто был под его командованием, возвышаясь над ними, легко спустившись по заснеженной земле к Артасу. Он двигался среди них подобно королю, взвешенно и обдуманно. Артас пытался отыскать хоть что-нибудь знакомое в так невероятно чуждом ему; для человеческих глаз Ануб'арак выглядел помесью жука и паукообразного неруба, которыми он повелевал. Артас неосознанно отступил назад, и едва заставил себя стоять, где стоит, когда существо приблизилось.

Оно продолжало идти, пока не оказалось прямо перед ним, грозно высившись над ним, обратив вниз свои многочисленные глаза. Какой ужас. Его союзник.

Голос изменил Артасу, и он заставил его успокоиться.

– Благодарю за помощь, великий!

Создание наклонило свою голову, мягко щелкая жвалами, говоря тем глубоким, замогильным голосом, который все еще заставлял Артаса чувствовать себя не по себе.

– Рыцарь смерти, меня послал на подмогу Король-лич. Я Ануб'арак, древний король Азжол-Неруба. А где другой?

Он поднялся на задних лапах, осматриваясь.

– Другой?

– Кел'Тузад, – вновь прогрохотал Ануб'арак тем шипящим, вздыхающим, раскатистым голосом. Он опустился вниз и уставился на Артаса своим многоглазым взглядом.

– Я знаю его. Я встречал его, когда он впервые пришел служить Королю-личу, так же как сейчас я встречаю тебя.

Артас на мгновение задумался, чувствовал ли себя Кел'Тузад так же взволнованно как он, впервые столкнувшись с этим неживым насекомоподобным королем древней расы. Безусловно, был, ведь он сам рассказывал. Как, безусловно, был бы любой на его месте.

– Твои люди были желанным пополнением в наши ряды, когда мы впервые сражались с этими эльфами, – сказал он, вновь взглянув на павших син'дораев. Он был очень рад, что "люди" Ануб'арака были на его стороне. – И я снова я рад вашей помощи. Но у нас нет времени для долгой беседы. Раз тебя послал Король-лич, ты должен знать, что он в опасности. Мы должны немедленно отправиться к Ледяной Короне.

– Это так, – прогремел Ануб'арак. Он кивнул своей страшной головой и переместился, вытягивая две передние лапы. – Я соберу остатки своего народа, и мы вместе выступим к Ледяной Короне

на защиту нашего повелителя.

Гигантское создание властно двинулось вперед, созывая своих покорных подданых, которые пылко неслись за ним. Артас подавил дрожь и толкнул одно из тел павших эльфов. У него были оторваны руки и ноги, слишком сильные повреждения, чтобы использовать его.

– Жалкие эльфы. Неудивительно, что мы так легко расправились с их страной.

– Жаль, что я не смог остановить тебя. Давно не виделись, Артас.

Голос был мелодичным, приятным, изящным… и полным ненависти. Артас повернулся, узнав его, пораженный и довольный встречей с его владельцем. Действительно изгибы и повороты судьбы.

– Принц Кель'тас, – сказал он, улыбаясь. Эльф стоял в нескольких метрах от него, мерцание от его телепортации еще не угасло. Будто вечный, он выглядел точно таким же, каким Артас его запомнил. Нет, не совсем. Голубые глаза излучали глухую ярость. Не горячий гнев, что он видел на его лице в последнюю их встречу, а холодную, затаенную ярость. Он больше не носил пурпурные и синие одеяния Кирин-Тора, теперь он был одет в традиционные для его людей одежды темно-красного цвета.

– Артас Менетил, – эльф не упомянул титул. Очевидно, он считал это неуважением, но это нисколько не задело Артаса. Он прекрасно знал, кем он был, и скоро этот чересчур красивый принцчишка тоже узнает это. – Я бы плюнул при мысли о твоем имени на моих устах, но ты не стоишь даже этого.

– Ах, Кель, – ответил, улыбаясь, Артас. – Даже твои оскорбления излишне сложные. Рад видеть, что ты не изменился – как всегда слаб. Возникает вопрос. Так почему же ты не оказался в Кель'Таласе? Позволил другим людям умирать за тебя, пока ты уютно и безопасно сидел в своей Аметистовой Цитадели? Не думаю, что теперь тебе это удастся.

Кель'тас стиснул зубы, сузив глаза.

– Я рассчитаюсь с тобой. Я должен был быть там. А вместо этого я пытался помочь людям в битве с Плетью – Плетью, которую ты напустил на свой собственный народ. Возможно, ты не беспокоишься о своих людях – но я забочусь о моих. Я потерял многое, слишком многое, связавшись с людьми. Теперь я только за эльфов. За син'дораев – детей крови. Ты заплатишь, Артас. Ты дорого заплатишь за то, что совершил!

– Ты знаешь, я наслаждаюсь тем, как ты дразнишь меня. Это было так давно, не так ли? Я не видел тебя с тех пор…

Он не закончил предложение, наблюдая как дергается мышца

у глаза принца эльфов. Да, Кель'тас помнил. Помнил случайную встречу с Джайной и Артасом, слившимися в глубоком поцелуе. На мгновение воспоминания встревожили и Артаса, и удовольствие, которое он получал, причиняя боль Кель'тасу, на самую малость угасло. – Все-таки я должен сказать, что сильно разочаровался в тех эльфах, которых ты ведешь. Я надеялся на лучшую битву. Наверно всех, в ком был боевой дух, я убил в Кель'Таласе.

Кель не поддался на издевку.

– Ты столкнулся только с разведчиками. Не волнуйся, Артас, скоро ты столкнешься с настоящей проблемой. Посмотрим, как ты запоешь, когда встретишься с основными силами лорда Иллидана.

Губы принца скривились в улыбке, когда Артас содрогнулся при названном им имени.

– Иллидан? Так вот кто стоит за вторжением? – проклятье. Лучше бы он убил Тикондрия лично, не вовлекая в это калдорая. Он знал, что Иллидан был жадным до силы. Он просто не мог представить, что ночной эльф превратится в такую большую угрозу.

– Совершенно верно. За нами идет огромная армия, Артас, – бархатный, глубокий голос теперь был полон наслаждения. Ублюдок действительно наслаждался этим. – И сейчас она уже переходит Ледяную Корону. Ты не успеешь прийти на помощь своему драгоценному Королю-личу. Считай это расплатой за Кель'Талас… и все остальное.

– Остальное? – ухмыльнулся Артас. – Может, желаешь поподробней об остальном? Могу рассказать тебе, как это – держать ее в своих руках, наслаждаться ею, слышать, как она зовет меня…

Боль была хуже, чем когда-либо прежде.

Артас рухнул на колени. Его взор застлала красная пелена. Вновь он увидел Короля-лича – Нер'зула, как того назвал Ануб'арак, – заключенного в ледяную тюрьму.

– Торопись! – кричал Король-лич. – Мои враги уже близко! У нас почти не осталось времени!

– Что с тобой, рыцарь смерти?

Артас заморгал и понял, что уставился в лицо, если можно было так его назвать, Ануб'арака. Предлагая помощь, к нему была протянута длинная паучья лапа. Он заколебался, но был слишком слаб, чтобы подняться без посторонней помощи. Пересилив себя, он схватился за нее и встал. Она была как трость в его руке, сухая и будто мумифицированная на ощупь. Он отпустил ее, как только смог стоять самостоятельно.

– Мои силы на исходе, но это не важно. Он сделал успокаивающий вздох и огляделся вокруг.

– Где Кель'тас?

– Ушел, – голос был холодным как камень и полным недовольства. – Он воспользовался своей магией, чтобы телепортироваться отсюда, прежде чем мы смогли разорвать его на куски.

Опять трусливый магический трюк с телепортацией. Если бы только некроманты Артаса были способны на такое, Король-лич не находился бы сейчас в опасности. Артас призвал оставшиеся трупы и понял, что такова была судьба Кель'таса. – Мне неприятно это говорить, – произнес он, – но этот чертов эльф прав, – он повернулся к своим устрашающим союзникам. – Ануб'арак, у меня было другое видение, – опасность близка к Королю-личу. К нему приближаются Иллидан и Кель'тас. Мы не успеем добраться до ледника вовремя!

Я проиграл…

Ануб'арак, казалось, совсем не волновался.

– По земле – вероятно, нет, – согласилось громадное существо. – Это долгое и тяжелое путешествие. Но… есть и другой путь, рыцарь смерти. Глубоко под нами находится древнее, разрушенное королевство Азжол-Неруб. Именно там я когда-то правил много лет. Я хорошо знаю его проходы и тайные места. Оно переживает не лучшие времена, но если мы пройдем через него, то, без сомнения, сократим путь.

Артас взглянул наверх. Если бы он мог лететь, как ворон, путь не был бы таким уж долгим. Но через лед и горы, что встали перед ним…

– Ты уверен, что мы сможем добраться до ледника по этим туннелям? – спросил он.

– Ни в чем нельзя быть уверенным, рыцарь смерти, – на мгновение показалось, что неруб ухмыляется. – Руины будут опасными. Но оно стоит риска.

Переживает не лучшие времена. Интересная фраза для древнего, мертвого повелителя пауков. Артас удивился, что бы это могло значить.

И подумал, что скоро узнает.

Ануб'арак и его воины быстро двинулись прямиком на север. Артас со своими последователями Плети направился за ними, и скоро океан остался позади. Солнце быстро шло по тусклому небу, опускаясь за горизонт. Наступала длинная ночь. Пока они шли, Артас послал нескольких своих воинов собрать сучья и ветки деревьев, сколько смогут найти; им придется сжечь много факелов, следуя через опасное подземное королевство.

Через несколько часов мучительно медленного продвижения, – нежить не могла по-настоящему чувствовать холод, но ветер и снег замедляли ее, – Артас понял, что, несмотря на почти противоречивые слова Ануб'арака, в одном он *был* точно прав. Он никогда не успеет вовремя, чтобы спасти Короля-лича – и соответственно себя – двигаясь по поверхности. В конце концов, именно желание спасти себя двигало его с таким рвением. Король-лич нашел его, превратил в того, кем он является сейчас. Даровал ему великую силу. Артас понимал и ценил это, но в его долге перед Королем-личем не было ни капли преданности. Если бы эта великая сущность будет убита, то, несомненно, Артас умрет за ним, – а как он сказал Утеру, он намеревался жить вечно.

Наконец они достигли врат. Они были так покрыты льдом и снегом, что Артас сперва не заметил их, но Ануб'арак остановился, поднялся и широко распростер две из своих восьми лап, показывая, что лежит перед ними.

Изогнутые камни, похожие на серпы – или лапы насекомого, подумал Артас – выступали вверх, их концы сгибались один над другим, формируя своего рода символический туннель. Впереди он мог разглядеть сами врата. На них был высечен гигантский паук. Губы Артаса скривились в отвращении, но затем он подумал о статуях, установленных в Штормграде. Были ли они такими уж разными? Вход в "туннель" и врата вели в сердце того, что походило на айсберг. На мгновение, всего лишь на мгновение, Артас взглянул на молчаливую, громадную фигуру Ануб'арака, подумал о пауках и насекомых и задался вопросом, правильно ли он поступает.

– Узри вход в некогда могущественное и древнее место, – сказал Ануб'арак. – Я был его правителем, и мои приказания беспрекословно исполнялись. Я был могущественным и сильным и ни перед кем не преклонялся. Но все меняется. Теперь я служу Королю-личу, и мой долг – защищать его.

Артас коротко подумал о том, как был разгневан чумой, о жгучем желании мести… о глазах своего отца, когда Ледяная Скорбь высосала его душу.

– Все меняется, – тихо произнес он. – Но не время предаваться воспоминаниям.

Он повернулся к своему новому странному союзнику и холодно улыбнулся.

– Давай спускаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Артас не знал, как долго они пробыли под ледяной поверхностью Нордскола, в древнем и мертвом нерубийском королевстве. Когда он бежал на свет в конце тоннеля, как летучая мышь, он знал лишь две вещи. Первое – что он успел вовремя, чтобы защитить Короля-лича. Второе – он до мозга костей рад *выбраться* из этой дыры.

Сразу было видно, что когда-то королевство нерубов было величественным. Артас не представлял, что можно от него ожидать – но точно не броских синих и аметистовых цветов, и не запутанных геометрических форм, разделявших различные залы и коридоры. На них все еще можно было разглядеть следы былой красоты. Они походили на засохшую розу – прекрасные, но мертвые. Всюду царил странный запах, куда бы они ни шли. Артас не то что не мог узнать его, но даже не мог определить, на что он похож. Он был удушливым и резким, и весьма неприятным, несмотря на то, что Артас провел долгое время рядом с гниющими мертвецами.

Путь был и вправду коротким, как и обещал Ануб'арак, но за каждый шаг они платили кровью. Только вступив в подземелье, они почти тут же попали в засаду.

Из темноты вышли дюжины пауков. Ануб'арак и его воины встретили их во всеоружии. Чуть помешкав, Артас приказал своим войскам поступить так же. Обширные пещеры быстро заполнились визжанием и жужжанием нерубийцев, гортанными криками нежити и отчаянными воплями некромантов, когда нерубийцы напали, разбрасываясь ядом. Несколько мертвецов попали в ловушку из толстой, липкой паутины, и так и оставались там, пока жестокие челюсти не сносили им голову или острые шипы лап не выпускали им кишки.

Ануб'арак был кошмаром во плоти. Он издал ужасный глухой звук на своем родном гортанном языке и набросился на своих бывших сородичей. Каждая его лапа пронзала свою несчастную жертву, а шипы надламывали их конечности. И все то время, что спертый воздух был переполнен криками, Артас, вроде бы и привыкший к таким делам, дрожал и тяжело дышал.

Схватка была жестокой и обошлась им дорогой ценой, но, в конце концов, нерубийцы отступили в тьму, из которой родились. Несколько из них осталось позади, яростно корчась восемью лапками, пока не умерли, подогнув их под себя.

– Что это, черт возьми, значит? – задыхаясь, спросил Артас у Ануб'арака. – Эти нерубийцы – твоя родня. Почему же они напали

на нас?

– Многие из нас, падших в войне Паука, вернулись в этот мир, чтобы служить Королю-личу, – ответил Ануб'арак. – Но эти воины никогда не умирали. Они все еще глупо сражаются за освобождение Неруба от Плети.

Артас мельком взглянул на мертвых нерубийцев.

– И вправду, глупо, – пробормотал он, подняв руку вверх. – После смерти они станут служить тем, с кем воевали при жизни.

Таким образом, когда они, наконец, вышли на тусклый свет и свежий ветер верхнего мира, его армия пополнилась новобранцами, недавно умершими, но верными его армии.

Артас остановил Непобедимого. Он ужасно дрожал, и ему нужно было всего лишь на минутку присесть и отдышаться свежим воздухом. Правда, воздух вокруг быстро испортился зловонием его же войска. Ануб'арак подошел к нему и пристально на него взглянул.

– Нет времени на отдых, рыцарь смерти. Мы нужны Королю-личу. Наш долг – служить ему.

Артас скоро осмотрел повелителя склепа. Что-то в тоне его голоса намекало на какое-то странное чувство, – это была неприязнь? Ануб'арак служил только потому, что должен был? А если бы у него была возможность, – он бы восстал против Короля-лича… восстал бы против самого Артаса?

Силы Короля-лича иссякали, – и вместе с ними и силы Артаса. А что если их окажется недостаточно…

Рыцарь смерти посмотрел на повелителя склепа, глубоко вздохнул и пошел за ним.

Столь долгий поход сквозь глубокий снег и грубый ветер Артас и представить себе не мог. Один раз он почти что потерял сознание, – столь измотал его путь. Но, испугавшись, он заставил себя идти вперед. Теперь у него нет права на ошибку.

Они поднялись на склон, и Артас увидел, наконец-то, ледник посреди долины – и армию, что ждала его. Его дух воспрял при виде огромного войска, собравшегося, чтобы сражаться за него и за Короля-лича. Ануб'арак оставил здесь много своих воинов, дожидавшихся его, готовых к бою. Он посмотрел дальше и увидел еще одну армию, – он знал, кто это, хотя они были слишком далеко, чтобы их разглядеть. Он взглянул еще дальше и затаил дыхание.

Король-лич был там, в глубинах ледника. Пойманный в ловушку в своей тюрьме, каким Артас видел его в видениях. Он одним ухом слушал, как один из нерубийцев, посланный к нему Ануб'араком, докладывал о сложившейся ситуации.

– Вы как раз во время. Войска Иллидана собрались у ледника, и…

Артас вскрикнул он жутчайшей боли, зная, что она значила. Мир вокруг него вновь налился кровью, и судороги свели все тело. От близи к Королю-личу его муки увеличились в стократ – но все равно были лишь частью того, что испытывал сам Король.

– Артас, мой герой. Наконец-то ты прибыл.

– Мой повелитель, – шепнул Артас, закрыв глаза и прижав пальцы к вискам. – Да, я прибыл. Я здесь.

– В толще Ледяного Трона появились разломы, через которые уходит моя сила, – продолжил Король-лич. – Мы слабеем.

– Но как? – кто-то напал на него? Артас в видении врагов не видел. Если еще, конечно, не слишком поздно.

– Рунный клинок Ледяная Скорбь когда-то тоже был заключен внутри трона. Я вытащил его изо льда, чтобы он нашел тебя… и привел ко мне.

– Так и случилось, – вздохнул Артас. Король-лич был заключен, пойман во льду. И его волею великий меч вышел из Трона и был послан Артасу. Теперь он вспомнил глыбу льда, в которой нашел Ледяную Скорбь. Она выглядела так, будто была осколком большого айсберга. Такая сила… и все, чтобы привести Артаса в это место. Шаг за шагом он приближался сюда. Направленный. Управлямый…

– Ты должен поспешить. Мой создатель, владыка демонов Кил'Джеден, отправил своих слуг убить меня. Если они доберутся до Ледяного Трона раньше тебя, – все кончено. Плеть будет уничтожена. Торопись! Я передам тебе все силы, какие только смогу.

Холод просочился в Артаса, заглушив дикую боль, успокоив мысли. Сила, столь обширная, столь головокружительная… могущественнее всего, что Артас знал прежде. Вот зачем он пришел сюда. Чтобы почерпнуть из этого ледяного источника, чтобы впитать в себя силу Короля-лича. Руны Ледяной Скорби сверкали новой жизнью, из нее исходила морозная дымка. Он сказал слово, и его голос был звучен и ясен и разрезал холодный воздух.

– У меня снова было видение. Король-лич. Он восстановил мои силы! Теперь я знаю, что надо делать, – он поднял вверх Ледяную Скорбь, указывая на толпу у подножья Ледника. – Иллидан уже давно испытывает терпение Плети. Он хочет войти в тронный зал Короля-лича. У него ничего не выйдет. Настало время напомнить ему, что он тоже смертен. Пришла пора закончить эту игру. Раз и навсегда.

С громким воодушевленным возгласом Артас взмахнул

Ледяной Скорбью над головой. Она кричала, жаждая новых душ.

– За Короля-лича! – крикнул Артас и помчался навстречу врагам.

Он чувствовал себя, как бог, без труда взмахивая Ледяной Скорбью над головой. Каждая поглощенная ею душа делала его еще сильнее. Стрелы эльфов крови обходили Артаса и градом сыпались на снег. А стрелки падали толпами, будто подкошенные. Артас оглядел поле брани. Где тот, кого он должен был убить в первую очередь? Он все еще не видел Иллидана. Быть может, он уже вошел в…

– Артас! Артас, черт тебя возьми, повернись и сразись со мной!

Голос был ясен, чист и полон ненависти. Артас оглянулся.

Эльфийский принц стоял всего в нескольких шагах от него, в красных с золотом нарядах, ярких, как кровь, на фоне неумолимой белизны снега, на котором шел бой. Он был высоким и гордым, возле него стоял воткнутый в снег посох, а его глаза сверлили Артаса насквозь. Вокруг него была аура магии.

– Ты не пройдешь дальше, убийца.

Глаз Артаса нервно задергался. Его так уже называла Сильвана. Он усмехнулся эльфу, раньше казавшемуся принцу людей невероятно сильным и мудрым. Его мысли вернулись в тот день, когда Кель застал Артаса и Джайну за поцелуем. Тот юнец, которым был тогда Артас, казалось, проигрывал могучему магу буквально во всем.

Но Артас больше не был тем юнцом.

– После того как ты трусливо сбежал с нашей последней встречи, я и не думал, что ты когда-то высунешься на белый свет, Кель. Все еще злишься на меня за то, что я отнял у тебя Джайну? Ты должен принять все, как есть. В конце концов, в этом мире есть еще много вещей, которые ты можешь назвать своими. О, стой… или уже нет?

– Будь ты проклят, Артас Менетил, – прорычал Кель’тас, дрожа от ярости. – Ты отнял у меня все, что было мне дорого. У меня осталась только жажда мести.

Он не стал тратиться больше на гневные слова, вместо этого подняв свой посох. Кристалл на его набалдашнике загорелся ярким светом, а в другой руке возник огненный шар. Мгновение спустя он полетел к Артасу. Осколки льда отразились от его доспехов. Кель’тас был мастером магии и умел читать заклинания быстрее, чем кто либо, с кем Артасу доводилось сражаться. Он едва успел поднять Ледяную Скорбь, чтобы отразить ею пламенный шар. А осколки были ерундой. Он взмахнул рунным клинком и притянул ледяные стрелы, как стружку к магниту.

Улыбаясь, Артас взмахнул мечом над головой и отправил их назад к залинателю. Он был удивлен скоростью Кель'таса, но больше не допустит такой ошибки.

– Подумал бы дважды, прежде чем нападать на меня льдом, Кель, – сказал он, смеясь. Он должен был раздразнить мага. Самым важным в его чарах был самоконтроль, и если бы он вышел из себя, – проиграл бы в поединке.

– Спасибо за совет, – проворчал Кель. Артас потянул за уздечку, готовясь наскочить на противника, но в этот миг снег под ним стал ярко-оранжевым, и спустя мгновение превратился в воду. Непобедимый опустился почти на метр, но копыта встали на льдистое дно. Артас соскочил с него, направив коня к снегу и схватив в правую руку Ледяную Скорбь. В его правой руке появился темный шар из зеленоватой энергии, который полетел в Келя, как стрела, выпущенная из лука. Маг отпрыгнул в сторону, но атака была слишком быстрой. Его лицо побледнело, и он схватился рукой за сердце. Артас улыбнулся, ведь часть его жизненной силы перешла к нему.

– Я отнял у тебя девушку, – сказал он, продолжая попытки вывести из себя мага, хотя знал, как, вероятно, и Кель, что Джайна никогда и не была с эльфом. – Ночами она была в моих руках. О, Кель, ее поцелуи были такими сладкими. Она…

– Теперь она тебя ненавидит, – ответил Кель'тас. – Ты вызываешь в ней лишь отвращение, Артас. Все, что она чувствует к тебе с тех пор – это ненависть.

Артаса странно передернуло. Он никогда не думал о том, как Джайна относится к нему теперь. Он всегда старался избавиться от мыслей о ней, когда они забредали в его сознание. Это и вправду так? Джайна действительно…

Огромный огненный шар поразил его в грудь, и Артас вскрикнул, отступив под ударом. Пламя пылало на нем несколько секунд, прежде чем он нашел в себе силы остановить заклинание. Доспехи смогли защитить его, но обожженная кожа чертовски болела. Он был ошеломлен, и его застали врасплох. Второй огненный шар помчался в его сторону, но на этот раз он был готов, и встретил сгусток огня своим смертоносным льдом.

– Я разрушил твою родину… осквернил ваш драгоценный Солнечный Колодец. И я убил твоего отца. Ледяная Скорбь впитала в себя его душу, Кель. Он ушел навсегда.

– О, да, это твое призвание – убивать бодреньких старичков, – глумился над ним в ответ Кель'тас, и это неожиданно больно его задело. – Ну, моего отца ты хоть сразил на поле боя. А своего? Как храбро – заколоть беззащитного родителя, распростершего руки, чтобы обнять…

Артас подбежал к нему так, что их разделяло всего пару шагов, и опустил Ледяную Скорбь. Кель'тас отразил удар посохом. Несколько секунд он удерживал меч, но затем посох разломился на кусочки. Но эта заминка выиграла Кель'тасу время, чтобы вытащить из ножен сверкающее оружие, рунный клинок, который, казалось, в отличие от холодного света Ледяной Скорби, пылал настоящим пламенем. Клинки скрестились. Они оба пытались заставить друг друга отступить, и их борьба продолжалась несколько секунд. Их взгляды встретились, и Кель'тас усмехнулся.

– Узнаешь этот клинок?

Артас узнал. Он знал, что это за меч, и откуда он, – Удар Пламени, Фело'мелорн, которым когда-то владел предок Кель'таса, Дат'Ремар Солнечный Скиталец, основатель их династии. Меч был очень древним. Он видел еще Войну Древних и появление Высокорожденных. Артас снова ухмыльнулся. Удар Пламени теперь станет еще и свидетелем еще одного великого события – падения последнего из Солнечных Скитальцев.

– О, узнаю. Я видел, как он раскололся надвое от удара Ледяной Скорби, когда я убил твоего отца.

Артас был сильнее, к тому же теперь в нем была сила Короля-лича. С рычанием он отпихнул Кель'таса назад, в надежде, что тот потеряет равновесие. Маг быстро встал на землю и, почти танцуя, прыгнул вперед, взмахнув Фело'мелорном. Его глаза не упускали Артаса из виду ни на миг.

– И теперь он перекован.

– Такие мечи ломаются там, где их перековали, – Артас отступил назад, какой-то миг пытаясь найти слабое место Келя.

– Может, людские мечи, – засмеялся Кель'тас. – Но не эльфийские. Нет, он был перекован, и в него вложили магию, ненависть и лютую жажду мести. Нет, Артас, Фело'мелорн теперь сильнее, чем когда-либо. Так же, как и я. Как и син'дореи. Мы слишком сильны, чтобы сломить нас – слишком сильны в стремлении к цели. А цель наша – твоя смерть!

Он напал слишком неожиданно. Только что Кель'тас стоял и разглагольствовал, а теперь Артас был вынужден бороться за свою жизнь. Ледяная Скорбь против Удара Пламени, будь эльф проклят, если соврал, – неразрушимого клинка. Артас отскочил назад, чтобы отойти от неожиданной атаки, а затем поднес Ледяную Скорбь, чтобы защитится. Кель сделал ловкий выпад, жестокий и стремительный, которого Артас и не ждал. Он отступил назад на шаг, потом на второй, а затем не выдержал и упал на землю. Грозно рыча, Кель набросился на него, надеясь нанести смертельный удар. Но Артас крепко помнил уроки

Мурадина, и особенно один трюк запомнился ему навсегда. Он вытянул ноги и толкнул Келя изо всех сил. Маг упал на снег. Рыцарь смерти, тяжело дыша, вскочил на ноги, и занес над головою Ледяную Скорбь, чтобы яростно опустить ее на эльфа.

Удар наткнулся на Фело'мелорн. Клинки снова схлестнулись в борьбе. Глаза Кель'таса пылали ненавистью.

Но на мечах Артас сражался искуснее мага. Он был сильнее и, несмотря на злорадные речи Келя о перекованном мече, его клинок был куда мощнее. Медленно, неумолимо, как и надеялся Артас, Ледяная Скорбь подступалась к горлу Кель'таса.

– … ненавижу тебя, – шепнул Кель.

Артас яростно закричал, его взор затуманился, и он изо всех сил ударил клинком вниз.

Меч вонзился в снег и лед.

Кель'таса не было.

– Трус! – закричал Артас, хотя знал, что принц его не услышит. Этот ублюдок опять телепортировался прочь в последний момент. Ярость клокотала в нем, грозясь затуманить разум, но он усмирил ее. Глупо было позволить Кель'тасу так себя разозлить.

Проклятье, Джайна. Даже теперь ты не оставишь меня в покое!

– Ко мне, Непобедимый! – закричал он дрожащим голосом. Кель'тас не умер, но теперь он не стоял на пути, – а остальное неважно. Он направил своего мертвого коня в сторону поля брани и помчался вперед.

Он беспечно скакал сквозь толпы врагов, будто они были жуками. Они падали, и он возвращал их к жизни, чтобы они сражались против бывших соратников. Натиск нежити был неостановим и неодолим. Снег вокруг шпиля был протоптан и залит кровью. Артас оглянулся на последних оставшихся врагов. Эльфы крови, но их повелителя не было.

Где Иллидан?

Возле него кто-то быстро пронесся, и он обернулся. Тяжелый выдох. Еще один повелитель ужаса. Он стоял к нему спиной и распростер черные крылья, его черные копыта танцевали по снегу. Артас достал из ножен Ледяную Скорбь.

– Я уже сражал тебе подобных, повелитель ужаса, – закричал он. – Повернись и предстань передо мною, если можешь, или убегай в Пустоту как трус, демон.

Он медленно обернулся. Его голову венчали гигантские рога. Его губы искривились в злорадной улыбке. Его глаза, даже прикрытые черной повязкой, пылали зловещим зеленым светом.

– Привет, Артас.

Его глубокий и зловещий голос изменился, но не так сильно, как тело кал'дорая. Его кожа все еще была блеклого лавандового цвета, покрытая теми же узорами татуировок. Но копыта, крылья и рога… Артас тут же понял, что произошло. Так вот как Иллидан стал таким сильным.

– Ты изменился, Иллидан. Похоже, сила Черепа Гул'Дана не пошла тебе на пользу.

Иллидан откинул назад рогатую голову и засмеялся низким темным смехом.

– Наоборот, мне никогда не было так хорошо. В каком-то смысле я даже благодарен тебе, Артас, за то, кем я стал.

– Тогда докажи это делом и сойди с дороги, – голос Артаса стал холодным, исчез сарказм. – Ледяной Трон мой, демон. Уйди прочь. Уходи из этого мира и никогда не возвращайся. Если так – я готов подождать.

– У каждого из нас свои хозяева, парнишка. Мне приказали разрушить Ледяной Трон. Кажется, нам не найти согласия, – ответил Иллидан и достал оружие, которые Артас уже видел у него когда-то. Его руки с острыми черными когтями крепко схватили рукоять между клинками, и он закружился в боевом танце с небрежным изяществом. Артас смотрел на него с неуверенностью. Он только что закончил битву с Кель'тасом, и победил, хоть трусливый эльф и растворился за миг до смертельного удара. А Иллидан же был полон сил.

Иллидан криво улыбнулся, заметив усталость врага. Он позволил себе еще раз продемонстрировать свое мастерство владения демоническим оружием, затем остановился, приготовившись к бою.

– Это было неизбежно.

– Твои войска разделены или уже стали частью моей армии.

Артас достал Ледяную скорбь. Руны ярко пылали, а клинок был овеян холодной дымкой. Он знал, что пылающие зеленые глаза Иллидана под темной повязкой сейчас осматривают клинок. У демона-калдорая было могущественное оружие, но не хуже было и у Артаса.

– Ты умрешь. Так или иначе.

– Сомневаюсь, – ответил Иллидан. – Я сильнее тебя, а мой повелитель создал твоего. Подходи же сюда, жалкая пешка. Я сражу слугу, прежде чем уничтожить его повелителя.

Артас бросился вперед. Ледяная Скорбь пылала и дрожала в его руках, так же желая смерти Иллидана, как и он сам. Эльф, казалось, совсем не удивился такому порыву и непринужденно поднял мечи с двумя лезвиями, чтобы отразить удар. До этого Ледяная Скорбь ломала древние и сильные мечи, но на этот раз

она просто со звоном и искрами встретилась с ядовито-зеленым металлом клинков.

Иллидан ухмыльнулся, удерживая удар. В Артасе зашевелилась неуверенность. Иллидан и вправду сильно изменился, впитав в себя силу Черепа Гул'Дана. Он стал намного, намного сильнее, чем был. Теперь Артас должен был отступить назад, потому что демон пересиливал его.

– Как все хорошо обернулось, – прорычал Иллидан. – Знаешь, рыцарь смерти, если мне понравится схватка, – я убью тебя быстро и милосердно.

Артас не стал тратить время на ответные оскорбления. Он оскалил зубы и сосредоточился на парировании града ударов, посыпавшихся на него. Клинки демона кружили вихрем изумрудного пламени. Артас ощущал в них демоническую силу, так же как и Иллидан наверняка чувствовал холодную тьму Ледяной Скорби.

Внезапно Иллидан прекратил выпады, и Артас по инерции шагнул вперед. Он поднял глаза вверх и увидел Иллидана, распростершего в воздухе крылья, готовясь к новой атаке.

Пока они выжидающе смотрели друг на друга, Артас попытался отдышаться. Он видел, что и для Иллидана схватка не прошла даром. На его лавандовой коже мерцал пот. Артас стал в стойку, приготовив к бою Ледяную Скорбь, и стал ждать, пока Иллидан нападет.

А Иллидан сделал нечто совершенно неожиданное. Он схватил свое оружие двумя руками – и разделил его на двое. Теперь в каждой его руке было по клинку.

– Смотри, это – Парные Клинки Аззинота! – злорадствовал Иллидан. Он взлетел вверх, кружа мечами в левой и правой руке, и Артас понял, что лучше бы он не видел ни одного. – Две великолепные глефы. Ими можно сражаться как одним великим и смертоносным оружием – а можно и как двумя. Это было личное оружие стражника рока – полководца демонов, которого я убил лично. Десять тысяч лет назад. А ты давно владеешь своим милым клинком, человечишка? Ты хорошо научился им сражатся?

Эти слова должны были бы обескуражить рыцаря смерти. Однако же, они его взбодрили. Пусть Иллидан и наловчился орудовать своими клинками, – но они не были так крепко связаны с ним, как он был связан с Ледяной Скорбью. Он знал, что они связаны судьбою, когда увидел его в видении в первые дни в Нордсколе. Он уверился в этом, когда впервые увидел клинок наяву. И теперь, крепко сжимая клинок в руках, он чувствовал, они – едины.

Клинки демона сверкнули. Иллидан камнем набросился на Артаса. Артас крикнул и ударил в ответ так сильно, как никогда не бил за все время, что носил рунный клинок. Он взмахнул Ледяной Скорбью прямо на пути демона. Он знал, он ждал этого, и он ощутил, как меч врезался ему глубоко в плоть. Он не остановил меч, протянув по туловищу Иллидана глубокую рану, и упился мучительным криком бывшего кал'дорая.

И все же этот ублюдок не упал. Крылья Иллидана лихорадочно забились, держа его на ногах, и, прямо перед пораженным взором Артаса, его тело стало темнеть и прятаться в тенях… и вскоре стало казаться, что оно сделано из густой черно-фиолетовой и зеленой дымки.

– Вот – сила, которую ты подарил мне, – крикнул Иллидан голосом еще глубже, чем прежде. Артас ощутил, как он заставил его задрожать до костей. Глаза Иллидана ярко пылали во тьме, которой стало его лицо. – И эта сила уничтожит тебя.

Крик вырвался из горла Артаса, и он вновь упал на колени. Яркий зеленый огонь запылал на его доспехах, полыхал на коже, и даже на миг затмил синий жар Ледяной Скорби. Его крики боли смешались с хохотом Иллидана. Огонь скверны танцевал по нему, и Артас, задыхаясь, упал на землю. Огонь угас, и он увидел, как Иллидан идет, чтобы добить его. Он почувствовал рунный клинок, который все еще был зажат в его руках, – он убеждал его собраться с силами.

Ледяная Скорбь была его, была им самим, и вместе они были непобедимы.

И как только Иллидан занес клинки, чтобы покончить с врагом, Артас изо всех сил поднял Ледяную Скорбь острием вверх. Он чувствовал, как клинок проник в плоть.

Иллидан тяжело свалился на землю. Кровь сочилась из его обнаженного торса, лилась на снег, медленно таявший, наливаясь кровью. Его грудь поднялась и упала в болезненном вздохе. Теперь от его хваленых клинков не было никакого толку. Один выпал из его ослабшей хватки, второй остался в руке, но он не мог даже поднять его. Артас встал на ноги, хоть его тело все еще местами пылало языками пламени скверны, которые швырнул в него Иллидан. Он с минуту смотрел на демона, запечатлев в памяти его вид. Он хотел нанести ему смертельный удар, но позволил холоду и боли сделать это за него. У него были дела куда важные. Он повернулся и посмотрел на шпиль, возвышавшийся возле него.

Один миг он просто стоял и смотрел, зная, хоть и неизвестно откуда, что многое вскоре изменится. Затем он глубоко вздохнул и вошел в пещеру.

Артас изумленно шел по длинным коридорам, ведущим в глубины ледника. Его ноги, казалось, сами несли его. Везде было тихо, и никто не мог оспорить его права быть здесь. Он не слышал, а чувствовал пелену глубокой силы. Он шел все дальше, и сила манила его подобраться к своей судьбе так близко, как никогда.

Впереди был холодный блекло-синий свет. Артас шел к нему, едва не срываясь на бег. Тоннель окончился залом с высоким сводом, в котором Артас тут же признал тронный зал. Прямо перед ним было сооружение, от одного вида которого у Артаса перехватило дыхание.

На верхушке этой башни, этого высокого шпиля изо "льда, что вовсе не был льдом", который возвышался почти под своды зала, там, наверху, была тюрьма Короля-лича. Узкая извилистая тропинка, выдолбленная в шпиле, вела наверх. В Артасе все еще была сила, данная Королем-личем. Но он медлил, тяготимый неприятными воспоминаниями. Как гадкие мухи они набросились на него, когда он поднимался наверх, тяжело переступая закованными в латы ногами. Слова, мысли, картины прошлого, – все возрождалось в его памяти.

"Помни, Артас. Мы – паладины. Мести нет места в наших помыслах. Если мы позволим нашим эмоциям обратиться к жажде крови, то мы не будем ничуть лучше этих мерзких орков".

Джайна… о, Джайна… *"Никто не в силах тебе отказать. Даже я".*

" Не отказывай мне, Джайна. Никогда не отказывай мне. Пожалуйста."

"Мне никогда не удастся, Артас. Никогда".

Он неуклонно продолжал подниматься.

"Мы знаем мало, слишком мало – и не можем же мы вырезать весь город только из животного страха!"

"Но я тебе, парень, говорю, это дело дурное. Оставь все как есть. Пусть останется тут, потерянный и забытый. Мал'Ганис здесь, что ж, прекрасно. Пусть он свою демоническую задницу приморозит в этой пустоши. Забудь об этом и давай поведем твоих людей домой".

Шаг за шагом. Вверх, только вверх. Его память заполонило видение черных крыльев.

"Я оставлю тебе одно предсказание. Запомни: чем яростнее ты будешь бороться с врагами, тем быстрее твои люди окажутся в их власти".

И каждый раз, когда его уносили к себе воспоминания, заставляя сердце сжиматься в груди, одно видение, один шепот, сильнее и непреклоннее всех остальных, подзывал его к себе:

– Скорее, мой герой. Скоро я буду освобожден… и это вознесет тебя к истинной силе.

Он поднялся вверх, и его пристальный взгляд устремился к вершине. К огромной глыбе льда, где томился в заключении тот, кто повел Артаса этим путем. Он подошел еще ближе, и теперь между ними было всего пару шагов. Он лицезрел того, кто был заключен внутри постамента, хотя мало что мог разглядеть. Туман овеивал ледяную глыбу, заслоняя взор.

Ледяная Скорбь пылала в его руках. Глубоко внутри Артас заметил слабую, как будто в ответ, вспышку двух синих огоньков.

– ВОНЗИ КЛИНОК, – приказал ему глубокий, скрежетащий, невыносимо громкий голос в его голове. – ЗАМКНИ КРУГ. И ОСВОБОДИ МЕНЯ ИЗ ЭТОЙ ТЮРЬМЫ!

Артас шагнул вперед, подняв Ледяную Скорбь, и побежал. Это был тот миг, к которому все и вело. С диким ревом, вырвавшимся из горла, он изо всех сил взмахнул мечом.

С огромным треском, разбившим на осколки тишину зала, Ледяная Скорбь опустилась вниз. Лед треснул на мелкие кусочки, разлетевшиеся по сторонам. Артас поднял руки, чтобы защитится, но осколки обошли его стороной. От заключенного в тюрьму тела отлетели куски, и Король-лич закричал, подняв свои закованные в латы руки к небу. Дикий стон и треск раздались от стен пещеры и самого Короля, столь громко, что Артас закрыл обожженные болью уши. Казалось, будто сам мир разрывался на части. Вдруг то существо в доспехах, что было Королем-личом, разрушилось, как и его тюрьма, прямо на глазах у Артаса.

Внутри Ледяного Трона никого не было.

Лишь доспехи из черного льда, теперь разбросаные на верхушке шпиля. Пустой шлем подкатился к ногам Артаса, и его пробила глубокая дрожь.

Он все это время гнался за призраком. Был ли здесь вообще Король-лич? А если нет, кто же вытащил Ледяную Скорбь изо льда? Кто хотел освободиться? Может это он, Артас Менетил, все это время был заключен в Ледяном Троне?

Мог ли быть тот призрак, за которым он гнался… им самим?

Вопросы, которые скорее всего не найдут ответов. Но одно ему было ясно. Эти доспехи, как и Ледяная Скорбь, были предназначены ему. Закованные в перчатки пальцы почтительно схватили остроконечный шлем, и, закрыв глаза, он надел его на свою седую голову.

Его осенило силой, его тело напряглось, и он ощутил, что в него проникла сущность Короля-лича. Она проникла в его сердце, остановила дыхание, заструилась по венам, пронеслась сквозь него как приливная волна, холодная и могучая. Его глаза были

закрыты, но он видел, он видел многое – все, что когда-либо видел, знал и делал Нер'Зул, орк и шаман. На миг Артасу показалось, что он завладеет им, что Король-лич заманил его сюда лишь чтобы завладеть его телом. Он приготовился к поединку, наградой за который будет его тело.

Но поединка не было. Только смешение, единение. Ледяная пещера и все вокруг него стали рушиться. Артас едва замечал это. Его глаза смотрели вперед сквозь закрытые веки.

Его губы зашевелились. Он сказал.

Они… сказали.

– Теперь… мы – едины.

ЭПИЛОГ: КОРОЛЬ-ЛИЧ

Синие и белые краски затуманили видение Артаса в его сне. Холодные, чистые цвета рассеялись, сменились на теплые тона дерева и света огня и факелов. Он поступил так, как и обещал; он вспомнил свою жизнь, все, что совершил прежде, вновь повторил тот путь, что привел его на седалище Ледяного Трона и к этому глубокому, очень глубокому сну.

Однако казалось, что сон еще не закончен. Он вновь восседал во главе длинного, искусно гравированного стола, который занимал большую часть этого иллюзорного Великого Зала.

И те двое, что были так заинтересованы в его сне, все еще были здесь, наблюдая за ним.

Орк слева от него, пожилой, но до сих пор могущественный, изучал его лицо, а затем заулыбался, мимикой растягивая изображение белого черепа, нарисованное на его лице. И мальчик справа от него – чахлый, болезненный мальчик – выглядел даже хуже, чем его запомнил Артас перед тем, как погрузился в сон воспоминаний.

Мальчуган облизнул растрескавшиеся бледные губы и вздохнул, будто собираясь говорить, но именно слова орка первыми нарушили тишину.

– Будет гораздо больше, – пообещал он.

Видения наполнили разум Артаса, смешиваясь и накладываясь друг на друга так, что в этом мелькании будущее переплелось с прошлым. Армия людей верхом на лошадях, несущая флаг Штормграда… сражающаяся бок о бок с, а не против, воинами Орды, восседавших на рычащих волках. Они были союзниками, вместе атакуя Плеть. Сцена сдвинулась, изменилась. Теперь люди и орки сражались друг с другом, – и нежить, выкрикивающая приказы и сражающаяся по своей собственной воле, стояла плечом к плечу с орками, странными быколюдами и троллями.

Кель'Талас не повержен? Нет, нет, ведь там был шрам, который оставили он и его армия, – но город был отстроен заново…

Теперь видения еще быстрее лились в его разум, вызывая головокружение, хаотичные, спутанные. Теперь было невозможно отличить прошлое от будущего. Новое видение, о драконах-скелетах, разрушающих город, невиданный прежде Артасом – жаркое, сухое место, переполненное орками. И – да, да, уже сам Штормград находился под атакой драконов-скелетов…

Нерубы – нет, нет, не нерубы, не народ Ануб'арака, а их родственники, да. Они были жителями пустыни. Им служили огромные создания с головами собак, големы, сделанные из обсидиана, шагающие по блестящим желтым пескам.

Появился символ, который Артас узнал – "Л" Лордерона, пронзенное мечом, не синее, а красное. Символ изменился, превратился в красное пламя на белом фоне. Казалось, что пламя горело собственной жизнью, и поглотило фон, сжигая его, чтобы открыть серебристые воды громадного озера… моря…

…Что-то вздымалось прямо под поверхностью океана. Гладь начала дико пениться, бурлить, будто от шторма, хотя день был ясный. Теперь Артас слышал только ужасный звук, который смутно напомнил ему смех, слившийся с криком мира, вырванного из своего места, поднимаемого вверх на поверхность к свету дня, который он не видел бесчисленные столетия…

Зеленые – все было зеленым, смутным и кошмарным – гигантские образы танцевали на краю разума Артаса только для того, чтобы умчаться, прежде чем их разглядят. Промелькнул мимолетный взгляд, тут же исчезнувший – оленьи рога? Олень? Человек? Было сложно сказать. То, что он не смог разглядеть, окружала надежда, но были силы, стремящиеся уничтожить ее…

Сами горы ожили, передвигаясь гигантскими шагами, круша все, чему не повезло оказаться у них на пути. С каждым громадным шагом казалось, что мир дрожит и сотрясается.

Ледяная Скорбь. Ее он, по крайней мере, знал и знал хорошо. Меч вращался оборот за оборотом, будто Артас подбрасывал его в воздух. Второй меч вырос ему навстречу – длинный, неэлегантный, но мощный, с черепом, вставленным в его грозный клинок. Имя ему – "Испепелитель", меч, больше чем меч, подобно Ледяной Скорби. Мечи столкнулись…

Артас моргнул и потряс головой. Видения, беспорядочные, хаотичные и тревожащие – ушли.

Орк тихо засмеялся, нарисованный на его лице череп растягивался вместе с мимикой. Когда-то его звали Нер'зулом, когда-то у него был дар провидения. Артас не сомневался, что все, что он видел, хоть и совершенно непонятно, действительно произойдет.

– Гораздо больше, – повторил орк, – но если только ты всецело продолжишь идти по этому пути.

Медленно рыцарь смерти повернул свою белую голову к мальчугану. Больной ребенок встретил его пристальным взглядом, который был поразительно чистым, и на мгновенье Артас почувствовал, как что-то зашевелилось внутри него. Несмотря ни на что – мальчик не умрет.

А это значит…

Мальчик слегка улыбнулся, и болезнь немного отступила, когда Артас с трудом выговорил слова.

– Ты… это я. Вы оба… часть меня. Но ты… – его голос был мягким, в нем слышалось удивление и неверие. – Ты – маленький огонек, который все еще горит внутри меня, который сопротивляется льду. Ты – последние остатки человечности, сострадания, моей способности любить, горевать… заботиться. Ты – моя любовь к Джайне, любовь к моему отцу… ко всему, что делала меня таким, каким я когда-то был. Почему-то Ледяная Скорбь не забрала ее всю. Я пытался отвернуться от тебя… и не смог. Я… не могу.

Глаза мальчика, цвета морской волны, прояснились, и он одарил его дрожащей улыбкой. Цвет его кожи стал здоровей, и на глазах Артаса несколько гнойников на его коже исчезли.

– Теперь ты понимаешь. Вопреки всему, Артас, ты не отказался от меня, – слезы надежды выступили на его глазах, и его голос, хоть и был сейчас сильнее чем раньше, дрожал от избытка чувств. – На это должна быть причина. Артас Менетил… сколько бы вреда ты не принес, но в тебе все еще есть доброта. Если бы ее не было… я бы не существовал, даже в твоих сновидениях.

Он поднялся с кресла и медленно подошел к рыцарю смерти. Артас стоял, пока он приближался. Мгновение они рассматривали друг друга, ребенок и человек, которым он стал.

Мальчик протянул свои руки, словно был живым, дышащим ребенком, просящим, чтобы его поднял и обнял любящий отец.

– Не может быть, чтобы было слишком поздно, – тихо сказал он.

– Нет, – тихо ответил Артас, сосредоточенно глядя на мальчугана. – Не может.

Он дотронулся до щеки мальчика, мягко опустил руку под маленький подбородок и приподнял сияющее лицо.

– Но это так.

Ледяная Скорбь опустилась. Мальчик закричал, его крик источал неверие предательству и боль – как у беснующегося снаружи ветра – и на мгновенье Артас увидел его там, из его груди торчал меч чуть ли не больше его самого. В последний раз он почувствовал дрожь сожаления, когда встретился взглядом со своими собственными глазами.

Затем мальчик ушел. Все, что напоминало о нем, было лишь горьким плачем ветра, мчащемся по измученной земле.

Это было… изумительно. Только с уходом мальчишки Артас по-настоящему осознал, какой страшной ношей были эти

борющиеся остатки человечности. Он почувствовал свет, мощный, очищенный. Освобождающей чистоты, каким скоро станет Азерот. Все его слабости, его доброта, все, что когда-либо заставляло его колебаться или критиковать, – теперь все ушло.

Остались лишь Артас и Ледяная Скорбь, ни намека на остатки души принца, и орк с ликом черепа на своем лице разразился торжествующим смехом.

– Да! – оживился орк, радость которого стала почти маниакальной. – Я знал, что ты выберешь этот путь. Ты долго сражался со своей последней толикой доброты, человечности внутри тебя, но этому, наконец, пришел конец. Мальчишка сдерживал тебя все это время, но теперь ты свободен.

Он вскочил на ноги, и хотя его тело было старым и дряхлым, двигался он с непринужденностью и бодростью, как молодой орк.

– Мы едины, Артас. Вместе мы – Король-лич. Нет больше Нер'зула, нет больше Артаса, – только это совершенное существо. С моими знаниями мы можем...

Его глаза округлились, когда его пронзил меч.

Артас шагнул вперед, погружая сверкающую, голодную Ледяную Скорбь еще глубже в создание из сна, которое раньше было Нер'зулом, затем Королем-личем, а скоро должно было стать ничем, абсолютно ничем. Он обхватил другой рукой его тело, прижимая свои губы так близко к зеленому уху, что жест был интимным. Таким же интимным, каким был и всегда будет акт отнятия жизни.

– Нет, – прошипел Артас. – Этого "*мы*" попросту нет. Никто не будет мне указывать, что и как надо делать. Я получил от тебя все, что мне было нужно – теперь вся эта сила моя и только моя. Теперь есть только я. Я – Король-лич. И я готов к этому.

Орк, ошеломленный вероломным предательством, задрожал в его руках и затем исчез.

Чашка разбилась, упав из неожиданно обессилевших рук Джайны. Она ловила ртом воздух, на мгновение не способная вдохнуть. Холод сырого, пасмурного дня вонзился в нее. Эгвин была рядом, ее грубые руки легли на руки Джайны.

– Эгвин… я… что произошло? – Ее голос был сиплым, полным страдания, неожиданно слезы брызнули из ее глаз, словно она ужасно горевала об утрате… *чего-то*…

– Это не твое воображение, – мрачно сказала Эгвин. – Я тоже почувствовала это. А вот что именно… что ж, я уверена, мы это узнаем.

Сильвана содрогнулась, будто огромный демон, стоящий

перед ней, ударил ее. На что, безусловно, он никогда не отважится. Вариматас сузил свои пылающие глаза.

– Леди? Что это?

Он.

Это *всегда* был он.

Одетые в перчатки руки Сильваны сжимались и разжимались.

– Что-то произошло. Что-то, связанное с Королем-личем. Я… почувствовала это.

Между ними больше не было связи, чтобы она оказалась под его властью. Но, наверно, что-то осталось. Что-то, предупредившее ее.

– Нам нужно приниматься за дело, – сказала она Вариматасу. – Я думаю, что внезапно время для нас стало слишком большой роскошью.

Так долго он ничего не чувствовал. Он пребывал на троне, неподвижный, выжидающий, дремлющий. Лед сковал его, пока он, как камень, неподвижно сидел, но не оковами, нет, а второй кожей.

Тогда он не знал, чего ждет, но теперь он понял. Он сделал последние шаги на пути, начавшемся так давно, начавшемся в день, когда тьма впервые вторглась в его мир в виде рыдающего юного принца Штормграда, оплакивающего своего отца. Путь провел его через Азерот в Нордскол, к этому Ледяному Трону и открытому небу. К поиску самых сокровенных глубин своей личности, к убийству как невинных,сдерживавших его на пути, так и частиц себя, которые его создали таким.

Артас, Король-лич, единственный в своей славе и мощи, медленно открыл глаза. Лед на них треснул и рассыпался на маленькие осколки, словно ледяные слезы. Под украшенным орнаментом шлемом, закрывавшим его белые волосы и бледную кожу, заиграла улыбка, от которой осыпалось еще больше льда, медленно освобождая того, кто больше не нуждался в осколках ледяной хризалиды. Он пробудился.

– Началось.